

65.521(=665.1)

Ц151

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

КРИК ЖУРАВЛЯ

Ты стой, стой, стой, послушай —
Пусть твою встречу душа
Жилы-стоны,
Струны-авоны
Журавля!

На 1-й стр. вклейки — охотник-ветеран Сობоль Айваседа. Вокруг реальная сегодняшняя жизнь, и в то же время живо ощущение, что ты в заповедном уголке земли, где живы во всей их первозданности песни и сказки северных народов, где не забыты еще древние, патриархальные нравственные начала...

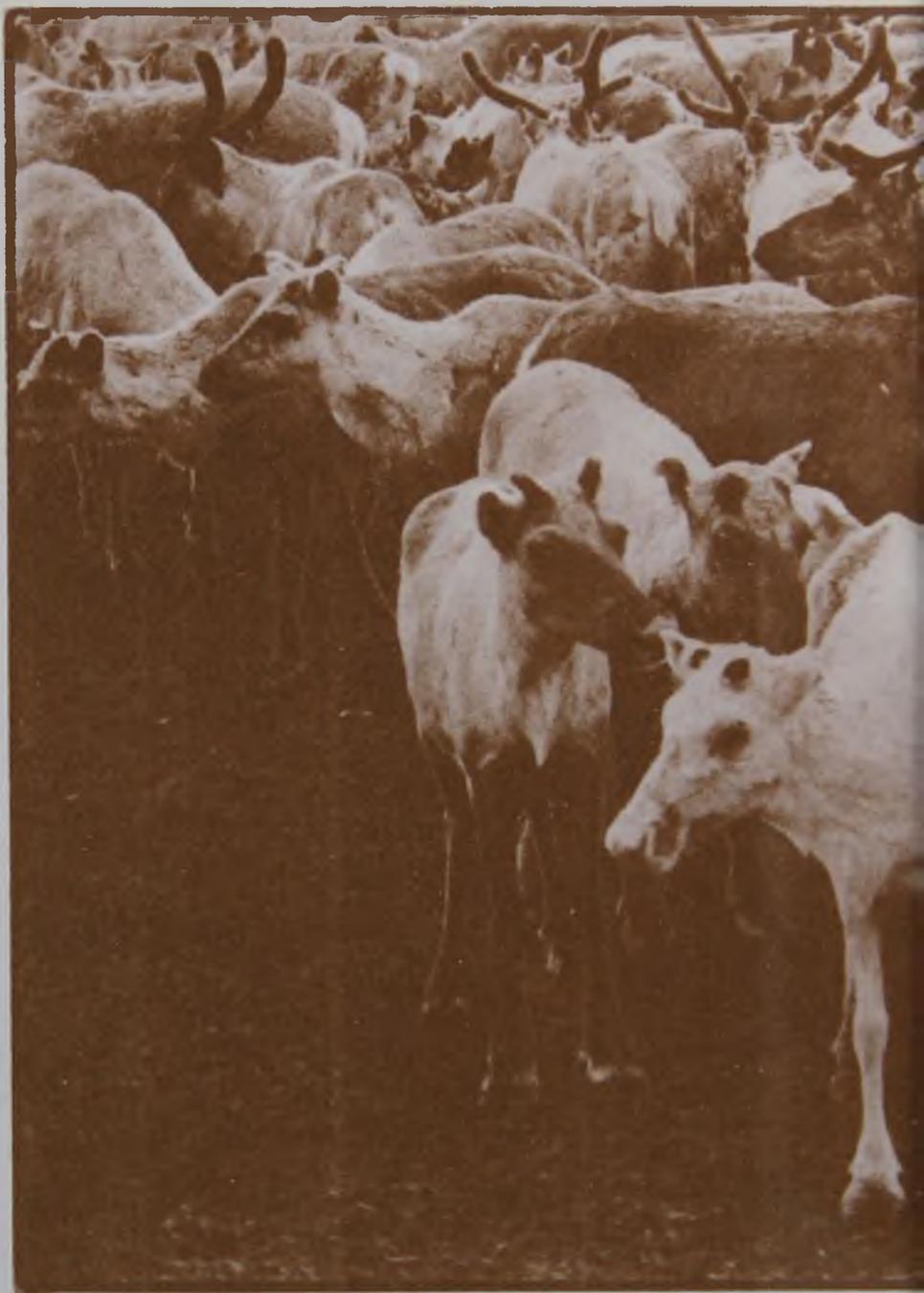
Что нужно для воспитания детей народностей Севера? Обычная школа? Школа-интернат? Семья? Эти вопросы сейчас волнуют многих. Я сам питомец школы-интерната, как и многие другие мои сверстники. Воспоминаний много — и радостных, и грустных...

Служит ли нефть югорской земле, ее коренным жителям?
Почему богатейшая кладовая сокровищ не может обеспечить
своих детей самыми необходимыми условиями
существования — жильем, продовольствием, одеждой?
Не исчезнет ли «благодаря» нефти рыба, а с ней и
профессия рыбака?

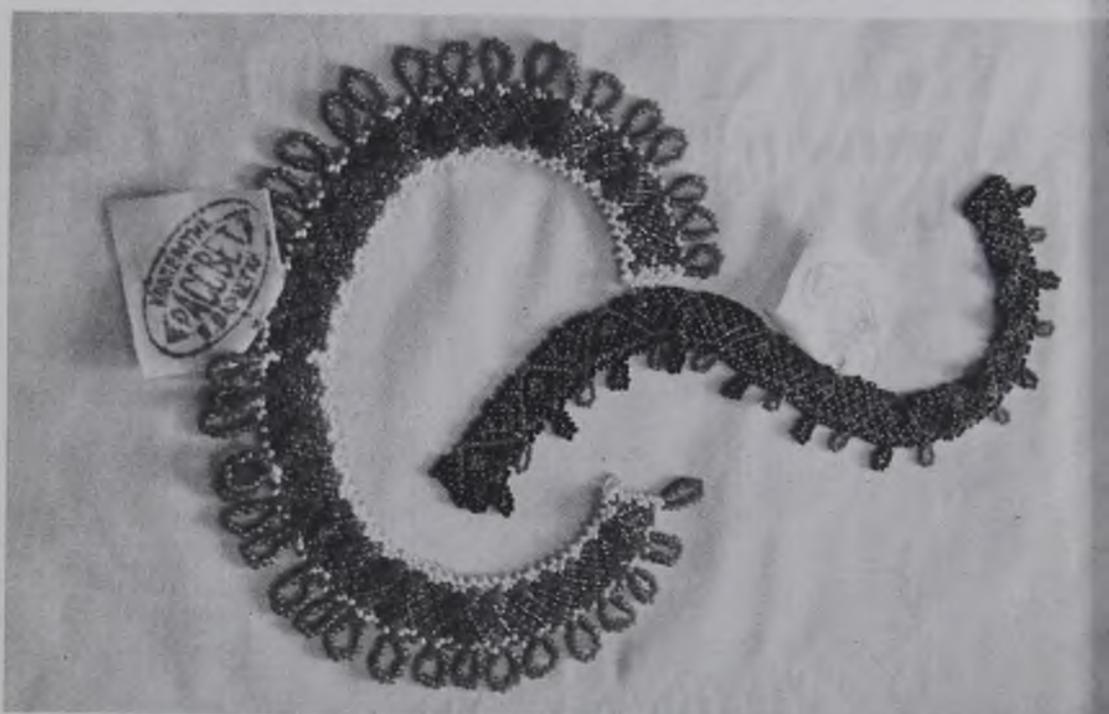

Человеку, решившему посвятить себя охоте, нужно обладать выносливостью и острым зрением, уметь переносить все тяготы. Приходится каждый день осваивать все новые и новые места. За осень, долгую зиму промысловик проходит 5—6 тысяч километров в поисках зверя.

Изделия национального кооператива «Рассвет» (Варьеган) и его председатель Л. С. Айваседа (на снимке справа).

Под звуки бубна исполняет народные песни Аули Иуси.
Справа на верхнем снимке — самодеятельный художник
Р. Карымов; на среднем — национальный ансамбль «Пяшита»
из поселка Варьеган; на нижнем — занятия в музыкальной
школе Новоаганска.

Юван Шесталов
КРИК
ЖУРАВЛЯ

КРИК
ЖУРАВЛЯ

Юван Шесталов
КРИК
ЖУРАВЛЯ

КРИК
ЖУРАВЛЯ

ЖУРНАЛ КРИК УРАВЛЯ

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

Коллекция
Пачинаев
Ж. Б.

Свердловск
Средне-
Уральское
книжное
издательство
1990

Государственная
библиотека
Югры

РФ

ББК 63.3(2)
Ш51

Редактор В. В. Мылов

Шесталов Ю. Н.

**Ш51 Крик журавля.— Свердловск: Сред.-Урал.
кн. изд-во, 1990.— 224 с.: ил.**

ISBN 5—7529—0395—5

85 к. 7000 экз.

О том, как возродить к жизни традиционные промыслы, уклад жизни, национальное творчество коренных жителей Тюменского Севера, размышляет известный мансийский писатель, лауреат Государственной премии РСФСР Юван Шесталов в своей книге, выходящей в год 60-летия Ханты-Мансийского автономного округа.

Ш $\frac{0301050700-053}{Ш158(03)-90}$ 7-90

ББК 63.3(2)

ISBN 5—7529—0395—5

© Юван Шесталов, 1990.

Случилось это давно, в сказочное время. Птица-легенда поспорила с Вещим вороном. Он летел на белоснежных крыльях и был белее первозданного снега. Заспорили о том, кто больше пролетит, не опуская крыльев. Взмыли они под облака — и в путь. Молча и упорно летел Вещий ворон, а Птица-легенда заливалась песнями. Нипочем ей ни белый ветер, ни черная гроза, ни гром, ни град. Веселит себе душу. Почернел от зависти ворон, тяжело опустил черные крылья. А Птица-легенда до наших дней долетела, песнь с собой принесла. А в песне той — жизнь, летящая на могучих крыльях времени. Времени добрых надежд и озарений Разума...

В моих руках журавль. Не птицу держу я, а многострунную мансийскую арфу — торыг. Похожа она на журавля с гордо выгнутой шеей.

Трогаю струны и вслушиваюсь. Но сегодня меня волнует не ритмичная мелодия и древнюю мансийскую арфу беру не оттого, что просто захотелось попеть. Журавль-арфа для манси и ханты — священный инструмент. Не каждый мог касаться этих струн. Лишь по большим дням звенел его голос, лишь от большого горя струны-жилы стонали, лишь от великого счастья мудрый журавль пел.

Я осмелился взять его в руки. Не оттого, что он запылился и некому больше играть. Трогаю волшебные струны и думаю думу о земле, на которой родился и рос.

Трону первую струну волшебного журавля — и задумаюсь: «Есть ли история у моего Севера? Неужели в прошлом все было так плохо?»

Трону вторую струну — и опять задумаюсь: «А настоящее югорской земли? Что волнует моих соплеменников? Какие беды выпали на долю ханты, манси, ненцев — истинных детей природы? На каких радостях держится их жизнь? Возможно ли спасти Природу, ее мудрую гармонию?»

Трону третью струну — третью думу думаю: «Край будущего» — пишут в газетах. А какое это будущее?»

Коль тронул три струны — играй на журавле! Играй на всех струнах! Таков обычай.

А струн у арфы много — как чудес на моем Севере! Много, как историй, легенд...

Тронешь струну и услышишь: «Дивное чудо нашли, о котором мы не слыхивали раньше!..»

Так воскликнул древнерусский летописец XI века, передавая рассказ новгородца, побывавшего в «полуночных странах». Это первое известие русских летописей о югорской земле — так тогда называли огромный край от Урала до Енисея.

Югра — древнее имя нашего Ханты-Мансийского Севера. Она казалась новгородцам сказочной, бога-

той страной, где происходят чудеса: «Вот старики наши ходили на Югру... Сами видели: в полуночных странах спадала туча, а в той туче спадала белка молодая, только что рожденная, вырастала и расходилась по земле; и бывает другая туча: спадают в ней олени маленькие, вырастают и расходятся...»

Тронешь струну — и звенит глухаринная песня, шелестит зелеными иголками пятисотлетний кедр, трубит лось.

Тронешь струну — и скрипят лыжи из лосиного камуса, и поет белый-белый снег.

Ты идешь по зимней тайге. Читаешь следы зверей и птиц на снегу — и вдруг встревожит мысль: нынче людям снится космос, но неужели человечество забудет земные сны? Неужели в наших потомках не шевельнется душа рыбака и охотника, знатока и ценителя природы?

Тронешь струну — и плещутся полноводные реки, и рыбы над струями пляшут, хватая бабочек. А небо, небо белой ночи, звенит от полета уток, гогота гусей, лепета лебедей, лишь журавлей-стерхов не стало. Живая музыка вечной белой ночи неужели вас не заморозит?

Тронешь струну — и задумываешься: «А как обо всем этом рассказать?»

Может, сказки помогут? Ведь в них глаза народа.

Может, песни помогут? В них душа народа.

А может, обыкновенная быль ярче самой причудливой сказки? Точные факты и цифры?

Трогаю струну волшебного журавля и решаю: «Сказка, пой о жизни! Цифры, говорите! Летопись, напоминай! Песня, лейся! О Югре, радости и боли моей!..»

Родина, мать, боль колдует, моля,
Боль колотится в сердце моем непокорном.
Ты ли это,

родная моя земля?

В шрамах дорог,
Железом истерзана черным.

Весь в слезах любви, со своей тоской,
 Детства сном
 Я пришел к твоему изголовью,
 Чтоб на ржавых язвах, коросте стальной
 Нарисовать лицо твое кровью.

Сначала была сказка.

Летит облако. Белое облако. На нем стоит белый чум. В чуме сидит мужчина. У него смуглые и лицо, и тело, и темные волосы. А звать его Торум¹, Верхний дух. У него нет ни товарища, ни собаки, ни жены. Без них разве это мужчина?

— У! Однако мне плохо!— воскликнул он.

— Будет хорошо, если найдешь женщину,— пропел ветер.

— Женщина... Что это такое?

— Это, должно быть, мать,— пропел ветер.— Мать всему, имеющему глаза, уши. И ползающим червям она мать. И летающим птицам мать. И плывущим рыбам мать. И мужчине...

— У! Женщина — это, должно быть, хорошо! Мне надо женщину!— воскликнул мужчина.

— Надо, так ищи!— пропел ветер.

И стал мужчина искать женщину. И ходил по белым гребням облаков. И летал между мерцающими звездами. И ползал по холодной Луне, причитая:

— Где ты, моя женщина? Где ты, моя теплая?

— Здесь!— донеслось сверху.

И видит мужчина наверху облако. Белое облако. На облаке стоит чум. В чуме сидит женщина. И лицо у нее белое. И ноги, и руки белые. А волосы золотые. А глаза смородиновые... Белая, белая женщина с тающими смородиновыми глазами.

— Что ты делаешь?

— Ничего не делаю,— ответила белая женщина, полувоздушная, улыбающаяся, очаровательная.— Летаю, мечтаю, жду.

¹ Торум — верховное существо мансийского Олимпа. Он создал Вселенную, потом удалился на небо и уже не участвует в человеческих делах, управляя миром через своих подчиненных.

— Кого ждешь?

— Не знаю. Но жду.

— А я знаю, что у меня нет товарища. Без товарища как я буду жить в этом большом, бесконечном мире?

— Не знаю.

— А я знаю: мне нужен товарищ.

— Откуда его возьмешь?

— Не знаю.

— Не знает... А еще называется бог.

— Знаю одно: есть под Небом Земля. На Земле нет хозяина. Нет творца!

— Сделай. На то ты и бог...

— А как?

— А так... Зачем ты пришел?

— Играть хочу...

— Ну и играй.

Спать легли. Хорошо играли. Родилось что-то живое, веселое... А женщина села на камень у самой воды. Песню запела. Колыбельную. Через три дня видит: выросла трава. Колышется, качается, песню жизни поет.

И молвила Сорни-пай¹: расти-вырастай, живое, трепетное, светлое, рождающее новую жизнь!

Через семь дней видит Сорни-пай: вся Земля покрылась не только травой, но и мхами, ягодами, грибами, деревьями с вкусными и жирными орехами. И два мальчика в колыбели запели... Один потом заслужил имя Мирсуснэхум², другого назвали черным словом — Куль³.

И молвила Богиня Земли:

— Если на эту зеленую сказку попытается сесть что-то летающее черное, злое, смердящее, да найдет все живое силу живую выстоять, выжить!..

И зеленая Земля запела песню жизни...

¹ Сорни-най — золотая женщина, женщина-мать.

² Мирсуснэхум — всевидящий, всеслышащий. Дух, страж справедливости, творец, строитель Земли, всадник на белом коне.

³ Куль — царь тьмы, злой дух подземелья, леший, черт.

Хорошее слово —
товарищ в пути.
Хорошее не забывается.
Хорошее не умирает,
как солнце,
вода,
олень,
собака,
человек.

Сначала была сказка... Может, время сказок прошло? Говорят, теперь детям их редко рассказывают. Новое поколение не воспитается на одних старинных преданиях. В современных людях верх берет каждодневная реальность. Они не чувствуют в себе ни великих охотников, победивших медведя в рукопашной схватке, ни удачливых рыбаков, поймавших метрового осетра. И все же в мире, где мы живем, вечно приходится с чем-то бороться... Может, время сказок и прошло. Но земля предков, овеянная легендами, остается. Черпать силу в добрых сказках — разве это старо? Ощутить нерасторжимую связь с землей предков да поможет Сказка!

Знаю, в каждой сказке скрыты свои тайны. Их нужно разгадать, сделать понятными и простыми.

Сказка, быть может, немного приоткроет истинный смысл жизни, полной, как и прежде, вечных загадок. Черпать силу в мудрых сказках да поможет Слово!

И человек рождается,
чтоб оставлять следы.
Добрый его след —
как звездный путь.
Добрый свет — товарищ в пути.

Первые мансийские сказки я услышал от бабушки.

Теперь я и сам дедушка. У моего внука два имени: Станислав и Миколка. Миколкой называю его в честь моего отца. Он умер незадолго до рождения Станислава. И мне все время кажется, что во внуке снова «проснулся» дед.

Впрочем, так всегда думали мои предки... Возможно, во мне живы их суеверия. Ну, а что плохого

в том, что мы ищем сходство с нашими родителями в своих детях?

И Станислав — хорошее имя. Пусть мой внук станет славным!..

Восславь большое дерево,
Подарившее тебе орехи.
Воспой большую реку,
Подарившую тебе рыбу:
Красота радует восхваляющих.

Я помню моего дедушку, как реку, как лес, как небо... Помню его маленькую избушку, помню сказки с их великим духом доброты.

Вспоминаю о дедушке, и мне хочется думать о корнях человека, о его духовном начале, о его тихой мудрости.

Человек должен иметь неразрывную связь с прошлым, должен ощущать себя потомком, хранителем сказок.

Найди во взоре своем теплые струи света.
Взгляни на мир
Добрый взглядом большого сердца:
Красота награждает жаждущего
Истинной красотой!

В детстве мне загадывали загадки дедушка, бабушка, сверстники мои. Дедушка загадывал загадки обычно у очага, в котором играл веселый огонь, бабушка — укладывая меня спать, сверстники — всегда, днем и ночью, утром и вечером, когда мы были вместе. И я всегда должен был найти ответ.

Загадка — приглашение к размышлению о Земле и Небе, об Огне и Воде, о Природе и Человеке.

Было время, я искал ответы на загадки детства. Настало время новое, и новые вопросы ставит передо мной жизнь. Как и прежде, я должен отвечать на них.

Вспоминая сказки дедушки, удивляюсь теперь его странному мироощущению. Но тогда они мне казались естественными. Ась-ойка жил одной жизнью с природой. Он, кажется, ни одного зверя не считал глупее себя. В его глазах животные, как и

люди, соединялись в семьи, племена, говорили на своих языках... Человек, лось, медведь, журавль, осетр — это все люди, только они принарядились, чтобы скрыть свою сущность перед злыми духами. У зверей дедушка не только замечал чисто человеческие свойства, но находил и признаки превосходства: птицы летают, рыбы плавают, лоси бегают быстро, гагары предчувствуют непогоду... Считая все зверье как бы себе подобным, а порой даже превосходящим человека по силе, дедушка думал, что с животными можно воевать и мириться, можно им мстить и находить с ними язык дружбы и согласия. О согласии и гармонии говорилось во всех сказках дедушки.

Когда я слушал Ась-ойку, мне был ясен мир...
Сегодня для меня все стало загадкой, и, размышляя
над сказками дедушки, над его простым и странным
мироощущением, я снова и снова думаю о человеке.
О его прошлом, настоящем и будущем.

Я песнь живую сложу
И брошу эту думу вдаль,
Ей в изголовье положу
И сердце, и свою печаль.

ЕСТЬ ЛИ ИСТОРИЯ У НАШЕГО СЕВЕРА?

Мои загадки:

— По белой дороге идет загадочный человек.
След его слова образует. Что это?

— Карандаш.

— На белом снегу черные камушки. Что это?

— Книга.

— Есть удивительный волшебник. В нем живут
люди разных времен. А говорят они на одном языке.
Что это?

— Книга.

Неужели только в книге можно совершить путе-
шествие во времени и в пространстве?

Я долго спал, слившись со снегом, с мифами и
сказками дедушки, не ведая о времени, о мире, о
себе... Но солнце новой жизни разбудило мой народ

и меня. Проснувшись, я увидел дорогу, какой не видели мои предки. И пошел по ней... Пошел от берлоги к чуму, от чума к дому, от дома к дворцам, от селения к городу, от страны к стране.

Время шло рядом со мной. Порой я не замечал его движения. Но, заслышав его шаги, не бежал прочь... Я шел к людям, шел с людьми. Я летал на крылатых лодках — самолетах. И плыл на больших лодках — теплоходах.

Чем дальше на север, тем шире разливалась река, оттесняя приземистые берега. Впрочем, временами берегов совсем не было видно, вода гуляла не только по заливным лугам, но и по полям. Весна. Половодье.

Река, по которой плывет наш теплоход, называется Тура. «Тура, Тура», — шепчу я. «Тур-я, Тур-я», — повторяет мой язык, не забывший еще слова предков. «Тур-я, Тур-я», — слышит мой мансийский слух. И тут же осмысление как прозрение. «Тур» по-мансийски — озеро, «я» — река.

Гладь реки ломалась под теплоходом. Если бы не деревья, стоявшие местами по колено в воде, трудно было бы отличить, где берега. Тура могла в это весеннее половодье показаться неопытному глазу озером.

Впрочем, слово «тур» в мансийском языке означает не только озеро, но и заливной луг, в поймах Оби и Сосьвы, где летом, в пору разлива, нерестится и жирует обская рыба. По-русски такой луг или озеро называется «сор», видно, от хантыйского слова «тор», мансийского — «тур». Тура, Тур-я — озерная река.

Возможно, кое-кому это покажется случайным совпадением, легкомысленной выдумкой поэта. Ведь сегодня на берегах Туры нет никаких манси. Население в основном состоит из русских и татар.

Деревни, села, города, выплывающие навстречу теплоходу, устремлены в небо русскими церквями, татарскими мечетями. Новостройками нашего времени.

О первозданности и говорить нечего. Ничего мансийского, кроме игры большой воды, я на берегах Туры не увидел.

Может быть, и в названии случайное совпадение?

Но передо мной исторические источники...

Первое довольно подробное описание Туры сделал академик Лепехин. Он предполагал, что слово «Тура» произошло от хантыйского «турца», означающего роскошь или приволье. Но большинство исследователей считает, что «Тура» произошло от древнемансийского «тынра». Так, историк В. Н. Татищев в своем небезызвестном труде «Введение к историческому описанию Великороссии» утверждает, что Туру манси величают Тынрой, а это значит длинная или долгая. Такое же толкование дается и в современном учебнике «География Тюменской области».

И Герард Фридрих Миллер¹ в своем фундаментальном труде «История Сибири» тоже говорил о названии Туры: «При этом нужно принимать также во внимание, что татары название реки Туры приносили как «Тере», что и вогулы², которые, вероятно, были более древними, чем татары, обитателями тех мест, называли эту реку Тере-я. Следовательно, татарское название могло произойти от вогульского...»³ Собранный в этом фундаментальном труде огромный, обработанный неутомимым тружеником материал, по мнению ученых, до сих пор сохранил свое выдающееся научное значение и в известной мере является первоисточником по истории Северной Азии, так как некоторые документы не дошли до нас и доступны лишь по тем копиям, которые приложены к «Истории Сибири». Ведь в начале XVIII века Северная Азия еще оста-

¹ Миллер Г. Ф. (1705—1783) родился в Германии, работал в России. Первый том «Истории Сибири» вышел в свет на русском языке в 1750 году.

² Вогулы — старое название манси.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири.— М.; Л.— Т. 1, 1937, с. 194; Т. 2, 1941.

валась погруженной для ученых в глубокий мрак, слыла под общим именем Татарии и все народы, в ней обитавшие, почитались за татар. Не знали даже, «как далеко на восток тянется суша и продолжается ли она до Америки или отделяется от нее морем»¹.

А мы, люди XX века, многое ли знаем о своей земле? Читая страницы этой книги, я снова и снова открывал край, где родился и рос, находил такие факты из прошлого своего народа, о существовании которых и не подозревал. Может, они нам, людям, строящим будущее, ни к чему? Ведь не я ли восклицал как-то в своих стихах, поднимаясь в гору современности: «Вниз, как в темное прошлое, я не должен, не должен глядеть!»

А может, не почувствовав сердцем «темного прошлого», нельзя понять, оценить настоящее и будущее? Может, чувствуя это, я в самом начале моей творческой жизни пропел и такие декларативные строки:

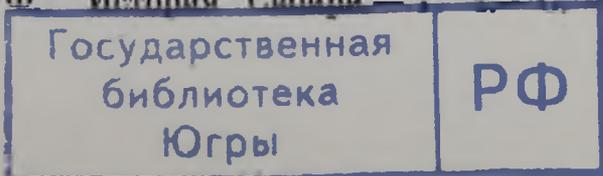
Пахнет ягодами ветер
 Над рекой моей могучей.
 И не волчьих глаз цепочка,
 А огни в тайге горят.
 Вот муксун, как юный месяц,
 Полыхнул в сетях певучих.
 Но вершины древних кедров
 Мне поют на старый лад.
 Мучит слух мой песня эта,
 Жжет глаза мне дымом едким.
 Есть такое у поэта
 Право — помнить о былом!
 Даже в полдень коммунизма
 Я оплачу горе предков
 И спою о беспокойном
 Пробуждении моем.

Мое пробуждение началось на реке моего детства, текущей в Сибири.

«Жители Сибири с древнейших времен больше старались прославить себя оружием, нежели описанием своих деяний. В ней не процветали ни наука,

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири — Т. 4. С. 5.

- 034227 -

ни искусство, да и умение писать большей частью было мало распространено. Поэтому легко рассудить, что о древнейших событиях этой громадной азиатской страны трудно рассказать много достоверного или основанного на неопровержимых фактах»¹.

Что ж, сегодня нам приходится наверстывать упущения, заниматься описанием своих деяний. Попробую и я внести свой вклад.

Обращаясь к тем немногим фактам, которые собрали историки и географы, открывшие Сибирь, размышляю над именами народов, рек, гор, сравниваю их с давно известными, ищу сходства и различия, делаю предположения, заключения...

Случалось раньше, что некоторые исследователи, за неимением достоверных сведений или из-за незнания языка древних жителей, не раз предвзято толковали обстоятельства и редкие факты в пользу своей гипотезы.

По-моему, и в этом я согласен с Миллером, правильнее будет, если события прежних времен, за неимением доказательств, оставлять неразъясненными, чем неверно их освещать. И все же, кажется, я знаю иной язык, чем те, кто прикасался к бытию и фактам жизни малочисленных народов Сибири. Наверное, людям, вскормленным плодами европейской цивилизации, нелегко проникнуть в душу народов Севера, в их своеобразную культуру. Необходимо не только знать языки, но и осознавать себя носителем этой культуры, частицей вечно движущейся истории.

Мне кажется, что я вполне современный человек. И все же порою чувствую себя древним-древним. И просыпаются во мне сказки, видения веков являются...

У каждого народа есть прошлое, в том или ином виде присутствующее в современности. Даже когда кажется, что оно полностью оставлено позади, всецело стало достоянием истории, то все же и в этом

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 1.— С. 169.

случае его надо знать, так как только в сравнении с ним можно глубоко и полно понять нынешнее состояние.

И потому мое путешествие на Север будет одновременно путешествием во времени от современности к прошлому и от прошлого к современности.

Итак, огненная лодка-теплоход несет меня в пространстве. А двигаться во времени мне помогают дух предков Мирсуснэхум, Слово-песня и историк Миллер.

Я
 Пытаюсь слиться с большой рекой,
 С плеском ее,
 Ее берегом — дикой кручей.
 Слово свое я вплетаю в ветра вой
 И в шелестение

и стоны
 тайги дремучей.

Сажу на бревне, удобно облокотившись на колени. Чувствую, что привык к удобствам. И на диком берегу Иртыша сажу не «объятый думой», а просто так. Хочу смотреть, любоваться ширью, которой так стало не хватать! Сожалею о чем-то. Но о чем? Может быть, мне не хватает на «диком берегу Иртыша» истинной дикости и первозданности? Не знаю... Но чувствую, что, прикоснувшись к большой воде моих предков, снова приобретаю утерянные было нити естества и природы...

Я думаю о гармонии старого и нового, которая может разрушиться, когда Тобольск превратится в крупнейший нефтехимический комплекс и встанет в ряд с такими всесоюзными стройками, как ВАЗ и КамАЗ, а по мощности превзойдет Омский нефтекомбинат.

Больше всего меня беспокоит: а что будет с водой Иртыша, которую в низовьях пьют мои сородичи, не исчезнет ли рыба? Без нее манси и ханты жить не могут... Что же будет с живой и трепетной природой?

Тобольск. Стольный град старой Сибири. Белокаменный кремль, чудесная каменная вязь узорочья

соборов, жемчужина деревянного зодчества. Это орнамент, который надо хранить, не торопясь разгадывая каждый неповторимый узор его.

Тобольск...

Он пришел ко мне из сказки, как бабушка и дедушка, как вода, небо, лес. Вместе с первыми большими словами он пришел ко мне. По-мансийски он имел привычное для таежного слуха имя Тупыл-ус и находился не так уж далеко. Чуть подальше Хальуса¹, чуть побольше нашей полуночной северной столицы.

Семнадцатилетним юношей увидел я впервые Тобольск. Но мне тогда казалось, что я его знаю давным-давно. Может, всему тому причиной сказки? А может быть, вечерние камлания дедушки, когда он бил в бубен, общаясь с духами? Ведь это Мирсуснэхум, Всевидящий дух, улетаая в верхний мир, всегда останавливался в белокаменной Сибири, парящей в небе куполами золоченых церквей! Здесь он общался с русским богом, несущим железный крест. Мурсуснэхум нередко вступал в борьбу с купцами, чиновниками и даже с самим царем, который, казалось, восседал здесь. Под этим высоким небом был центр земли и ее столица.

Может, приезжал сюда с Эквапыгрисем — человеком из сказки, сыном женщины, внуком бабушки, сиротой без отца и матери.

И я сын женщины. И я слушал мансийские сказки. После удачной охоты и рыбалки Эквапыгрись всегда отправлялся в Тупыл-ус, привозил сюда свою добычу — золотые меха, осетров, муксунов. Он удивлялся, как чуду, городу верхнему и нижнему. На верхней стороне дома высокие, как горы, сияли окнами. На нижней — низенькие и, словно карликовые кусты, бежали под гору к плещущейся воде.

Хотя в первый мой приезд Тобольск еще дышал сказочно-старинным обличьем, но в нем купцов уже

¹ Хальус (манс.) — Березово.

не было. И я ступил на его улицы уже не как Эквапыгрись, а молодым человеком, которому открыты все дороги в большой мир. Я ехал на учебу в Ленинград.

В Тобольске, ярмарочном, торговом городе, когда-то заканчивался мир, понятный манси. Отсюда начиналась новая тропа в неизведанную жизнь... Какой-то она будет?...

И вот прошло более тридцати лет. Передо мной Иртыш. Широчайший водный простор. Вдали в дрожащем мареве зеленел зарослями ивняка низкий берег... А на этой стороне коренной яр поймы золотился песчаными обрывами. Горностаевая волна билась о берег с легким плеском. Река рябилась, вся сияла, переливаясь под лучами заходящего солнца. Слепило глаза от этого яростного ликования воды и света... Иду по вечернему Тобольску, дышу теплым воздухом волшебного мира, столь знакомого и милого с первых услышанных сказок...

Солнце уже скрылось, но его золотые косы еще продолжают пылать. Они так и не угаснут. Белая ночь будет идти со мной рядом, показывая прелести старинного зодчества...

Я дошел до моста. С него открывается прекрасный вид на верхний Тобольск. Глаза смотрели, ноги шли, преодолевая сто девяносто четыре ступени знаменитого Прямского взвоза, увенчанного аркой рентереи. Когда-то здесь было хранилище царской казны. По сказочному слогу, Эквапыгрись туда носил золотистый мех — мягкое таежное золото.

Слева большой дворец генерал-губернатора. И Эквапыгрись не раз бывал в царских палатах. Вот одна из сказок... В ней Эквапыгрись назван Миленьким. Не удивляйтесь, много было у него имен. А это, видно, он заслужил. Так послушайте.

«Миленький вошел в царский дворец. Смотрит, пол, как зеркало, сверкает. Повесив черно-бурую лису на шею, он направился к царю. Увидев его с чернобуркой, царь засиял ярче пола.

— Садись, Миленький, — говорит с улыбкой царь.

Подбодрился Эквапыгрись. Взяв в одну руку черно-бурую лису, другую протянул царю. Поздоровались.

— Побеседуем, что ли, — начал царь. — Скажи, Миленький, какая пища самая питательная?

— Вода и соль самая питательная пища, — не задумываясь отвечает гость.

— А какая одежда самая теплая? — задает новый вопрос царь.

— Трава — самая теплая одежда, — говорит Эквапыгрись.

— Сколько лет прошло, как на яру выпал снег?

— Лет шесть-семь прошло с тех пор.

— Сколько исполнилось лет, как начали течь реки и ручьи?

— Лет шесть-семь исполнилось, как потекли реки и ручьи.

— Умеешь щипать пух с уток и гусей?

— Если подвернется такое дело, сумею.

— Если умеешь, оставайся здесь.

Царь ушел в другую комнату. Царские помощники и спрашивают:

— Миленький, скажи, что тебе сказал царь?

— Если положите полную шапку золота, тогда скажу, — говорит Миленький, взяв в руку шапку. Наложили ему полную шапку золота. Тогда сияющий от удовольствия Миленький и говорит:

— Вот что я вам скажу: если умеете обманывать, значит, умеете щипать пух с уток и гусей...»

А может, не с царем разговаривал Эквапыгрись, состязаясь словом, а с генерал-губернатором? Царем казался губернатор, облеченный неограниченной властью над огромной Сибирью, над ее тайгой и реками, над ее обитателями. И простые люди нередко путали его с самим белым царем... До царя дойти — как на небо взобраться, до генерал-губернатора все же можно!

И потому эти царские палаты не палаты ли дворцов Тобольского кремля, тоже сиявшие величием и роскошью?

Мне было приятно вслед за Экваныгрисем вдохнуть знакомую прохладу рукотворного каменного ущелья, ведущего в подворье кремля... Смотрел на розовое небо, на незатухающую зарю, превратившуюся незаметно в утреннюю. Она все больше и больше наливалась улыбкой близкого солнца.

Передо мной снова плескалась большая вода.

Тобольск... При этих звуках всплывают в памяти слова: Ермак, Кучум, Искер, Сибирь...

А время превратно и мглисто.
 Куда тебя гонит судьба?
 Каким ты наполнено смыслом?
 И кто же отправил тебя?
 Прапрадеды ханты и манси
 Лепили столицу Искер.
 С востока пришли иностранцы,
 Из южных степей и пещер...
 Скатились в холодные чумы
 От плена, но в рабство зимы...
 И кто их рассудит с Кучумом,
 Не станем печалиться мы.
 Пусть время превратно и мглисто,
 Волшебна у слова судьба.
 Не страшным— торжественным смыслом
 Наполнили люди тебя.

Вновь обращаюсь к «Истории Сибири» Миллера.

«Вообще думают, что Сибирь является татарским названием местности и означает не что иное, как главный город,— пишет Миллер.— Если же спросить об этом тобольских татар, то такое значение является для них совершенно неизвестным. Они называют это место Искером. Название «Сибирь», по всей вероятности, из языка иного народа, который дал первые сведения об этой стране»¹.

Искер находился в пятнадцати верстах выше Тобольска. В бывшую столицу Сибирского ханства от города можно было дойти пешком. По-над кручей правого берега пыльная тропа приведет теперь уже к заповедным местам. Недалеко от деревушки Аммосовой, на крутом глинистом яру, есть ровная пло-

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 1.— С. 195.

щадка, поросшая травой. Если присмотреться, то можно заметить чуть заметные углубления, тоже поросшие травой. Это рвы. И все очень напоминает «священные» мансийские и хантыйские городища, которых множество и в Ханты-Мансийском округе.

На нижнем течении Иртыша и Оби можно найти много следов старинных городков... Когда я расспрашивал остяков, как сделаны эти городки, они отвечали единогласно, что в них во время неприятельских нападений жили их предки, а неприятелями их были частью татары с верхнего Иртыша, частью самоеды с нижней Оби, которые нередко беспокоили их, грабили их добро и уводили в плен их жен и детей. Если татары и совершали частые нападения на остяков, то из этого еще не следует, что они покорили себе этот народ...»¹

Не был ли когда-то Искер одним из таких городков? Очень уж знакомо для угро-финского слуха звучит это название.

«Йис» — древность, «кер», «курт» — город, городище, крепость, деревня.

Искер — древний город!

Вслушайтесь в современные названия мансийских, хантыйских, коми-пермяцких деревень — Люликар, Войкар, Аскурт, Овкарт, Вешакар...

Хан Кучум, восседавший в Искере, пришел в эти края из Бухары. Чужеземец. Завоеватель. Он пытался наложить тяжелый ясак на манси и ханты, порою ему удавалось принудить и некоторых местных князей к участию в своих походах.

У Искера разыгралась знаменитая битва, мастерски запечатленная Василием Суриковым в картине «Покорение Сибири Ермаком».

Слева дружина Ермака. Хоругви и знамена. Припав к пищалям и ружьям, устроившись на носу лодок и стоя по колено в воде, дружина неудержимо продвигается вперед. Справа, на высоком косогоре, хан Кучум и татарское войско. Под косогором —

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 1.— С. 198.

ханты и манси. Одежда их ярка, узориста. Луки и стрелы. Деревянные щиты, обтянутые лосиной шкурой. Северяне, прижатые двумя стихийными силами, растеряны. Кто охвачен страхом, кто опечален смертью или раной соплеменника, кто жаждет боя... Но с кем? Кто истинный враг, а кто может стать другом?

Так можно понять картину Сурикова.

— Что это ты так рассматриваешь? — раздается во сне голос Слова-песни. — Ну-ка, покажи, покажи. Мне теперь важно знать, чем ты живешь, чем интересуешься. Мне надо понять тебя. Ведь ты для меня не чужой, а прямой потомок...

Слово-песня сидел за столом в богатырских доспехах. На голове остроконечный шлем, соболья шуба подпоясана шерстяным поясом, на нем сабля с золотой рукояткой, за плечами стрелы и лук, на груди щит...

Увидев репродукцию, он весь как-то преобразился, сосредоточился.

— Откуда у тебя этот священный амулет? Про нашу жизнь здесь вычеканено. Бой на Чувашском мысу. Вот слева — я. Хочешь, расскажу?

В руках у Слова-песни появился многострунный журавль. Он запел былинку про века минувшие, про богатырские времена, когда манси слушались своего князя и внимали духам славных предков.

Я богатырь из медного города,
Висящего на конце серебряной цепи.
Я князь с косами лесного человека.
Я, хозяин уютного уголка земли с мехами

собольими,

Тебе скажу слово.

Слушай!

Однажды...

Мои глаза — две спелые голубики —

Смотрят вдаль, видят:

Над лесами моими, кипящими зверьем,
Над реками, пляшущими большой рыбой,
Поплыли черные облака.

Смотрю вдаль и думаю:

Люди мои, манси и ханты,
Хозяева леса и рек,

Как они живут?
 Я иду к ним.
 Смотрю: чумы моих людей лежат на земле,
 Дома моих людей свалены,
 Лишь олени оставлены живыми,
 Лишь собаки жалобно лают.
 Поднимаю сваленный чум.
 Вижу: один убитый здесь лежит,
 Другой мертвец там валяется.
 Беру аркан, ловлю оленя,
 Убиваю его, мажу жертвенной кровью
поверженных.

Вижу: постепенно люди оживают.
 Я спрашиваю: «Кто вас убил?»—
 «Из черной страны
 Пришел черный Кучум.
 Отобрал оленей и нас убил»,—
 Говорят они.
 «Я пойду по земле, а вы идите за мной»,—
 Говорю я им.
 Запрягают они оленей и идут за мной.
 И идем по лесам густым,
 Плыдем по рекам широким.
 По земле безбрежной, как богатыри,
 Как войны славные, идем.
 И сабли наши скрещиваются
 С косыми саблями Кучума,
 И стрелы летят,
 И бой кипит...

Слово-песня пел долго и вдохновенно, рисуя картину за картиной сражения богатырей в то далекое сумрачное время.

«Бой был жестоким. Бились грудь о грудь. Зеленая трава стала красной. Ручьи и реки заалели от крови. Летели на меня стрелы, я их отводил от себя богатырской рукой. Но одна из заколдованных стрел пронзила мою руку. Остановился я стрелу вынуть. Да налетел на меня татарин, выбил саблю из рук, свалил наземь. Но за голенищем кисов был у меня заколдованный нож. Засверкал он неожиданно и распорол живот моему врагу.

Не успел я встать и поднять саблю вновь, как рядом со мной вырос на коне другой татарин. Размахнувшись кованой железной палицей, он разбил мой остроконечный шлем. Оглушенный, я упал на

землю. Меня связали. Очнулся в стане татарского хана. Кучум сидел на ковре, поджав под себя ноги. Бритая голова его желтела, как высохшая осенняя трава. Слезающимися глазами он печально смотрел на меня.

— Проснулся, неверный! Смотри, поклонись аллаху и увидишь свет истинной веры. Нет бога, кроме бога. К нему все возвращается, — говорил он.

— Богаты мы своими лесными богами, — ответил я, приподнимаясь. — Боги наши живут вокруг нас, как звери и птицы. И стоят они не только идолами, а растут высокими деревьями, скачут в лесах юркими зверями, плещутся в реках рыбой. Боги наши мчатся в небе птицами, сияют ночью звездами, падают с неба дождем и снегом. Вашего бога мы не видели. Как он выглядит, не ведаем. Не будем ему молиться...

Кучум вынул из ножен саблю, поднес сверкающее острие к моему горлу и сказал:

— Магомет — пророк аллаха. А я посланник Магомета. Саблей водворю в дикой тайге веру в аллаха...

Красные веки его задергались. В узких гноящихся глазах застыла злоба дикая, вековая.

Да, я, мансийский князь, знаю силу кучумской сабли. Она подчинила все татарские племена по Тоболу, Туре, Исети, по великим и малым притокам полноводного Иртыша.

Он требовал дани со скотоводов Барабинских степей и озера Чаны, творил набеги в низовья Оби...

Охотников заставлял платить ясак золотистыми темными соболями, серебристо-ворсистыми бобрами, лисицами черными и красными, выдрами речными, белками лесными. Певчих птиц любил хан. Таяло сердце его, если приносили в дань соколов и кречетов. От меда и воска не отказывался. Требовал большую рыбу — с севера, быстрых скакунов, отары жирных баранов — с юга.

Да, Кучум мастерски держал в руках не стрелу охотника, не весло рыбака, не хорей оленевода, не топор строителя, а саблю кровавую.

Сверкнуло острие у моего горла.

В это время в шатер вошел слуга и, поклонившись до земли, пропустил вперед татарина в богатой одежде. Пошатываясь от усталости, он торопливо ронял:

— Неверные идут на нас. Из-за камня идут, из стороны Урус. А звать богатыря Ермаком. Войско его невелико. Но на своем пути всех сминает. Оружие у них диковинное. Лук не лук, стрела не стрела. Палка, а стреляет огнем. Выстрелит, стрел не видно, лишь гром загремит да дым кругом. Будто облако спустилось. Люди падают, от невидимых стрел нет никакой защиты. Кольчуги, панцири, щиты — все пробивают огненные стрелы.

Кучум опустил голову. Долго думал.

— Быть войне! — проворчал он. — Кличьте воинов. Пусть воины с золочеными стрелами скачут по всем улусам, юртам, городкам — зовут ясачников ко мне с оружием. Пусть они не ждут других приказов, кроме золоченой стрелы, грамоты войны.

Потом Кучум поднял помутневшие глаза в мою сторону. Долго смотрел потеплевшим взглядом.

— Слышишь, Уштяк, урус идет. С огнем, с громом и мечом идет. От него уштякам, вогулам и всем таежным людишкам не будет спасения! Давайте объединять силы!

Я тяжело поднялся с ковра. Острием сабли хан развязал веревки. Пригласил сесть за низенький столик. На нем появилось дымящееся мясо, кумыс...

— Истинно сказал пророк о неверных: бог запечатал их сердца и слух и на глаза им набросил покрывало, не видят они истину, не слышат настоящего друга. Я — друг лесным людям!

Он вручил мне, мансийскому князю, чашу с огненной водой.

Посмотрел на меня, прищунив глаза, выпил до дна. Потом и говорит:

— Волки и те защищают свое логово. Не в одиночку, а стаяй защищают. Ермак идет на нашу землю. Ермак — разбойник. Слышал, как своих соро-

дичей он грабил в прошлую зиму, когда стоял лагерем на реке Серебрянке?»

Слово-песня отрешенно взглянул на меня, тронул струны многострунного журавля и запел в лад звукам.

«...Глаза мои — два зоркоглазых ястреба, уши мои — два острослухих ворона. Видели глаза мои обиженных сородичей, слышали уши мои их горькие жалобы, и зимовье Ермака я видел...

Оно стояло на северо-восточном берегу Серебрянки, при устье небольшой таежной речки Кокуя. Недалеко от городища жило много манси. Мирные они люди. Мудрый зверь от них не уйдет, рыбу добывать умельцы. Встретили пришельцев, как гостей: орехами, ягодой угощали, сушеной рыбой одаривали, мясо преподносили. Да среди пришедших и правда оказались разбойники.

Кэн-кэным,
Кэным, кэным.
Кэным-га-на!
Кэным-га-на!»

Слово-песня играл на своем журавле. Я думал о том далеком времени.

Миллер в «Истории Сибири» писал:

«...Было бы хорошо, если бы казаки довольствовались этим и не брали ничего иного, кроме съестных припасов... Но их разбойничьи наклонности не могли этим удовлетвориться: они забирали у вогулов все, что находили, оставляя несчастный народ в их убогих юртах совершенно обобранными и без всякого продовольствия.

Такое жестокое обращение не могло, конечно, вызвать расположения к казакам. Слух об их приходе быстро распространился до самых отдаленных мест. Не только вогулы, но и соседние с ними татары собирались во множестве, чтобы объединенными силами оказывать отпор своим непрошеным гостям...»¹

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири.— Т. 1.— С. 220.

Не случайно потом царь Иван Васильевич напишет в грамоте посланнику Строгановых:

«...Послали вы... казаков Ермака с товарищами воевать вотяки и вогуличи, и пелынские, и сибирские места сентября в 1-й день, а в тот же день собрался пелынский князь с сибирскими людьми и с вогуличи приходил войною на наши Пермские места и многие убытки нашим людям починили. И то сделалось вашею изменою: вы вогуличь и вотяков и пелынцев от нашего жалованья отвели и их задирали, войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас, а волжских атаманов к себе призвав, воров, наняли в свои остроги без нашего указу...

И не вышлите из острогов своих в Пермь волжских казаков атамана Ермака Тимофеевича с товарищи, а учнете их держать у себя... и такую вашей изменою, что над Пермскими месты учиница от вогуличь, и от пелынцев, и от Сибирского салтана людей вперед, и нам в том на вас опала свою положить большая, а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати...

Царь и великий князь всея Руси...»¹

Книга Миллера лежала передо мной. Слово-песня, дух предка, сидел передо мной. О далеких временах говорят они. Те далекие времена мало мне понятны. Ермак, Кучум, мой предок манси... Сложные люди сумрачного времени. И все же понять их надо: пока не уловишь истину исторического движения, не поймешь и себя, человека XX века.

Кэн-кэным,
Кэн-кэным...

В руках Слова-песни снова звенели струны, а из уст его плыла былина.

Думал о Кучуме. Захватчик. Насильник. Вымогатель... Думал о Ермаке... Разбойником его назы-

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 342—343.

вают. Думал о присяге манси и ханты русскому царю...

«Кучум подходит ко мне и с моего колчана снимает трехгранную стрелу — сигнал бедствия и войны. Когда стрела боевой тревоги летит от чума к чуму, от стойбища к стойбищу, люди должны идти в городище под начало своего князя и становиться воинами.

Трехгранную стрелу Кучум передал гонцам, сказав:

— Скачите по тайге и тундре, передайте стрелу Большого вогульского князя малым князькам как грамоту боевой тревоги. Пусть спешат и не ожидают других приказов. Их ждет Большой князь Неройка в моем стане. Ермак — наш общий враг — стоит у порога... Истинно сказал пророк: да будет ему мучительная казнь!

Так мы оказались между двух огней.

Утро того же дня уже пахло предзнаменованием. Небо на востоке было красным, как железо на огне. Костры на Чувашской горе пылали тревожно. Чужая смерть, ржали татарские кони. Копья колыхались, дрожа на ветру, как сухие талинки.

На вершине горы, над ханской юртой, белой как снег, колыхалось зеленое знамя Кучума.

На противоположной стороне войско Ермака. Он стоял, обнажив голову. Долго смотрел на Кучума. Будто думал. Потом провел ладонью по волосам, перекрестился, надел остроконечный шлем на голову и взмахнул остроконечной саблей.

Зазвенели бубны русских, зазвенели литавры, заплескались, плывя вперед, знамена. Дружина Ермака пошла на приступ кучумовой столицы.

Из-за укрепленного городского вала полетели стрелы и копья. Горшки с кипящим дегтем скатывались с горы на головы казаков. А на осенней траве, серебряной от мороза, лежали уже умирающие. Конь, задыхаясь от крови, храпел, рыл копытом землю.

Собаки-лайки визжали, почуяв человеческую кровь.

Бряцали щиты, били в бубны священной лапкой гагары. Ханты дули в берестяные трубы, зовя на помощь богов своих.

Палки русских — пищали — плевались огнем и невидимыми стрелами. Но грознее всего была «большая палка». Пушкой ее звать. Как взревет, как взметнет клубы дыма к небу! Запах горячей меди, пороховой угар... В гуще сражения мелькали пики и стрелы, доносились злобные визги татар, храпение павших коней, лязг мечей о панцири и шлемы. Сквозь кроваво-дымные тучи мутно светило золотойлицее солнце, удивляясь человеческому безумию.

Кажется, в этот миг помрачнело золотое лицо и нашей богини Сорни-най, идол которой мы принесли с собой, дабы советоваться... Из левого ее глаза потекла не слеза, а кровь. И мы, захватив богиню, побежали в сторону от дерущихся. В большие леса ушли.

На холме высоком, среди лиственниц и кедров, устроили великое камлание. Под священным кедром сияло золотое лицо Сорни-най. Вещая богиня умеет предсказывать будущее. И потому около нее люди держат совет.

Она живет на небе. Но ее идол люди бережно хранят на земле. И когда зажигается священный жертвенный огонь, она спешит к ним. Темной ночью с неба дальнего, сияя огненным светом, спускается к священному костру и говорит с шаманом, а шаман с народом. Вместе будут думать боги, деревья, люди. Ведь у всех одно небо и одна любимая земля...

Священный костер разжигал сам шаман — великий, старый, мудрый предсказатель, который для каждого всегда находил слово ласки, слово вещего значения дней грядущих, дней прошедших.

И вот костер наш разгорелся. Искры летели в небо, превращаясь в звезды. Они стояли рядом, начинались здесь, у костра.

Дети снегов стояли на краю мира, на краю своей

судьбы, с вечными вопросами: с кем? куда? что будет?

Треснул огонь. Искра полетела, как сорвавшаяся с неба звезда упала на шамана.

И мудрый старец, духов друг, под мерные удары бубна тихо-тихо, непонятно начал с людьми и с богами разговор.

«Горе! Горе! Правда, горе!— говорил он.— Зимой мороз, в тайге вас караулят звери. У вас врагов лютых много. Они требуют ясак, к вам приходят с ножами острыми. Арканы юркие, змеиные кидают на шеи девушек вогульских и увозят. Смиритесь, ханты, смиритесь, манси! Может, голубоглазые русичи вам будут другом и защитой!»

Загремели барабаны, затрещали сороки, на деревьях совы дикие и филины громко щелкали и кричали: «С кем тайгу делить мы будем? На измену нас зовет он».

Зашумели, как осины на ветру, воины, заспорили:

— Разве мы врагов не били? Иль топоры наши притупились, потеряли зрение стрелы? Разве мы не богатыри Югры?!

— Медведь не дерется с рысью, в бой не вступает.

— А как же честь свою мы защитим?

— Дружбой, словом!

Люди спорят, на огонь глядят веселый невеселыми глазами.

— Пошамань-ка, узнай, что скажет Сорни-най.

И шаман, прислушиваясь к ветру, нагревает над огнем бубен с лоснящейся кожей годовалого оленя. Кожа бубна затрещала, стала прозрачной на свету, крепче в ободу стянулась.

Раз! Ударил еле слышно. Два! Зазвенели тихим звоном знак-тамга и клюв гагары. Вещий старец запыхался от тяжелого гадания. Он глаза свои зажмурил, и в дрожащей руке, как крыло, застыла колотушка. Вот он поднял ее, четыре раза бросил на четыре стороны света. Каждый раз народ покорно подавал ее шаману. Гром гремел над тайгой,

тени робкие скользили — это духи вместе с шаманом о грядущем ворожили.

— Слышу, слышу! — крикнул старец. — Слышу голос, вам неслышный. Вы не бойтесь! Ваши жены, как икряные нельмы, будут полны и плодовиты... Лес платит ясак вам будет и пушниной, и мясом, реки с мутною водою рыб по берегу погонят в ваши хитрые ловушки, а тайга и тундра мерзлая столько выплодят оленей, сколько игл на старых кедрах. Вы не бойтесь злой старухи — красной оспы! Мой народ она не тронет. И придет скоро время, когда народы тайги и тундры станут вечными друзьями. Вы послов в Москву пошлите. И слово дружбы в ней найдете! Там и скажут, кто такой Ермак. А пока надо идти к пришельцам.

Через несколько дней пошли мы к Ермаку в Искер, брошенный татарским ханом.

Гостеприимно принял нас Ермак. Рад был подаркам: мягким мехам, вяленой рыбе, медовым сотам.

— Притеснял нас Кучум, — сказали мы, — требовал большой ясак, идолов рушил, девушек уводил. Кучум наш враг. Будем друзьями для русских, если вы мир обещаете, если будете защитой и помощью от врагов!

И разрешил Ермак принести присягу по своей вере.

Хантыйские князья клялись в дружбе на медвежьей шкуре, выпивая из золотой чаши воду, приговаривая: «Кто изменит, ты, золото, чуй...»

Присягая в верности, я и другие мансийские князья проходили между половинами рассеченной надвое собаки.

И Ермак сказал:

— Мы вас не будем трогать. Ловите больше рыбы да зверя. Будет вам мир и счастье...

— Был я тогда Неройкой, — сказал Слово-песня. — Мужиком-скалой стоял среди людей, Богатырем Югорского камня называли меня. Оленей пас я на высокой горе и в тайгу за соболем ходил.

Только приходилось мне держать в руке сирай — остроязыкую саблю. Врагами были народы на земле. Кривые татарские сабли сверкали с юга, требуя ясак. С севера черноликие люди-самоеды нападали, уводя жен в рабство. С запада теснили нас торговые люди — коми-зыряне, отнимая землю, реки, урочища соболиные. Приходилось держать в одной руке стрелу, в другой — саблю-молнию.

Слово-песня замолк. Поник головой, задумался. Долго смотрел на меня. Тяжело вздохнул, потом и говорит:

— В то сумрачное время каждое племя винило другое и поднимало свой меч. А великие шаманы обращались к духам так:

Настало мгновение,
 Когда прославленному роду
 Угрожает чума черной смерти
 Со стороны злых духов.
 Светлые духи великой земли,
 Ушедшие поколения предков,
 Не смотрите косо на нас.
 Настало мгновение,
 Когда заколебалась
 Основа нижнего мира.
 С чувством мудрой
 Богини Сорни-най
 Произносим мы заклинания,
 Призывая свет и понимание.
 Настал день, когда против огня и меча
 Мы поднимаем слово,
 Повторяя великие заклинания
 О мире...

Так мы встали на сторону русских... Свяжав с ними судьбу, обрели мир. В согласии и жить бы нам да добра наживать!

Наш теплоход подходит к пристани Самарово... Самарово... Что это за слово? Если сегодня спросить коренных жителей, мало кто из них ответит...

Наверное, это не случайно. Просвещенная Европа веками считала, что в ледяной земле Севера, закованной тьмой, не может быть жизни и истории. И сегодня под пером журналистов, пишущих о ша-

гах первопроходцев тюменской нефти, нет-нет да и промелькнут мертвяще-холодные строки: «Там, где не ступала нога человека». Такие обычно говорят о Севере с ужасом, смешанным с восхищением. Белое безмолвие. Мертвая тишина. Холодный край. Реки, промерзшие до дна. Болота, мари с кочками, метелками вместо деревьев. Хилая растительность, погруженная в сон. Ледяная земля ослепительной белизны, окаймленная серой полосой в отдалении. Ни одного предмета, на котором мог бы остановиться взор. Ни одной резкой линии, никаких ярких цветов, ничего, что бы прерывало подавляющее однообразие пространства.

Лишь безоблачная лазурь небосвода над бесконечной снежной равниной, на мгновение выглянет солнце, и снова мрак тишины...

Звездная тишина северной ночи ярче короткого дня. Звезды, как огненные звери, ходят и пляшут по всему небу. А когда расстилается северное сияние, земля озаряется ослепительными бликами. Ни облачка. Воздух прозрачен. Лишь над белой рекой туман.

Животные забиваются в норы и берлоги. Только черный ворон отваживается покружиться в воздухе. Слаб и медлен его полет, позади остается легкая полоса пара.

И человеческих следов не видно на белом снегу. Бесконечное безмолвие. Ледяной сфинкс. Вечная мерзлота. Мертвая земля.

Так ли это?

Не совсем. Сибирские зимы не так уж страшны, как воображают многие, прежде чем сами испытают их. Человеку, хорошо одетому, закутанному в меха, имеющему очаг и пищу, нечего бояться даже самых сильных морозов.

Как утверждают ученые, еще в древнейшие времена на территории севера Сибири существовала высокая и самобытная цивилизация. Об этом свидетельствуют великолепные открытия советских археологов, об этом красноречиво говорят данные эт-

нографии и топонимики, помогающие раскрыть многие «белые пятна» истории Сибири. Я не собираюсь их стирать, но, чую, должен сказать свое слово о давних временах земли предков.

И вот я наконец в таежной сказке. Вокруг лес, высокий, густой и темный до черноты. Статные кедры перемежаются соснами, пихтами, елями. Нет-нет да и промелькнет между ними березка, осина, лиственница... Пахнет багульником. Слабое дуновение ветерка доносит откуда-то клочья седого тумана.

Тропинка, вьющаяся сквозь заросли молодняка и кустарника, вдруг выводит меня к оврагу, над которым стоит пихта, склонив свои маслянистые

ветви. А на другой стороне гордо, как часовые, замерли громадные кедры. Внизу нет-нет да и взглянет на тебя валежник с торчащими вверх корнями, покрытыми черной землей. Пятна ягеля серовато-белые светились в сумеречном лесу у ног этих чудовищ застывшим оленьим жиром.

На мгновение мне показалось, что это тень Куля, злого духа, вечно блуждающего по ханты-мансийскому лесу.

Я свернул с тропинки и пошел чуть вправо. Но луч солнца, сверкнувший на скривленной верхушке лиственницы, рассеял мое мгновенное суеверие, оставшееся от предков. И я снова бодро зашагал по самаровскому урману, рядом с которым раскинулся привольно Ханты-Мансийск.

Думаю об этом городе, о его первых строителях, пришедших сюда в 1929 году и в пяти километрах от старинного села Самарова построивших столицу Ханты-Мансийского автономного округа.

Думаю о тех первостроителях, которые гордились тем, что звоном топоров да грохотом падающих деревьев отгоняли подальше все лесное звериное население, даже самого хозяина — медведя. Я благодарен им за то, что у них хватило мудрости оставить в сохранности этот кедровый бор на Самаровской горе.

Иду по нему. И вдруг — глазам не верю: стоит передо мной... не дом из бревен, не дворец из камня, не церковь с куполом, не сторожевая башня со шпилем... Стоит передо мной кумирня, обыкновенная языческая кумирня, обителище духов предков.

Я от такой неожиданности остановился. То ли помутился мой разум, то ли это наваждение? Но глаза мои смотрят и видят.

Стоит небольшая квадратная избушка, рубленая из досок. Крыша над ней двускатная. Кедровые великаны сложили на крышу мохнатые лапы, седые от мхов, свисающих до самой земли. На толстых тесаных досках выжжено изображение медвежьей лапы. Над дверью, как амбразура, смотрит

глаз оконца. А выше летели ветвистые оленьи рога — священный знак счастья.

Так лишь шаманы украшали свои кумирни... Но откуда они в современном Ханты-Мансийске? И кто сегодня верит духам?!

Чуть в сторонке, справа от избушки под огромной елью, место для костра. Вокруг него стоят идо-лы, аккуратно вырезанные из досок, местами с обожженными узорами-орнаментами, какие выши-вают ханты-мансийские мастерицы на своей одежде, сшитой из оленьей шкуры...

С трепетом открываю дверь «священной» избуш-ки и вижу внутри столик, покрытый лаковым кож-заменителем. На столике раскрытый учебник исто-рии восьмого класса... Вдоль стены нары. На них лежит большой охотничий нож, а в углу недорезан-ная фигура идола...

Ребята играют в язычников... Кто-то из них ста-нет художником. Уж очень искусно вырезаны идо-лы...

Взволнованный увиденным, я пошел дальше по тропе, вьющейся меж вековых деревьев, то спускаясь, то поднимаясь на холм. Семью холмами называется это кедровое урочище — Турум-маа, небесная зем-ля манси и ханты. Сюда они приносили жертвопри-ношения, просили богов разобраться в земных де-лах.

С огромным трудом поднялся я на гору по более пологому склону оврага, на дне которого весело пел ручей. Вдали, в рамке из раскинувшихся вет-вей кедра, между двумя обрывистыми мысами, за-блестела река. Над ней повисли серые, тяжелые, золотом пронизанные облака. А внизу играли, го-няясь друг за другом, окрашенные в цвета неба легкие волны Иртыша.

Я стоял на ровной поляне, круто обрывавшейся вниз. Со стороны Иртыша она могла показаться горой, на которую невозможно подняться. Гора-крепость... Нельзя представить себе более простого естественного укрепления. Не остатки ли это быв-шего городища югорского князя Самара? По опи-

саниям Миллера, оно было где-то здесь: «На Иртыше осталось только одно место, которое надо было еще завоевать. Оно было особенно важно, потому что там имел местопребывание главный князец остяков, живших по Иртышу и Оби Самар; по его имени местечко названо Самаровским ямом... Кроме того, Самар имел еще для убежища небольшой городок, остатки которого можно и сейчас еще видеть: этот городок находился на высокой крутой горе, которая кажется очень близка от Самаровского яма, если плыть вниз по Иртышу, но если совершить этот путь по берегу, то расстояние будет около двух верст...»

Ровная поляна в поперечнике была не более 15—20 метров. Две ямы, поросшие однообразным грязно-зеленым мхом, выделялись на ней, как два впавших глаза на старом лице земли. На их месте могли стоять два дома, построенные по тогдашнему обычаю ханты и манси, наполовину в земле...

Несколько таких священных городков раскопал на Обском Севере замечательный знаток мансийского языка, крупный археолог Валерий Николаевич Чернецов. Он открыл так называемые Подчевашскую (IV век до н. э.) и Усть-Полуйскую (I век до н. э.) культуры — яркие и самобытные, оставшиеся от предков современных манси и ханты.

Они относятся ко времени, когда впервые широко распространились городища, укрепленные частоколом и валом. Жилищами служили землянки прямоугольной формы, с очагом, расположенным ближе к выходу. У стен по обе стороны были устроены нары. Землянки делались, как правило, на краю крутого склона, на который выходили входные крутые коридоры.

Но городища не являлись единственным видом поселений. Площадь их обычно невелика. И они едва ли были в состоянии вместить в свои пределы все население. Часто можно видеть, отмечал Чернецов, что вокруг городища, как правило, на не-

большом расстоянии расположены ямы от землянок, одновременных и самому городищу.

По свидетельствам историков, приход русских не уничтожил племенных разделений народов Обского Севера, не нарушил отношений, существовавших внутри каждого племени. Хантыйские и мансийские князьки остались во главе своих сородичей при условии аккуратной уплаты ясака, подобно тому дьяновскому Бояру, который сразу после падения Кучума явился на поклон Ермаку и которого Ермак отпустил, «честно жалуя». Так в той или иной мере сохранились и под русским владычеством старинные югорские княжества, лишь постепенно теряя внутреннюю самостоятельность.

Одно из них не только существовало до 1644 года, но и сумело сохранить независимость, выступая союзником Москвы в ее продвижении на Восток. Г. Ф. Миллер пишет в «Истории Сибири»:

«Летопись рассказывает только об одном богатом остяцком князе Алаче, которого Брязга поставил на место Самара, как главного над всеми тамошними остяками. Впоследствии мы увидим, что Алач и его потомки занимали видное положение среди остяков. Так называемые Кодские городки, под именем которых подразумеваются все прежние укрепленные места остяков и теперешние местечки и волости по реке Оби, почти от устья реки Иртыша до отдаленных границ Березовского уезда, по большей части были им подчинены, а живущие в этой местности остяки долгое время даже платили этим князькам дань, примеров чего не было среди других остяков и подобных им народов».

Летом люди переселялись в легкие временные жилища из бересты и коры, как это было совсем недавно. Лишь в момент военной опасности все собирались в городище, чтобы отразить нападение врага совместными усилиями под водительством «большого князя». Таким был Самар. Он, очевидно, не участвовал «в подношении шерсти» Ермаку, когда после победы над Кучумом большинство ман-

сийских и хантыйских князей пришли в стан казаков, и, пройдясь «между собачьими головами», дали клятвенное слово на союз и дружбу. Он, видимо, не приносил такой клятвы, ведь северяне и до сих пор щепетильны в отношении к данному слову, и потому с восемью другими князцами решил у своего городища на высокой горе дать бой.

...20 мая казаки подошли к юртам князя Самара. Они поплыли по небольшой протоке Иртыша, которая теперь называется Казеиной и лежит подле восточного берега. Так как эта протока вблизи Самаровского яма опять соединяется с Иртышом, то казаки доехали по ней прямо к остяцким юртам. Дело происходило рано утром, и они нашли на берегу только спящий караул, который тут же перебили. Самар проснулся от шума и хотел со своими людьми оказать сопротивление, но тотчас же был убит казаками. Это так напугало остальных, что они обратились в бегство, а немногие оставшиеся простые остяки обещали покориться и платить ясак.

Память об этих княжествах сохранилась в героических песнях и былинах. Они говорят о войске в пятьдесят, самое большее — триста человек. Во главе войска стоит отыр — богатырь, канась — князь... Князья в героических песнях отличаются великолепием: былины повествуют о роскоши их платьев, об амбарах на курьих ножках, где хранятся их богатства, о парчовых, разотканных и украшенных бубенцами завесах, о сокровищницах их домашних богов. Среди воинов, всоруженных луками и стрелами, опять выделяется князь, «звенящую кольчугу из блестящих колец носящий богатырь». Он окружен дворней, снабжающей его пищей, прислуживающей ему.

У князей изысканные, утонченные манеры. Они щепетильны в исполнении данного слова, деликатны в еде. Когда нужно приказывать, то делают это жестом и глазами. Свообразные рыцари тайги и тундры, они часто воюют из-за женщин. Война — страсть югорских богатырей. И былины воспевают

их подвиги и «площади, усеянные изрубленными телами мужей и жен». Они ожесточенно воюют между собой, иногда вступая в союзы друг против друга. Дух воинственности поддерживается в них постоянной опасностью со стороны исконных врагов — ненцев и татар. И войны с ними являются одной из излюбленных тем древних былин.

Своим княжеством князь управляет самовластно. Но существует обычай собирать «мир-кол», собрание, где выслушивают шаманов и простых людей, обсуждают решения князей...

И русские летописи говорят о югорских княжествах. Новгородцы, ходившие на Югру в XII веке, встретили здесь организованное сопротивление. Под 1193 годом упоминается «князь югорский». В 1467 году был взят в плен и приведен в Вятку вогульский князь Асыка. Не о нем ли пел мне дедушка, когда сказывал волшебную былинку о каком-то Ась-ойке. Старике Оби, который нес высоко честь древней мансийской земли?!

В 1483 году московские воеводы «воевали югорских и кодских князей», когда в плен был взят «большой князь» Молдан. Тогда же упоминаются другие князья: Пыткей, Ляба, Чанчил, Тынзей, Екмыч, Юмшан... (Лишь по этим скудным историческим сведениям мы узнаем экзотическое звучание наших языческих имен!)

С белогорским князем Самаром в XVI веке было «в сборе восемь княжцев». Таким же «большим сборным княжцом», по словам летописи, был князь Нимьян, под знамена которого собралось будто бы до 2000 татар, манси и ханты. «Большим князем» во времена Ермака был кодский князь Алач. Мансийский князь Лугуй объединил под своей властью не только сосвинских манси, но и казымских и куноватских ханты. Мансийскому князю из Пелыма Полюм-торуму, про которого я не раз слышал от дедушки, подчинялись в XVI веке жители рек Конды и Табора. Таким образом, по свидетельству историка В. С. Бахрушина, у ханты и манси в это вре-

мя довольно крупные племенные соединения. Их князья вступают в союзы, ведут войны, устанавливают дипломатические сношения, заключают договоры не только со своими соплеменниками, но и с соседними государствами.

Так, в 1483 году от мансийского князя Юмшана приходили к великому князю Ивану III его шурин Юрга и сотник-«вогулятянин» Анфим бить челом об «опасе» для прибытия его самого в Москву. В том же году приходил в Москву от кодских князей и от «всех земли Кодские и Югорские» «вогулетин» князь Пыткей ходатайствовать об освобождении из плена князя Молдана с товарищами. За сто лет до прихода Ермака, а именно в 1485 году, при посредничестве пермского владыки церкви Филофея кодские князья заключили под Вымским городком мир с мансийскими князьями, что жили на реке Выми и Вычегде, скрепленный с обеих сторон торжественной клятвой. В том же году с «опасом» великого князя в Москву прибыл мансийский князь с реки Пелым Юмшан.

Как утверждает один из крупнейших историков С. В. Бахрушин, «...еще до прибытия русских у вогуличей и остяков намечаются признаки феодализации и начинают складываться, правда, еще очень примитивные формы государственной организации. Остяцкий или вогульский князь в XV—XVI веке уже перестал быть родовым старшиной своего племени и принял черты маленького феодального сеньора»¹.

Отношения между Москвою и Югрой определяются царской грамотой 1558 года: Москва принимала князей югорской земли под свое покровительство, обязуясь «жаловать и от сторон беречи, под своею рукою держати», и в обмен требовала «дани со всякого человека по соболю», грозя в случае неповиновения «второю саблею»².

¹ Бахрушин С. В. Остяцкие и Вогульские княжества в XVI—XVII веках.— Л., 1935.— С. 38.

² Там же.

Этому союзу противостояли татарские ханы, теснившие северян с юга.

О своеобразной культуре, появившейся на Обском Севере задолго до прихода сюда татар и русских, говорят уже упоминавшиеся мною археологические раскопки В. Н. Чернецова. Он находил относящиеся к периоду между IV веком до н. э. и I веком н. э. специализированные формы боевого оружия нападения и защиты. Это кинжалы, реже бронзовые, чаще железные с литыми бронзовыми рукоятками, украшенными головами зверей, бронзовые и биметаллические боевые топоры и клевцы с орлиными головками, увенчивающими втулку, и звериными мордами на обушках, короткие железные мечи. «Из наконечников копий особенно интересен прекрасно выполненный бронзовый трехлопастной наконечник длиной 35 сантиметров, украшенный рельефными изображениями животных и рыб. На втулке его имеется изображение человеческой личины, схожей с бронзовыми личинами, нередко находимыми в усть-полуйских памятниках.

Эти личины, вероятно, были связаны с идеей почитания предка, которая развивалась под воздействием возвышения роли военачальника»¹.

Да простит мне читатель столь детальный экскурс в историю и археологию. Известные узкому кругу ученых сведения по археологии, этнографии и истории Обского Севера недоступны пока широкому читателю, и потому складывается превратное впечатление, что на эту землю «не ступала еще нога человека».

Я стоял на высокой Самаровской горе, где два с половиной века назад об истории этого края размышлял немец Миллер, где четыреста лет тому назад праздновал победу сподвижник Ермака Брязга, где стояло городище князя Самара, именем которого названы и гора, и село, и пристань.

Но история меня занимает лишь на мгновение.

¹ По следам древних культур.— М., 1954.— С. 180—182.

Дума моя устремляется вдаль, где плещется под солнцем многоводный Иртыш. По нему плывут караваны судов. Они везут трубы, стройматериалы для нефтяных и газовых месторождений Севера. На этих судах плывут мои современники, новые богатыри-огнедобытчики. О них моя дума. Взяв огонь земли, что они дадут Северу? Достойны они будут песен северян? Или героическая деятельность покорителей природы вызовет плач и проклятия?

...Утреннее солнце выглянуло из-за ветвей. И весь урман, серый и тусклый, прояснился и заблестел золотым светом. Он будто засиял полуигривой, полугрустной улыбкой. Весь вид его словно говорил:

— Молодец, сынок! Не забыл. Навестил.

БЕЗ ВОДЫ НЕТ ЖИЗНИ

Слышите, слышите, слышите,
люди,
Не разорвите извечные кольца!
С небом, с водою, с вами
что будет,
Если последняя рыба плеснется?..

Я плыву на лодке.
Что за счастье!
Слышу плеск воды —
Еще жива...
В пятнах нефти, в темени ненастья
Льется, огибая острова.
Разве ты жива?
Не плещет рыба,
Над волной
Не видно птиц теперь.
Кто на берег
Выплыл молчаливо?
Может быть,
Лесной могучий зверь?
Ближе я подплыл и вижу: это
Не медведь — замшелое бревно...
В глубине оно лежало где-то,
Выдало его речное дно.

Съезжилась тайга и оскудела,
Вот река лишь плещется пока...
— Долго ли,—
Я так спросил несмело,—
Будешь ты нас радовать, река?

На небе ни облачка. Вода — как зеркало. На ее глади и голубое небо, и ветви деревьев, стоящих по колено в воде.

Утки, вылетающие из-под носа нашей лодочки, возвращают меня в тишину большой воды, которая когда-то баюкала меня.

Давно я уже не ощущал такой тишины. На крылатых лодках качается моя жизнь, на шумных колесах катится.

И вдруг волшебная тишина. И легкая лодочка-калданка. У меня в руках легкое, как перышко, весло. У дяди Паяла такое же. Мы плывем и беседуем.

— Скоро наступит осень, а вода еще большая,— сказал старый манси Паял.— Раньше я любил весну. Утки прилетают. Крылато все кругом. Теперь вижу: и осень пора хорошая. Закат. Грустно. А хорошо! Увядает все. Печально. А хорошо! И хотя слух уже не тот, как в юности, а слышишь, кажется, больше. Тишина осени, что ли, обостряет слух, не знаю. И глаза не те, что в юности. А видишь, кажется, больше. Разве зорче стал глаз? Наверное, нет. Зорче ум стал. И как-то по-особенному относишься к улыбке ребенка, к доброму слову товарища, к жизни, полной забот и труда.

Наша калданка легко плывет между зибунами. На моторе тут не проедешь. Зибуны — островки, поросшие травой и мелким кустарником. Это — излюбленное место диких уток и гусей. Здесь они вьют гнезда и выводят птенцов. Здесь и ондатры шныряют. Однажды даже осторожная выдра показала свою прекрасную шкурку.

Еще с весны в пойму реки слетается все пернатое царство выводить детенышей. В густой высокой траве, окаймленной со всех сторон желтым тальни-

ком, скрывается оно до осени от орлов, ястребов и других хищников. И человеку тут не так-то просто проехать. Если только на калданке...

По утиному, гусиному, звериному миру плыли мы.

— Ты, наверное, думаешь быть вечно молодым, — продолжал Паял. — И я когда-то так думал. Но однажды, возвратившись с большой охоты, заметил в доме некоторую перемену. Хотя все на своих местах: жена, дети, вещи. Только мои глаза... Они вдруг увидели то, чего раньше не замечали. Вот жена. Будто впервые вижу. Ее печальные глаза, улыбку, руки с набухшими венами. Дети, корова, лошадь, собака, весь дом держится на этих мозолистых женских руках... Взглянул еще раз на жену. Сердце сжалось. И я в этот момент испытал необычайное чувство. В нем было все: и любовь, и жалость, и смутная вина, и страх перед необратимостью жизни. Наверное, тогда я почувствовал себя впервые зрелым человеком. А что такое зрелость? Это когда человек начинает чувствовать причастность к солнцу, воде, земле. Когда он отвечает за все в мире.

В траве что-то зашелестело... Миг — и перед нами показался целый утиный выводок. Но прежде чем мы смогли ими полюбоваться, утята шумно побежали по воде, рассыпая серебряные брызги. Еще мгновение — и они растаяли в зелени очередного зибуна. Лишь мать продолжала лететь впереди лодки: вечной материнской хитростью заманивала нас подальше от своих деток...

— Вишь, она какая мудрая! — говорит дядя Паял. И мне кажется, что глаза старого манси с добротой смотрят на меня, и на реку, и на мир.

Вдруг в воде мелькнула какая-то тень. Я взглянул вверх. Вижу: сокол летит.

Птичий хор утихает,
Когда он летит,
Утки в травах цепенеют,
Когда он летит.

Даже гуси замирают,
 Когда он летит.
 Крылья острые, как сабли.
 А глаза — как стрелы.
 А над глазами — желтый круг.
 В остром клюве — острый зуб.
 Серо-сизая гроза —
 Соколиная атака.

— Сокол, — произнес с грустью дядя Паял, — когда-то и я был соколом...

Дядя Паяла помню с самого детства. Только забыл, когда он уходил на фронт. А вот каким он вернулся с войны, помню. Привез он костыли и много медалей, и среди них «За отвагу».

Теперь нашу калданку стал сопровождать какой-то куличок. Маленький, невзрачный, а кричит на всю округу...

Куда ты летишь, кулик?
 Зачем ты кричишь, кулик?
 Живем по законам природы,
 Малюток твоих не тронем.
 Куда ты летишь, кулик?
 Зачем ты кричишь, кулик?
 Или хочешь ты весть
 Первым в деревню принести,
 Что по тихой зеркальной воде
 Лодка наша плывет?
 Куда ты летишь, кулик?
 Зачем ты кричишь, кулик?

— О детях своих беспокоится. Не бойся, глупая, моего ружья. По закону предков живем: летом дичь не трогаем... А ружье? Оно так, для важности... Соколом хочется чувствовать себя. В любом возрасте...

И я вспомнил «Зов охотника», услышанный мною впервые на «медвежьем празднике» в доме Паяла.

Эй, звери и зверьки!
 Быстроногие, пушистые,
 По деревьям ползающие,
 По долинам и равнинам бегающие,
 По распадкам да долинам бродящие,
 С верховьев рек согнанные,
 Равнинные и горные
 Звери и зверьки,

Поиграем с вами в игрушки.
Не проходите мимо
Моей избушки.

Время от времени Паял останавливался у некоторых деревьев, стоящих в воде, и вытаскивал оттуда черканы-ловушки, поставленные на горностая еще зимой. В этой пустынной глуши он был как дома. Каждый ствол дерева ему знаком, каждое дупло...

— Извини, друг, не успел убрать весной. Тяжело заболел. Ловушки остались... Грех, конечно. Ну что поделаешь — жизнь есть жизнь. Охотой мы живем. Рыбалкой мы живем. Мы, северные люди, ловцы. А знаешь, охотники, рыбаки живут по законам предков, законам природы.

Паял смотрел вдаль. В глазах его с прищуром отражалась какая-то тайная дума. Печальная, упорная, сосредоточенная дума. Отгоняя комаров, дядя Паял говорил:

— Вдумаешься хорошенько в природу, приходится согласиться, что она близка человеку. Как мать, отец. Кровное что-то есть в ней. И таинственное. Посмотри, какая благодать! Вижу: последнее время люди стали терять не только святое отношение друг к другу, но и просто широту души, вот как эти водные просторы...

Калданка наша плыла неторопливо между ибунами. Паял запел песню. Он пел о лодке, о воде, о солнце. И пение его тихое, какое-то надорванное. Тянет одну ноту, то понижая, то повышая голос. Потом вдруг оборвет песню на полуслове. И в глазах его тихое, чуть ли не скорбное выражение. И губы его дрожат, будто ему заплакать хочется. Но слезы только в горле. Разве может плакать старый суровый рыбак-манси перед глазами большой воды?

Вдруг исчезло солнце. Темные лохматые тучи принесли откуда-то внезапно, как то часто бывает на Севере. Небо и вода заволновались своими страхами. Подул ветер. Заиграла рябью вода. Я выпуж-

ден был надеть куртку, кежку. А дядя Паял как сидел раньше на корме калданки, так и не переменял позы. И старый, поношенный китель его оставался расстегнутым. И ворот рубахи расстегнут. Капли дождя, как стрелы, били нас. Над головой вспыхивали огненные молнии. Гром ревел разъяренными медведями. И лодка наша, гонимая ветром, закачалась.

Я смотрел на дядю Паяла и дивился. Весь промокший, посиневший от холодного дыхания ветра, он по-прежнему сидел на корме, стараясь направить лодку в нужном направлении, к более сухому островку.

Мы пристали к Вортумп, лесному острову, — таково название нашего пристанища. Когда я обычно проплываю по Сосьве на теплоходе, то всегда издали гляжу на него. С каким-то особым, щемящим сердце чувством. Сколько помню дядю Паяла, столько помню этот островок, возвышающийся над тальниковой поймой слившихся здесь вод Оби и Сосьвы. В половодье это единственное сухое место на десятки километров, где зверье — лоси, зайцы, лисицы — находят спасение. А еще здесь когда-то был охотничий стан моего дедушки.

Помню хижину, поставленную на очень низком срубе, с бревенчатой крышей, посыпанной сверху землей. Посреди крыши — отверстие для дыма. В центре хижины — костер. Недалеко от того жилья возвышался сумьях — избушка для хранения мяса, рыбы, шкур. Не только мыши, но и лисицы и медведи не могли взобраться на него, потому что стоял сумьях на двух ногах — гладко обструганных толстых столбах елей, срезанных на высоте трех метров от корня...

Помню, хижина состояла из одной большой комнаты с земляным полом. Возле стен были разостланы доски. На них спали. Старые олени нарты, лыжи, прислоненные к стене, железные заржавевшие капканы, олени рога, берестяные туески, несколько толстых обрубок для сидения...

Всего этого мне больше не пришлось увидеть. На берегу теперь пустые консервные банки, бутылки. Кто-то попытался срубить даже одну из елей... Но не смог. Видно, могучей оказалась она. Стоит, к счастью...

Мглистое, пасмурное, грозное небо вдруг вновь распахнулось. Над водой, падо всею поймою вспыхнуло солнце. И две радуги, яркие, живые, круглые, стали рядом. И вода засияла светом полудня.

На острове мы были недолго. Попили чаю — и снова в лодку. Она стояла у крохотного ручейка, вытекающего точно из-под земли. Берег у него был светлым, песчаным. На дне видны камешки.

Всмотревшись попристальнее, в глубине ручейка я вдруг увидел тени рыб. Одни из них были маленькие, другие побольше. В одних я без труда узнал красноперых чебачков. Другие не мог распознать — они упорно держались у песчаного берега с камешками. И каждый раз, когда над водою проносилась мушка, стрекоза, с замечательной ловкостью схватывали их и скрывались вглубь, оставив на глади воды чуть заметный кружок.

— Что это за рыба? — спрашиваю дядю Паяла.

— Хариус. Водится она обычно в нашей таежной речке. Спустилась, наверное, на лето... Мало ее здесь, в Сосьве, не то что сырка. — И я узнаю кое-что о хариусе, которого манси называют «тозлынхул» — «крылатая рыба».

— Комаров и мошек не будет — и рыбы не будет. Такой закон есть в природе. Знай.

Мы плывем смотреть сети.

— Вот тут мои сети стоят. — Старик подворачивает к кустам камышей и прижимается к высокому шесту. Поплавок я не вижу, все затонули. Дядя Паял отвязывает от шеста тетиву. Сеть тяжело держать в руках.

От изумления я цепенею. В каждом метре полотна набилось множество сырков, крупных, сияющих живым серебром.

Есть что-то странное в характере старого манси.

Добродушным назвать его нельзя. Но он как-то обостренно справедлив.

— Смотри, рыба как играет! Давно ей пора в верховья Сосьвы, а она еще здесь.

О рыбе я думаю. «Рыбы не будет — манси не будет. Рыба будет — жизнь будет». Так старые манси сказывали. В последние годы в нашей Сосьве появилось много рыбы. То ли другие реки, впадающие в Обь, стали грязнее, то ли большая вода помогла, то ли рыбоводы развернули деятельность, не знаю. Рыбы много. Хорошо!

Но вот что огорчает. Привезут, бывало, рыбаки на плашкоут сырка. Приемщики смотрят, какая рыба. Если муксун — сдавай, щекур — сдавай. О сосьвинской селедке, нашей золотой рыбке, и говорить нечего — с руками-ногами отхватят. А сырка не хотят брать. И плашкоут будто полон. Некуда, мол. И льда, и соли не хватает... А то просто прямо скажут: «Сырок — черная рыба». Бывали случаи, когда рыбаки тоннами закапывали эту рыбу в землю.

(В энциклопедии написано: «Сырок. Так называют в Сибири пелядь, рыбу из рода сигов... Длина ее 50 см, весит до 2 кг. Объект промысла и рыболовства».)

— Ты мне скажи, с каких это пор сырка, нежнейшую рыбу, стали называть «черной», — заговорил снова дядя Паял.

За разговором время летит быстро. И плесы, кажется, становятся короче. Скоро мы подъехали к берегу Сосьвы, на «сележный песок», где рыбаки селедку ловили.

Рыбаки вытащили невод. «Черпой рыбы» в мотне было много: щуки, чебаки, окуни, язи. И нежные нельмушки, слабо шевеля хвостами, беспомощно раскрывали рты. Пятнистый налим лежал неподвижным полешком, вода длинными слизистыми усами. Змейкой извивалась узконосая стерлядка. Полосатый окунь пучил янтарные глаза. Крупные ерши, широко раскрыв рты, топорщили колючие

плавники. Среди этой пузатой мелочи трепетало живое серебро Северной Сосьвы — селедка.

В науке ее называют тугунком. Ценнейшая сиговая рыба. Будто маленький муксун, самый нежный в мире. Не напрасно же манси называют ее золотой рыбкой!

Сосьвинская сельдь встречается во многих притоках Оби. Но больше всего ее в Северной Сосьве. В других приуральских притоках значительно меньше, и даже вкус этой рыбы там чуть другой.

Сосьвинская сельдь живет мало, до трех-четырех лет, и становится половозрелой в полуторагодовалом возрасте. В это время она наиболее вкусна. На Северной Сосьве промысел не начинается, когда рыба выходит из соров и поднимается вверх по реке, к местам нереста и зимовки. Наиболее высокие уловы были в 1933—1939 годах. Тогда они составляли до 4000 центнеров ежегодно. В последнее же время промысел пошел на убыль.

Чем это объяснить? Уменьшением запасов рыбы? Слабой интенсивностью промысла? Главная причина в том, что через Березовский район проходят крупнейшие газовые магистрали, берущие начало на Уренгое и Медвежьем. Они пересекают многие реки, в том числе и Северную Сосьву. И осенью, когда вода спадает, рыба не может их перейти из-за электрического поля, не может доплыть до своих «зимовальных ям», до места нереста. Идет она теперь в Ляпин, приток Сосьвы. Но в Ляпине находятся места зимовки сырка, щекура, муксуна, сига. Этим рыбам пришлось потесниться...

Наверное, строителям трубопроводов надо было принять другое инженерное решение. Например, поднять трубы выше или, наоборот, опустить глубже в землю. Ведь сосьвинская сельдь нужна всем!

Снижение уловов объясняется и слабой интенсивностью промысла. В 1935—1939 годах на Северной Сосьве применялось 120—130 неводных звеньев. В послевоенные годы их количество уменьшилось во много раз. Местное население остается в сторо-

не от промысла. Руководители рыбокомбината предпочитают приглашать на лов рыбы городских жителей. Но много ли поймают сезонники? Весной приедут, осенью уедут.

Рыбы много. Приходится работать день и ночь. Плашкоутов у рыбокомбината не хватает.

— Стараемся принимать рыбу у «своих», — не скрывая, заявляют приемщики.

— Кто же свои? — интересуюсь я.

— Закрепленные за нами рыбаки рыбокомбината и Березовского коопзверопромысла.

— А остальным как быть?

— А как хотят, не наше дело. Пусть начальство думает.

«Свои» были тут же. За две последние недели сдали три тонны рыбы. Сосьвинской селедки только полтонны. Остальное — «черная рыба», сырок. Бригада эта приехала на месяц. По договору. Все работают на Большой земле, в городах.

«Неопытные ловцы», — думаю я. Оправдают ли они дорогу, которую оплачивает рыбокомбинат? Стоит ли эта затея таких больших затрат государству? Не численность в этом деле нужна, а мастерство.

Помню, дядю Паяла когда-то называли мастером улова сосьвинской селедки. Еще задолго до путины приглашали его в Березово, на рыбокомбинат. С ним советовались. Он помогал насаживать невода, учил молодежь. А во время путины не знал передышки: рыболовный поселок у деревни Малеевки превращался в своего рода лабораторию. Здесь начинался первый улов. И по вылову судили о количестве и качестве золотой рыбки в данный сезон. Гордился дядя Паял высоким званием. И хотя уже давно на пенсии, считал себя «служащим мастером». И руководство комбината тогда полагало так же. Не случайно к столетию В. И. Ленина вручили мастеру юбилейную медаль. И гордился ею Паял Самбиндалов не меньше, чем боевой «За отвагу».

— Часто по радио слышу, да и по телевидению,

будто рыбы у нас мало стало. А может, в нашей реке рыбы столько же, что и до войны было... Но всегда ли хорошо, по-хозяйски относимся к нашим богатствам? Думаю, не всегда. Взять, к примеру, сдачу рыбы. Никогда не было такой проблемы. В Чуанели ледник был. Правда, простой, в землю засыпанный, из обыкновенных бревен и земель заложенный. И лед брали тут же, из реки, ручным способом. Тяжело, конечно. Но зато летом, в пору путины, не было проблемы с приемом рыбы. Тут же ее, свеженькую, на лед, на мороз, на обработку. А теперь, пока везут рыбу до Березова (за полсотни километров), она портится. И потому у сосвинской селедки вкус теперь другой стал. А все из-за того, что убрали обыкновенные ледники. Говорят, хотели построить современные холодильники...

(В последние годы изменилась технология обработки рыбы и на всех предприятиях Сибрыбпрома количество людей, занятых на этих операциях, сократилось. Раньше вырабатывалось много копченой, вяленой, пряной, балычной, малосольной рыбы. Сейчас же ассортимент продукции сузился, в основном до консервов и мороженой рыбы. И все из-за того, что предприятиям выгоднее: меньше требуется рабочей силы, да и продукция такая обходится значительно дешевле. Это проще, чем искать новые пути организации деликатесного производства.)

— В лесных озерах сколько рыбы?

— Много развелось, ловить некому, так и пропадает,— сокрушается дядя Паял.— Видать, в городах ее полно стало, вот и забыли глухие озера.

А я вспоминаю прилавки городских магазинов...

Сейчас лесные озера находятся в забвении, постепенно зарастают, засоряются. Рыбы в них становится все больше, и она задыхается от перенаселения. Если не организовать вылов, может вспыхнуть эпизоотия — страшная губительная болезнь.

...Наша лодка плывет легко. Слышу шорох. Гляжу: лягушка смотрит из воды, выпучив глаза. Плав-

но разводя передними лапками и дрыгнув задними, всплыла вверх. Бульк! И стрельнула под воду. За мальками. Лягушка — враг рыбы. Но главный ли? Веками они все же уживались. Как и человек-промысловик с рыбой...

— Хищник хищнику рознь, — начинает рассуждать дядя Паял. — Главная наша беда вот такая, я думаю: все теперь хотят легко зарабатывая жить. Большими деньгами запахло на Севере. Конечно, газ, нефть — это очень важно. А разве рыбак не нужен? Класс рыбаков тоже нужен.

Мы с дядей Паялом стояли на высоком мысе Чуанель. По-мансийски он звучит тут по-другому — Шуянел, что означает «седой мыс». С него открывается вид на просторные поймы Сосьвы и Оби, воды которых встречаются впервые на противоположном берегу, недалеко от поселка Ванзетур, где теперь живут мои родственники. Тот берег виднеется неясно, как в тумане. Если посмотреть наискось, поверхность воды сливается с горизонтом. Это летом, в большую воду. Осенью лишь небольшая протока останется на месте «моря», называемого Логинским сором. Сейчас он играет седыми барашками волн. Не потому ли манси назвали его Седым озером? Поседел мыс. Обезлюдел. Мы идем с дядей Паялом по Чуанелю как по кладбищу. Поле, выкорчеванное когда-то с таким трудом, теперь заросло бурьяном. Бревна, сиротливо выглядывающие из-под бурной травы, напоминают о жизни, которая недавно ликовала на этом живописном мысе.

На пойменных лугах, что примыкают к реке, слышится кряканье уток. Выпь вопит. На противоположном берегу через протоку кукует кукушка. По луговым кочкам бегают лысухи. На зеленой лужайке целая стая турухтанов.

Когда-то вон на том зеленом островке я впервые увидел барашка. Теперь там никто не пасет скот.

— Старое дерево знает много и горя, и радости, — вздохнул дядя Паял. — Вот еще какая боль мучит меня. — Земля пустеет, оголяется. Помнишь,

каким красивым селением был Чуанель? На высоком берегу стояли дома. На большую воду глядели. Веселые дымки согревали наше холодное северное небо. Русские люди жили там. Переселенцы с Печоры. Хорошие люди. Трудовые, как мы, северяне. А протяжные русские песни! Наши широкие плесы оживали. А теперь все замерло. Ни одного дымка. И высокий мыс среди реки замер, одичал. Взглянешь — полоснет по сердцу. И зачем это люди придумали укрупнение поселков? Земля мертвеет, теряет душу, песню. А сколько травы пропадает! Скот ведь здесь гулял. А рыбы неловленной, птицы нестреляной.. Нехорошие слова «неперспективное селение». Для нашего Севера они не подходят. Большая наша Сосьва, длинная. На семьсот, даже на тысячу километров протянулась. Когда-то за каждым плесом дымок мансийской деревушки веселил глаз. Теперь все пусто.

Конечно, и в большой деревне есть свои удобства: тут и школа, и магазин, и медпункт, и клуб, и управление совхоза. Руководителям удобно. Далеко ездить не надо: люди рядом. И детям хорошо: школа рядом, родители рядом. И все же много ли выиграли люди, оставив свои дома в живописных звериных, рыбных местах? Цену покинутому дому узнаешь потом. Земля дичает, но и человек дичает... Раньше наш северный человек ходил по лесу, сейчас он больше по поселку слоняется. Раньше он за зверем охотился, теперь у магазина больше простаивает... Э-эх! Смеюсь, конечно. Но что-то в этом есть от правды.

Деревушку, где живет дядя Паял, русские называют Малеевкой, манси — Квайк-я. На карте ее нет. Но есть она в моем сердце, памяти. Помню ее с первых шагов. Здесь я слушал первые сказки воды, леса, дедушки. Это деревня моего дедушки.

Бывало, встанешь утром, а завтрак уже на дереве сидит краснобровым глухарем. Глухаря не хочешь, тут же в зеленотравых зарослях плещутся дикие утки. Уток не хочешь — посмотри ловушки,

в них если нет цельмы, муксуна, то сырок-то уж обязательно серебрится. Рыбы не хочешь — попей парного молока: на зеленой лужайке привольно разгуливают коровы, пощипывая сочную траву. Умели древние манси выбирать место для жилья. Теперь же надо бежать в магазин, стоять в очереди.

— Так я думаю,— продолжал между тем дядя Паял.— Мы вот вдвоем со старушкой своей остались. Сыновья и дочери ушли от нас. В людных местах живут. Много зарабатывают. А нам грустно. Хорошо, что в отпуск приезжают, летом, когда большая рыба играет. А то бы совсем плохо.

Знаешь, а я ведь сохранил не только токовища глухарей, но и священную избушку твоего дедушки. Так что духи предков твоих не тронуты. Может, ты разумнее других? Может, ты сюда приедешь и продолжится здесь жизнь? Э-эх! Ничего не понимаю, как такие рыбистые, звериные места можно оголять, менять на другую, шумную жизнь. Знаю, никто из моих сыновей не будет жить на этом тихом берегу. И последний наш дом в деревушке покосится, огонек погаснет навсегда. Знаю, все теперь к большим поселкам, городам льнут. И ты ведь далеко уехал. Но я много жил. Мудрость копил годами. Твою душу читаю, как книгу белую. Знаю, ты пишешь книги, играешь со словом. Помнишь ли ты, как дедушка относился к слову?

— Как не помнить? Слово и на небо поднимет, и на землю уронит, кажется, говорил он.

— Оленя хватают за рога, человека ловят на слове. Самое сладкое и горькое в мире — слово. Видал — не скрывай. Не видел — не болтай. Раз скажи, два подумай. Не кричи на ветер, голос зря не дери! Доброе слово и оленя на путь выводит. Правдивое слово все препятствия свалит. Помни. От хорошего слова миру светло.

...На спокойной глади воды плеснула большая рыба.

Паял поднял голову. На лице его зацвела таежным цветом торжественная радость человека, по-

стигшего смысл мгновения, а может, и всей жизни.

— Вечер располагает к думам,— вздохнул он.— День несет заботы, работу. Кедрю цена по шишкам и орехам, человеку — по труду. Человека греет не шуба, а работа.

Солнце уже село. Но его лучи облагрили ярким пламенем края облаков, они обшиты красной каймой с розовым отливом.

— Слышал, что в Игриме, да и на Пунге, газ кончился. Выкачали его за каких-то десять лет. А вот рыба в реке, соболя в тайге, да и сама тайга — богатства особые. Каждый год снова река родит рыбу, а лес — зверя. Бесконечно будет так, если относиться к этим дарам по-хозяйски.

Грусть сквозила во взгляде дяди Паяла, когда мы прощались. Большая грусть. И его слова как напутствие звучат во мне.

— Кто не ценит малое, тот не ценит и большое. Кедрам цена по ореху, человеку — по труду. Трудись на совесть — народ похвалит. Богата страна — богат и ты...

Да, богата наша земля! И нефть, и газ, и лес, и рыба, и пушнина. Всего, кажется, вдоволь. Но именно богатствам нужен хозяин, который скажет вовремя: «Не транжирь! Умей не только изменять, но и сохранять!» Не консерватор ли Паял? А может, он настоящий хозяин. Ведь печется не о себе. Он требует разумной бережливости, внимания к природным богатствам, хозяйского отношения ко всему на земле.

Взгляни-ка, друг, в мою родную сторону,
Ее угоды издавна щедры.
Раскинула, как скатерь, свой простор она,
Расставила на скатерти дары.
Нефтяники, строители, отбросьте
Хотя б на время прочие дела!
Напоминаю вам, что мы не гости —
Хозяева у щедрого стола.
Чтоб этот стол не оскудел навеки,
Не вымирали рыбы и зверьки,
Чтоб в некий день не запылала реки
Самой природе вечной вопреки.

Давайте думать все, пока не поздно!
Земля одна, и нет второй земли.
Над ней сегодня небо снова звездно.
Готовы к стартам чудо-корабли.
Тебе привет мой, звездная эпоха!
Но говорю уверенно вполне:
Того, что землю берегли мы плохо,
Нам дети не простят и на Луне!

Мы подъезжали к Малеевке белой ночью. Дом Паяла стоял под разлапистыми ветвями кедра.

Молчаливо стоит бор, точно думает какую-то таинственную думу. Кто поймет, кто расскажет? В тайне живет кедровый бор, в тайне рождает новую жизнь и живет по таящим законам. Разгадать его законы и не нарушить естества, продолжить

жизнь, создавая завтрашний день,— наша человеческая задача...

Слышите, слышите, слышите, люди,
Не разорвите извечные кольца!
С небом, с водою, с вами что будет,
Если последняя рыба плеснется,
Сгинет в трясущейся атомной мгле
На гулкой и грешной земле?
Вспыхнет последняя рыба большая —
Это рыбак на последней лодчонке,
Вместе с последней звездой догорая,
Вскрикнет — и связь оборвет навсегда
С тобой, золотая вода..
И, за волной волну пригибая,
Держишь ли ты весло свое крепко?
И не сорвется ль звезда голубая
С грубых ладоней двадцатого века?

Сосьва, где живут в основном манси, богата рыбой и дичью. В этой реке плещется самое крупное в нашей стране стадо речной пеляди. Сюда на нерест заходит более 70 процентов щекура, стали заходить муксун, нельма, даже стерлядь. Так что Сосьва имеет большое значение для рыбного хозяйства не только Сибири, но и всей страны. В лесах ее бассейна обитает немало интересных и редких видов животных и птиц: бобр и соболь, выдра и ондатра. На просторах Сосьвы можно встретить казарку и лебедя, даже журавля-стерха из «Красной книги». Живая вода дает жизнь не только рыбе, зверью, но и манси, которых осталось совсем мало.

Думается, деятели науки несут особую ответственность за сохранение природы и народностей Севера, кровно связанных с природой. Но где голос ученых? Где веское, аргументированное слово науки? Где ее сотрудничество с добытчиками нефти и газа? Ведь сегодня в их руках находится судьба не только рек и рыб, но и людей.

Вода Оби и Иртыша мертвеет. И не по дням, а по часам. До 60-х годов, когда началась «нефтяная эпопея», по 32 тысячи тонн рыбы вылавливали на просторах Обского бассейна.

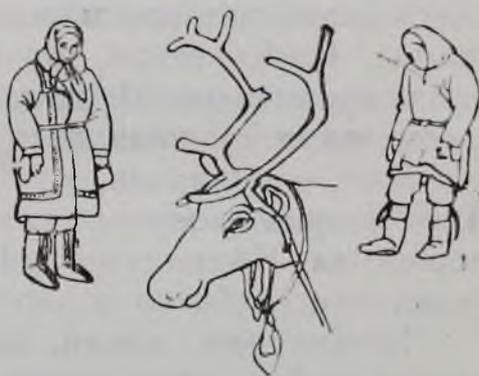
Теперь эта цифра кажется фантастической. Втрое сократились уловы осетра, вдвое — лососевых, во много раз уменьшилось количество «черной», неприхотливой рыбы: щуки, язя, чебака. Когда-то Обь кишела ими. Не исключено, что через какое-то время не только осетра и нельму, но и рядового сырка мы сможем увидеть только в музее.

Кто убийцы? Стоки неочищенных вод с заводов Новосибирка, Кемерово, Томска, Омска, Свердловска, Нижнего Тагила. Все стекает в Обь-Иртышье. Ртуть, цинк, фенолы, радиоактивные вещества... К этой ядовитой волне льнет тухлая нефтяная волна, которая травит все растущее, плывущее, живое.

Вероятно, это теперь — главный убийца. Статистика гласит: в водах Оби количество нефтепродуктов в 1987 году по сравнению с 1983 годом увеличилось втрое. В районе Нижневартовска среднее содержание нефтепродуктов самое высокое — 9 ПДК (предельно допустимая концентрация). Критическая черта — 3—5 ПДК. В том же 1987 году ниже Нижневартовска зарегистрированы случаи загрязнения «черным золотом» с превышением ПДК в 92 раза.

В брюшной полости рыбы накапливаются нефтяные углеводороды. Значит, в самой вкусной части рыбы — теше, которую так любят народы Севера, отчаянные сыроеды, может таиться яд. Не оттого ли в последние годы резко увеличилась смертность мансийских народностей, живущих в основном за счет даров Оби, Иртыша, Сосьвы? Неужели великая Обь превратится в нефтесточную канаву? Неужели так безысходно, так безнадежно? И замрет жизнь? Вопросы, вопросы, вопросы...

ПОКОРИТЕЛИ САМОТЛОРА

— Помнишь тех имена,
с кем ты все кедрачи облазил?
С кем поймал ты первого хариуса
своего?

— Как не помнить, конечно.
Постой... Забыл. Вот оказия!

— Ну а соболь твой первый —
Помнишь ли ты его?

— Эх, какой теперь соболь?
А был!

И друзья-мальчишки...

Было детство...

Были у них у всех имена...

Я лишь помню первопроходцев, героев

и **ищущих,**

Покоривших природу.

— Ну да,
Покоривших меня!

Наш катер причаливает к берегу, низкому, травянистому. Впрочем, травой покрыты все острова и отмели Меги, одной из протоков Оби. Куда ни взглянешь — всюду на водной лазури ярко выступают изумрудно-зеленые луга, где в конце лета, когда спадает большая вода, будут косить сено. А пока играет большая вода, окаймленная травами, серебристо-желтым тальничком, луговыми цветами. «Звенят» колокольчики, незабудки, бутоны шиповника. Кровавыми пятнами рассыпаны красные лилии. Это цветы из легенды. Сражался богатырь с врагами, напавшими на его народ. В неравном бою был ранен. Кровь текла, но он шел по земле и продолжал сражаться. И там, где падали капли крови, расцветали красные лилии.

Мне почудилось, что я снова в родной сказке. Вот озерцо посреди травы. Утки плавают. Рыба плеснула. Неумолчно гудит комарная туча. Все как в детстве.

Только там, вдали, почти на горизонте, где зеленая пойма реки вырастает в синюю тайгу, высоко стоят огненные столбы. Над ними не синее небо, а черные тучи.

Что за огни?

Факелы. Попутный газ сгорает. Когда-то они были символами нефте- и газодобычи. Теперь это признак бесхозяйственности. Не успеваем строить предприятия, которые бы использовали попутный газ.

И я прихожу в себя. Привычная с детства сказка ломается. Ведь рядом со мной не рыбаки и охотники, а нефтяники, люди, в корне изменившие лицо моего края.

Старое лицо моего края.

Большая река. Маленькая деревня. Дома стоят в низине, на узкой полосе земли. Стаей диких уток они чернеют на ней.

«Тюр-тюр-тюр», — журчит вода. Почти у дверей плещутся волны: на реке половодье.

«Ветлю-ветлю-ветлю», — разносит эхо. Это поет

кулик, радуясь весне. Пахнет травами, мокрыми сетями, рыбой...

«Хал-хал! Тень-тень!» — гогочут гуси весь день в тальнике, залитом водой. Утки носятся как шальные. Лишь от них стоял шум...

Сегодня на реке шумно. Мчатся моторные лодки, летят полуглиссеры, ломая зеркало воды.

А на крутом берегу, где недавно еще юрких белок промыслили, сегодня урчат трактора, бульдозеры, кусторезы, грузовые машины.

На пристани с самоходных барж разгружают цемент, горючее, трубы, пиломатериалы, жилые вагончики.

Над дальним песчаным обрывом возвышаются «железные чумы». Словно тысячи оленьих нартов, сложенных одна на другую.

Чумы? Опять снятся чумы? И разве бывают олени нарты железными?!

Да никакие это не чумы, а разобранные части буровых вышек.

Разгружаются баржи, рокочут трактора, шипят шины грузовиков на песчаных улицах, клубится пыль — и небо кажется песчаным, и солнце кажется песчаным, раскаленным.

Все движется, кружится, вьется...

Никогда не было так шумно на Севере. Эта новая путина начиналась на моих глазах. Я тоже в своем роде свидетель открытия века, очевидец пробуждения Тюменского Севера.

Ведь в ту сентябрьскую ночь 1953 года, когда в Березове заговорил газовый фонтан, я был там. Учился в школе. В десятом классе.

Мы, интернатские ребята, во всяком случае, старшие, еще не спали, разговаривали. Кто-то станет охотником, и, разумеется, князь наших лесов — медведь — сложит под его выстрелом быстрые свои лапы. Другой пойдет в бригаду рыбаков. Он уже не раз помогал отцу выволакивать сеть с мясистым муксуном. Бывало, летом поймает метрового осетра, веревку ему на жабры — и в воду. Садишься в об-

ласок — легкую лодочку из осины — и грести тебе не надо. Осетр не хуже мотора. Однако настоящим мотористом быть лучше! Заманчиво и обучать детей в школе. Хорошо бы обернуться врачом-колдуном...

В ту сентябрьскую ночь внезапно вздрогнула земля. Взревела, загрохотала О, что тут стало! Страшным показалось нам небо. Полуголые, кто в чем выскочили мы из интерната.

— Бомба! Бомба! Бомба!

Это слово отлично знали.

— Неужели новый Гитлер?!

И это злодейское имя нам было известно.

— Конец света!

Ну а это слова стариков.

Мы побежали туда, откуда несся рев, но нас остановил немолодой уже человек.

— Не ходи — бензин пийдэ!

И мы повернули обратно.

На улицу высыпало уже все население деревянного Березова.

Страх гонит не только нас, ребяташек. От дьявольского грохота бегут взрослые люди с детьми, с мешками, с веслами.

— За Сосьву! За реку!

— Земля перевертывается!

Сколько же в людях еще страхов!

Молодая учительница догнала нас и приказала тотчас возвращаться назад. Голос ее был едва слышен в грохоте, но он вразумил детвору.

На другой день мы, конечно же, вместо школы побежали к ревущей скважине. Верхушки кедров и сосен, стоявших рядом с буровой, почернели и будто съежились. Огромными наломанными макаронами валялись трубы. Сверху лил горячий дождь с песком. На подступах к скважине беспокойно перебежали люди, приближались к ней, отскакивали и снова приближались. Усмирить разбушевавшуюся скважину было делом нелегким.

Окна домов в поселке стали белыми, просоленными. Пахло мертвым духом — газом...

За нашей каменной школой, на краю поселка, там, где вчера железной лестницей в небо поднималась буровая вышка, теперь полыхал огонь. Грозный огонь, которому суждено было встряхнуть край, обновить его.

Но однажды утром мы не увидели рвущийся к небесам огненный столб. Он уже не бушевал, а стлался по земле, покоряясь воле людей, огнедобытчиков Севера.

Люди голубого огня... Вспоминаю встречи с ними. Со многими приходилось жить бок о бок в одном доме. С Абазаровым и Норкиным я раньше не встречался. Хотя они, оказывается, многие годы отдали Березову, открытию его кладов.

Мороз по земле шагает,
Сосны трещат в бору.
Испуганным оленьим взглядом
Звезда дрожит на ветру.

На этом морозном ветру я, кажется, продрог до костей и сердца. Продрогли и вагончики, занесенные снегом, они напоминают мне мерзлых куропадок на белой поляне среди безмолвия тайги. Но над белым балком вьется дымок. Хотя он и дрожит, но вьется, вьется! Вьется тепло. А в балке? Тепло ли в балке?

Захожу. Мне помогают раздеться. Подают терпкий горячий чай. От сердца отходит холод, и маленький балок кажется самым уютным домом на свете. Кажется, нет и мороза, и бескрайней тайги, а звезды смотрят уже ласковыми оленьими глазами. Конечно же, на меня смотрят глаза жены буровика. От ее глаз тепло, наверно, и дочке, и сыну. Нелегко па Севере матери. Первый иней на ее висках, быть может, здесь выпал? И это беспокойное мерцание звезд в чуть усталых глазах, быть может, здесь началось?

Жена геолога рассказывала, как они жили на Большой земле. Хорошо жили. Но бросили обжитую квартиру, удобства городские. И все из-за кочевника-геолога, которому снится нефть.

В его квартире на далеком юге
Струился газ, как голубое утро.
Как снежный наст, когда умчались вьюги,
Сверкала ванна...
Там полно уюта...
И плещет море в этой тихой ванне.
Так наслаждайся Севером в квартире:
Вот снег плывет в золоченой раме,
Летит, летит
В картинном теплом мире.
А вот олень сияние приносит
На голубых рогах — крутых березах,
И словно слышно, как скрипят полозья...
Живи в таком уюте,
Наслаждайся...
А он живет в вагончике не новом,
По трубы занесенном белым снегом.
На койке слева и на койке справа —
Один и тот же сон,
Один.
Как Вега.
И два ружья с большущими глазами —
Им сны не снятся,
В них уснули грозы.
Цветет луна на синеватой раме
Серебряными ветками мороза...
А утром снова буровая вышка.
Свидетелем его похода в завтра.
Встает она,
То рев моторов слыша,
То крик медвежий,
Тягостный и ярый.
Да, есть душа!
Она уюта шире,
И разговор о ней затеян, если
Она вместиться может
Лишь в Сибири,
Как в космосе,
Как в дерзновенной мысли.
Иди вперед,
Иди вперед, бурильщик!
Будь, как мечта, велик и неустанен.
Мечта с тобой —
А значит, все отыщем
И нефть из сердца у Земли
Достаем.

Большим лукавым ребенком казался мне немолодой уже буровой мастер Норкин. А может быть, от женщины, от матери его детей, шла вся его сила,

тепло и доброта? Уютно. И балок казался дворцом, где дружно, в лад бьются сердца большой семьи первопроходца. Хорошо! Тепло!

Руку матери давно я позабыл, нежную и теплую, как пух гусиный, руку...

Белой птицей летела вьюга, белым клювом в окно стучалась. А балок, как сердце друга, грел, грел, грел...

На Севере луна особая, волшебная.
День и ночь на небе висит она белым
бубном,
Волшебно позванивая.
Сияет луна — и снег беспокойно искрится.
И будто по телу легкие волны
Так и плещут, так и плещут.
И по сердцу легкий лунный трепет...
Трепет грусти, печали
Качнет волну надежды, любви, счастья...
Лунные грезы, лунные сны, лунные построения,
лунные чувства.
Говорят, любовь под северной луной острее...
Не знаю, правда ли это.
А вот под круглой северной луной беспокойно.
Особенно в длинную полярную ночь,
Когда луна сутками стоит над головой
И в сердце вечный лунный прилив.
Прилив без отлива.
В полярную ночь нет спасенья от луны.
Лишь любовь, дума, работа спасают человека
от лунных грез.

Погрустневшими глазами глядел Норкин в даль реки. Может, старый мастер думал о своей Елене? О том, как с сожалением покидала обжитой уголок его славная русокосяя Елена. Ее красивое тонкое лицо с мягкими глазами становилось грустным. Как же! Только что устроилась, обиходила каждый уголок квартиры — и снова за чемоданы. Она грустно глядела на своего широкоплечего, высокого Григория,

Лицо человека — зеркало души. Так говорят в народе. На открытом лице Елены — ярко выраженная готовность подарить людям улыбку, свет, радость. Нет, не крикливо-прекрасно или возбужденно-суетливо это лицо, нет. В нем словно просвечи-

вает та спокойная красота души, которая свойственна умным людям, таким женщинам, как Елена.

Какова же его Елена?

Она, конечно же, мужественна, ибо нелегко быть женой геолога и взвалить на свои плечи кроме работы хлопотливое домашнее хозяйство: в одной руке утюг, в другой — ребенок, в одной — пудреница, в другой — иголка с ниткой, а вот уже обе руки заняты стиркой, только брызги летят да пена мыльная пенится.

Жена... Это же многорукая богиня мужества! А вот когда она еще и жена геолога, вместе с мужем кочующая по Северу, который прозывается Крайним...

Ох, этот Крайний Север! Мужество женщин здесь приобретает совсем другие краски и другое значение...

Мы подошли к останкам строения, поросшего сверху бурьяном. Несведущий никогда бы не мог сказать, что здесь стояла буровая, да не простая, а первооткрывательница нефти Среднего Приобья.

Погрустнели глаза Норкина. Глубоко вздохнув, он тяжело выдавил:

— Самая трудная! Нескончаемой казалась эта вахта. До сих пор снится...

— Помнишь, — сказал Абазаров, — как мы вместе начинали? Открыть в ледяном, пустынном краю залежи нефти и газа, да еще когда мало кто верил в нашу удачу! Всего трудней, пожалуй, бывало зимой. Она всегда нам показывала свои зубы, расставляя ловушки на каждом шагу. И все же мы открыли сокровища.

Норкин носовым платком вытер вспотевший лоб. Достает папиросу. Пальцы его дрожат. Затем, окая, чеканит слова:

— Скважины только в юбилейных речах легко фонтанируют. Тяжело пришлось нам в ту пору... Здесь, на берегах Меги, начали бурить в сентябре 59-го, а долгожданный фонтан получили только в

марте 1961-го. Не ладилась работа. То одного не хватало, то другого. Запасных частей кот наплакал. Цемент, горючее на вес золота... Останавливали проходку иногда на недели. Теревили начальника экспедиции, требуя доставить запчасти. Начальник теревил буровиков...

— Было дело! — озорно поблескивая смолистыми глазами, вторил ему Абазаров.— Прихожу однажды к себе в кабинет, вижу — Норкин. Дождается меня. «Чего так рапо?» — спрашиваю. Норкин молчит. Кряхтит. Смотрит, будто буравит. «Почему вы меня сняли?» — наконец выдавлиывает он. «Как сняли?» — «Так люди сказали». Поговорили по душам, все выяснили. Подсчитали свои возможности. Снова пошло дело.

Это было трудное время. Штормовое время открытий.

В Главтюменьгеологии я видел карту. На той «говорящей» карте нанесены маршруты поисковых экспедиций почти за три десятилетия. Это история большого похода со многими приключениями. По ней можно судить о направлении поисков. То на юге, от Тюмени, искали нефть, то к Северному Уралу шли, то дерзали заглянуть даже за Полярный круг. Сначала шли робко, шаг за шагом исследуя берега таежных рек и проток, потом все глужке и глужке заглядывая в тайгу, в болота, упорно исследуя неизведанную ширь. Не случайно Тюменский край назвали землей искателей и первопроходцев.

Первопроходец сидел передо мной. Норкин. Богатырь не богатырь, но мужчина довольно крупный, широкоплечий, седоватый. Ханты. Широкое лицо его изрезано глубокими морщинами. Не следы ли это долгого и трудного поиска?

Абазаров говорит о нем:

— Мастер. Практик. Рабочая косточка. Буровая для него — дом родной. Однажды пожаловалась мне Елена Степановна: муж месяцами не бывает дома. Еду на буровую. Вижу: Норкин, пристроившись почти у ротора, спит. Спрашиваю: почему не идешь

спать домой? Далеко, говорит, некогда. Бурить надо! А до поселка было два километра. Вон там,— указывает Абазаров на зеленый берег, над которым дрожало сизое марево.

Ярко светило солнце. Легкие облака плыли как лебеди. Нестерпимо белые, они отражались в реке. Она струилась, тихая, умиротворенная. Из травы выплыла дикая утка, запрокидывая голову, медленно напилась. Испугавшись чего-то, тут же скользнула в траву. Плеснула рыба...

В этом рыбном, утином царстве и жил Норкин. — В другой раз приехал на буровую,— рассказывает Абазаров,— грохочет дизель цементного агрегата. Стрелка манометра прыгает на месте, потом, словно что-то пересилив, ползет вверх. Последние кубометры цементного раствора нагнетаются в скважину... Ответственный момент. Сквозь облако пыли вижу Норкина. На глазах у него слезы, а сам улыбается... С чего бы это? Вроде наш мастер — человек несентиментальный... Лишь потом жена «разоблачила» его. Рука у него отнялась. Военная контузия, видно, дала о себе знать... Отдыхать бы ему в этот момент. А он — на буровой. В ответственный момент, что бы ни было с Норкиным, он будет на своем месте.

Абазаров рассказывает о своем мастере и, вижу, гордится им. Гордится его нестареющим темпераментом. И я уже знаю, что хотя Норкин несколько лет на пенсии и прописан в Тюмени, но его легче отыскать на берегах Меги, на Обском Севере, которому он принес славу.

— Какая теперь моя должность? Да не знаю. Наверное, буровой мастер на колесах. То в одной бригаде заменяю мастера, то в другой. Где нужно подсобить, туда и еду,— с улыбкой говорит Норкин, поблескивая хитровато прищуренными глазами, много повидавшими на своем веку.

Вечная мерзлота, болота, комарье... Кислорода здесь маловато. И морозы дикие... Но как оторваться от Севера? От ярких сполохов северного сияния, от

голубовато подсвечивающих снегов, от бодрящего мороза, от простора, захватывающего дух? От людей, с которыми сжился, сдружился... Дружба на Севере особая.

Человеком почувствовал себя Григорий Иванович Норкин на Севере. Уйти от него — уйти от себя.

Но легко ли ему было расставаться с должностью бурового мастера, много лет приносившей самое высокое удовлетворение?

Поглаживая подбородок, улыбаясь, Григорий Иванович ответил просто:

— Незаменимых у нас нет!

А передо мной сидел человек как раз незаменимый. И даже внешне все — голос, интонация, взгляд, движения, походка крупная и твердая — говорило об этом.

Изучающе гляжу на Норкина.

— Что ты смотришь на меня? Буравишь глазами, как долотом. Заменял меня не кто-нибудь, а мастер Хафизов. Мой ученик! С помбуров начал... Славный вышел человек...

Хафизов сидел тут же, добродушно улыбался широкой татарской улыбкой...

Они смеялись, шутили, вспоминали смешные и не совсем смешные случаи их долгой совместной работы.

Мне было не смешно. Разве можно представить такое: «Замена мне, писателю, найдется»? И ему, Норкину? Да, Хафизов ученик. Добрый ученик. По всему видно. Но он другой человек, и многое теперь будет другим.

Мои думы прервал вдруг посерьезневший голос Норкина.

— Как у тебя с коллективом?

— Трудно... Но налаживаем! — ответил Хафизов, глядя на мастера. — Раньше я думал, что люди уходят потому, что не обучены нашему делу. Но не то главное. Потеряны живые связи в бригаде. Особенно остро ощутили мы это после ухода Норкина. Что-то оборвалось. Чего-то не стало хватать.

Помоги, Григорий Иванович, наладить коллектив!
— Помогу. Я же мастер на колесах... Колеса еще крутятся...

Помолчав, продолжал:

— А вот кто бы помог погасить факелы? Сколько они будут гореть! Пропадает ценнейшее сырье на миллионы рублей. Говорите, не построены заводы для переработки попутного газа. Но почему мы должны уничтожать его, а не закачивать обратно в пласт? Это поднимет давление, увеличит отдачу нефти, а самое главное, сохранит газ для завтрашнего дня... И неужели нельзя построить мини-заводы, способные его переработать? Добро сжигаем, да и космос отравляем. Простит ли нам Торум?

— Что-то ворчливым ты стал, Григорий Иванович. Может, и вправду стареешь...

— Не старею, а думать стал. Много думать. Время, что ли, появилось лишнее... А может, и старость...

Вдали показался Мегион. Отсюда когда-то начинались нелегкие тропы геологов. И вот мы идем по песчаным улицам аккуратного деревянного, местами одевающегося в многоэтажный камень поселка, и почти каждый узнает Абазарова, Норкина, Хафизова, радушно приветствуя их. Какое это большое счастье оставить след на земле, быть ее строителем и создателем!

В те дни на Самотлоре произошло замечательное событие: открыли памятник его покорителю. На трибуне среди почетных гостей был и Григорий Иванович. Можно представить его чувства в тот момент: памятник воздвигнут на месте его, Норкина, скважины, давшей первую самотлорскую нефть. Примечательно, что в тот день вместе с ним работали его сородичи, помощники бурильщика Петр Ляпин, Василий Топасин, Федор Чебалин.

Тысячи рядовых геологов и изыскателей шаг за шагом приближали звездный час Самотлора. Но кто они? Теплотворцы или губители Севера?

Те, кого с веком связует нить
Общей беды и счастья,—
С ними смогу ли ощутить
Радость и боль участия?
Словно шаманы, постичь сумею ли
Времени многолюдье,
Снега молчанье,
Воды веселье,
Пламени жизнелюбие?

Самотлор... Неведомое озеро. Лишь для слуха охотника-ханты оно оживало, наполняясь смыслом. Самотлор — мертвое озеро. Самотлор — топкое озеро. Самотлор — сердце озер. По-разному переводили это слово. Само по себе озеро невелико: восемь километров на двенадцать. Но под невзрачным водоемом, низкими болотистыми берегами — нефть.

Самотлор... Для меня, слагателя песен, это прежде всего звучное слово моих предков, вошедшее теперь в мировой язык земли.

И звучат как заклинанья
«Мегион», «Самотлор»...
Не умрет цветочек малый —
Мой язык. Его вплели
В речь вождей и дипломатов,
В мировой язык земли...

Почему же сегодня воспоминания навевают грусть?

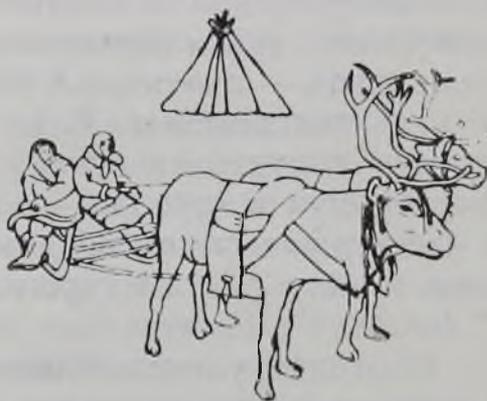
Холодный свет,
Мертвым криком тишину сломав,
Струится над рекою.
И земля лежит как мертвая луна,
Покинутая людьми когда-то...
И все кругом — как отраженье смерти.
Но в ледяном потоке лунной седины
Мерцают яркие, живые искры.
То тени предков
И призраки грядущего,
Играя звездным светом,
Пляшут танец жизни.
Жизнь на небе.
На снегу небесном
Души ушедших
Пылают звездными кострами.
К ним навстречу рвется моя душа.
Я пытаюсь расшевелить снег воспоминаний,

Из грез взывая утраченное время
И язык отцов,
Журчавший живой водою...
Все оледенело.
Минуло на земле
Языческое время.
И глубокая тишина
Не может молвить
Слова утешения..

Над крутой излучиной Оби плывет синий вечер.
Над строящимися многоэтажными домами Нижне-
вартовска замерли башенные краны. И катера, ут-
кнувшись в желтый берег, кажется, уснули. Лишь
неумолчные, живые струи воды, лаская борт катера,
поют вечную песню. Мы беседуем, раздумывая о
разных сторонах сибирского ускорения — о том, что
испытывает оно человека не только на прочность, но
и на гуманность, на бережное, трепетное отношение
к природе, на высокое звание хозяина земли.

Разбит эпохой
Панцирь твой морозный,
Земля моя,
Ты щедро даришь нас,
Ты сыплешь газа огненные звезды,
Затем, что наступил
Твой звездный час.
Фонтанами смеешься нефтяными
В неистощимой радости творца.
Но не спеши
В Сургуте иль в Надыме,
Не расплещи улыбку
До конца...

ПЛАЧ ЖУРАВЛЯ

Жила-была Калтысь-эква — мать Земля, сестра Верхнего Духа, Торума, бога неба. У Калтысь-эквы было семь сыновей. Большая семья. Кормить ее надо. Одними орехами да ягодами мужчин разве прокормишь? Однажды она решила спросить у Торума: «Чем кормиться сыновьям на этой земле?» Послала гонцов на звездное небо. Торум ответил: «Хорошо. В болото, которое находится около вашей деревни, я спущу оленя с олененком...»

Сказано — сделано. Появились в болоте ветвисторогий олень с розовым олененком. Ожило все кругом. Травы хрустели, будто пели. Птицы свистели, живую весть друг другу передавали. И стоял олень среди мхов как живое изваяние. А рядом пасся розовый олененок.

Но однажды все снова замерло. Пришли сыновья Калтысь-эквы с луками и стрелами и убили оленя с олененком. Вкусным, видно, было мясо. Снова богиня земли шлет гонцов в звездный мир, на высокое небо. Снова просит Торума спустить на болото оленей.

Разгневанный Торум отвечает: «Что это вы за олухи?! Не успел вырасти олененок — вы его съели. Попасли бы вы его, вырос бы и новых оленят принес. Целое стадо было бы около вашей деревни! Коль неразумны — идите в лес. Следы диких оленей мудреные, тайга дремучая, снег толстый. Если хотите жить — охотьтесь! Вам отдаю тайгу с черным и красным зверьем. Если вы настоящие мужчины, стыдно роптать на судьбу, выпрашивать себе пищу. Берите лук и стрелы — и айда в тайгу, да охотьтесь с умом, детенышей не уничтожайте». С тех пор сыновья тайги стали мудрыми охотниками.

Вертолет улетел. Смолк привычный шум. Лишь плеск воды на перекате да шуршание гальки под ногами. Удивительная тишина. Как во сне. Да и сам я как во сне. Ведь знаю же, что никогда-никогда не был в этих местах! Но ведь помню же, помню! Почему тихая деревушка кажется мне такой знакомой?

Может, эти лабазы на сваях, избышки на курьих ножках, которые стоят рядом с обыкновенными рублеными домами, всколыхнули в памяти что-то родное, давнее, забытое? Перед домиком моего дедушки стоял такой же сумьях. Странно, я не забыл даже названия. А рядом с ним так же, как здесь, стояла круглая печка. В ней весело играл огонь. А на углах пекли пироги с ягодами.

Родственники мои живут в обыкновенном поселке, где в обыкновенной пекарне пекут обыкновенные стандартные булки. А здесь из печи струится дымок. Невероятно! Но это не сон. Вокруг меня крутятся собаки, живые вогульские лайки. Встречают меня, приветствуют спокойным умным взгля-

дом, хвостами помахивают. А людей нет, ни души.

Но вот откуда-то появляется симпатичный молодой человек. Идет навстречу. Лицо смугловатое, смолитые, по-мансийски чуть раскосые глаза смотрят приветливо. Говорю ему: «Пася! (Здравствуйте!)». Он отвечает по-русски и пожимает мне руку. Я прошу проводить меня в дом Алкадьева.

— Которого? — спрашивает. — Их у нас много здесь.

— Охотника мне, Михаила Никитича...

— А, вот его изба, — говорит молодой человек, берет мой чемодан и направляется к дому, который стоит на пригорке у самой реки.

...Просторная, довольно уютная комната с высоким потолком. Посреди кирпичная печь, по углам отделенные дощатой заборкой две крохотные комнатки. На стене в застекленной рамке набор цветных фотографий. Белокаменные дома в южной зелени, улыбающиеся лица на коллективных снимках, приглаженный курортный пейзаж.

Одна фотография среди этих стандартных снимков привлекла мое внимание. На фоне санатория на гладкой дорожке, усыпанной галькой, стоял в позе отдыхающего уже довольно немолодой мужчина. Аккуратно зачесанные гладкие волосы. Широкое лицо со следами первых глубоких морщин. Один глаз прищурен, точно человек целится в кого-то. Легкая рубашка с незастегнутым воротом, отутюженные брюки... Обыкновенный человек, в котором, казалось, не было ничего примечательного, тем более героического.

— Его нет дома. Он давно на охоте, — говорит мне парень. — На реку Волью, говорят, поехал.

— А далеко это?

— Нет. До устья Вольи километров шестьдесят. да там сотня...

В доме только ребяташки. Один другого меньше.

— А где мама? — спрашиваю я.

Молчат. Вопросительно поглядывают то на меня, то на мой чемодан.

— Мать по ягоды ушла. Нынче брусники много, клюквы...

Поэтому, наверно, и на улице никого. Деревня будто вымерла. Вот большущий новый дом. А вот почерневшая от времени изба. Из-под покатой, покрытой землей крыши выглядывает береста. В старину так строили манси.

— Ты кто, мил человек? — окликает меня женщина, опирающаяся на палку. — Иди-ка сюда. Смотрю: не Юван ли? Гадаю: не ты ли?

— Юван, — отвечаю я в недоумении, не узнавая ее.

— Не смотри так! Не узнаешь? Ведь ты видел меня давно. И был ты тогда не такой, как сейчас. Босой бегал. А Омельку моего должен помнить. Емельяна Анямова. Дом его отца Порки-ойки стоял рядом с избушкой твоего дедушки. Старый был уж Ась-ойка, твой дедушка. И я вот уже теперь старею. На палку вот опираюсь. Здесь болит, там болит. А ведь когда-то и я была человеком... Омельку-то я увела от молодой жены. За тысячу километров со мной уехал. Вот уже двадцать с лишним лет живем. Дети у нас выросли. Сын отцу помогает, будет, наверно, тоже охотником. Дочку геологи в Ленинград увезли, замуж вышла. Ну, вспомнил Омельку-то?

Как не вспомнить! Все перед глазами, будто это было вчера!

Я с жадностью рассматриваю деревушку Хулимсунт, так похожую на Квайк-я — деревушку моего дедушки. Она тоже пряталась в лесу. Дома бежали к реке, и река была тихая, как задушевная песня. Берега ее с дремучими кедровыми рощами в своей девственной тишине, казалось, хранили последние остатки древней мансийской старины.

Странно. Ведь ехал не на поиски старины, а чтобы познакомиться с передовиками производства, современниками. И вдруг... Я спохватываюсь. Ищу признаки цивилизации. Вот стоит столб, дальше второй. Провода.

— Значит, электричество есть! — говорю я.

— Было зимой, — вздыхает женщина. — Да геологи машиной подбили столб, сорвали провода. Говорят, к зиме снова будет свет. Отвыкли от ламп. Теперь нам нужен свет настоящий, большой. — Она надолго умолкает.

Я тоже молчу, думаю про свое.

— А воп идет сам Алкадьев Иван Никитич, самый большой наш человек! — оживает женщина.

— Вы приехали к Михаилу, моему среднему брату? — спрашивает меня мужчина, в волосах которого уже поблескивают ниточки седины. — Раз его дома нет, по нашему обычаю, я, как старший, должен принять вас. Прошу в наш дом...

Кажется, вся деревня собралась в доме Ивана Никитича Алкадьева. Одни приходят, другие уходят. На столе — сосвинская селедка, брусника, дымящийся глухарь. Запахи тайги оживают во мне. Я почти забыл вкус глухариного мяса. Помню, в нем есть что-то хвойное, брусничное...

Истинно таежное гостеприимство проглядывает в добром и внимательном взгляде Ивана Никитича. В оживленном радушии хозяйки дома, которая подает на стол то одно, то другое кушанье. У нее свежее, моложавое лицо. Косы. Кольца на пальцах. Бусы на груди. На плечи накинута цветастая шаль с бахромой. Красавицей мансийской, видно, слыла когда-то. И теперь румяна, бела. Я разглядываю лица сидящих за столом, вслушиваюсь в их слова, стараюсь понять, кто они, какие нити душевные и родственные их связывают. Впрочем, разницы в их отношении друг к другу не чувствую. Будто собрались все родственники, все самые близкие. Может, в этой деревне какие-то особые, близкие отношения между людьми? Или мне кажется только?

Будто попал я из каменного города в первобытный уголок, где жизнь течет бесшумно под шелест мохнатых кедров. Говорят, тетерева прилетают каждое утро на старый кедр, который стоит рядом с домом. Сказывают, развесят веерами хвосты и слушают, как мычат коровы, не обращая внимания на

хозяек в цветастых платьях, которые, позванивая ведрами, долго собираются на дойку.

Приятно слышать полузабытую мною мансийскую речь. Трогают до слез песни, которые льются за столом. Хозяйка дома, краснощекая певунья, поет о том, как ее старший сын, воин Советской Армии, служит где-то далеко-далеко, а младшенький ползает на ее белых коленях. Если надо, она родит еще не одного сына!

Старик, белый как лунь, пел о том, что он гостит у любимой дочки, что зять Иван — хороший на земле человек. Но душа рвется в родную маленькую деревню, которая стоит на берегу небольшой речки, разрисованном следами белых чаек. Что-то он соскучился по другим детям и внукам, всех их по именам помнит. Только не помнит, сколько ему теперь лет.

А старуха, сидевшая на другом конце стола, в чертах лица которой я заметил что-то общее с Иваном Никитичем, пела песню о трех сыновьях, о трех Алкадьевых, которые с крутых охотничьих троп приносят домой соболей, белок больше, чем другие, славя тихое родительское имя своими звонкими именами... В песне ее было и что-то грустное, обращенное к сыновьям, она просила их найти между собой лад и согласие. Здесь та же самая жизнь, со всеми ее противоречиями.

И все же знакомая певучая мелодия мансийской песни будила во мне тот полуреальный, полусказочный мир, в котором я рос когда-то и который сейчас для меня, жителя города, как сон...

Нет, в глухой деревушке шла реальная сегодняшняя жизнь. Это я почувствую завтра. А пока засыпаю с верой, что я в заповедном уголке земли, где живы во всей их первозданности песни и сказки моего народа, где не забыты еще древние, патриархальные нравственные начала...

На другой день меня качали волны таежной реки. Вначале мы устремились вниз по плесам широкой Северной Сосьвы. Песчаные отмели и косы,

золотившиеся на осеннем солнце, не мешали полету нашей длинной узкой лодки, напоминавшей пирогу. Лишь иногда на едва заметном перекате, где струи прозрачной воды как-то особенно кружились и рябились, песня «Ветерка» становилась чуть тише.

Потом плыли против течения по узкой таежной Волье — реке горной, сбегаящей со снежных вершин Северного Урала. Над ее обрывистыми берегами то встанет стена кедрового бора, то темно-зеленый еловый лес острыми вершинами, как стрелами, тычет в небо, то курчавый сосняк незаметно выбежит к самой воде, то кусты черемухи и тальника склоняются над тихой заводью.

Кажется, все дремлет, задумавшись о чем-то своем, сокровенном, вечном. И даже шум мотора не в силах спугнуть глухаря с голой вершины исполнинской лиственницы. Рябчик узорчатой чашечкой висит на полуголой ветке березы. Проплывешь мимо — ветка не шевельнется. Лишь чуткий лось, учуяв человека, поднимет рога, и стройные ноги понесут его прочь от охотников. Мои спутники — Илья Алкадьев и Тимофей Самбиндалов (ему не больше двадцати) — промысловики, настоящие таежники. Их сноровка и умение особенно проявлялись на каменистых перекатах, где хрустально звенела вода, не пускавшая нашу лодку вперед. У Тимофея прямой длинный нос чуть с горбинкой, узкое смуглое лицо, кудрявые волосы, спускающиеся на плечи. Уральский индеец — и только! В руках у него тонкий и гладкий шест. Он управляет им, как его предки, опирающиеся лишь на силу и упругость шеста и весла. Отталкивается — и лодка движется вперед, преодолевая сопротивление течения.

Вижу, Илья Никитич, которого одна из женщин назвала «наш мань-начальник» (маленький начальник), умеет быть не только хорошим бригадиром (его бригада из года в год выполняет план сдачи пушнины), но и управляться с обыкновенным шестом.

Убедился, что мотористы они отменные. Ведь проехали не одну сотню километров. И не раз, и не

два замолкал мотор. Но всегда быстро распознавали, почему «зачихал», и мы снова, летели по плесам извилистой Волы, на берегах которой промышлял ондатру Михаил Алкадьев.

Встреча наша произошла неожиданно. Вдруг из-за зеленого мыса вышла навстречу лодка. Такая же длинная и узкая, как и наша. В ней два человека и две собаки. Одна сидела на носу, высоко подняв уши, другая дремала на коленях мужчины, который сидел посредине лодки.

В рулевом я сразу признал моего будущего героя. Широкое лицо со следами первых глубоких морщин. Один глаз чуть прищурен, точно целится... Но здесь, на берегу глухой таежной речки, на фоне диких вековых деревьев Михаил смотрелся по-дру-

гому, чем на фоне казенного курортного пейзажа. Почему? Может, потому, что не позировал? Впрочем, когда ему сказали, что я приехал писать о нем, как о лучшем охотнике, в самую большую газету, что его имя назвал самый первый секретарь района, он заложил руки за спину, приподнял голову, важно, как начальник, прошелся по хрустящему песку. Такое я видел в детстве. Так расхаживал председатель колхоза, когда приезжали из района большие начальники...

Михаил Алкадьев, кавалер ордена «Знак Почета», «позировал» всего десять шагов. И хватит! Тайга ведь не терпит суеты и позерства. Нужны внимательность, зоркость, четкость. Тайга — это труд, напряженный, от зари до зари. У Михаила Никитича Алкадьева заняты и зори для охоты. У него нет практически и времени для других дел. В этом я убедился, проведя с ним семь памятных утренних зорь золотой мансийской осени.

...Костер наш затухает. Некому подбросить дров. Охотники, уставшие за день, уснули. Лишь мне не спится.

Откинув полу спального мешка, смотрю на плес, сияющий в лунном свете, слушаю смолистую тишину кедрового бора, думаю о людях, которые мирно спят рядом, о прошедшей неделе, наполненной столькими впечатлениями.

По-рысиному легка поступь охотника. Идет он быстро. Изредка останавливается, внимательно рассматривая камешки на берегу, кочки на болоте, вмятины в белом оленьем мху. Точно он их читает, проверяя свежесть звериных следов.

Я знал давно, что среди многих трудных специальностей профессия охотника занимает особое место. Человеку, решившему посвятить себя ей, нужно обладать выносливостью и острым зрением, уметь переносить все тяготы. Охотнику приходится каждый день осваивать все новые и новые места. За осень, долгую зиму промысловик проходит пять-шесть тысяч километров в поисках зверя. Десятками

лет накапливается ценный опыт. Умеет ходить охотник! А вот говорить...

Человек, который все эти дни казался неисправимым молчуном, вдруг преобразился, заговорил, даже затараторил. Я удивился необычной перемене. Может, то лишь мгновение вдохновения, вызванного большой охотничьей удачей? А может, до того не о чем было говорить, потому что не было зверя? Признаюсь, мне приятно, что, перекинувшись парой-другой слов насчет маршрутов прошедшего дня, охотники не шумели, не ссорились, доказывая свою правоту...

Я почти не слышал Михаила Алкадьева. Его обветренное лицо было спокойным и бесстрастным и утром, когда он первым поднимался из спального мешка, и днем, когда привалы наши были короткими и торопливыми, и вечером, когда сидели у костра. За эту неделю я почувствовал лишь молчаливый азарт погони за большим зверем.

Но зверь оставлял только следы, дразня нас, заманивая дальше, изматывая силы. Мы поднимались вверх по реке, пока можно было перетаскивать лодки на порогах. Шли пешком. Но все безрезультатно.

Лось оказался сильнее, хитрее, проворнее охотников. Однако это не убавляло их азарта. Наоборот, словно бы подстегивало, делало более целеустремленными, внимательными и чуткими к каждому следу, любому малому шороху. Только они становились молчаливее деревьев, которые стояли вокруг, как немые стражи. Вначале и меня захватил азарт охоты. Но к утру второго дня растаял.

Утро... Сизый туман над водой. Мы плывем на лодке, отталкиваясь шестами. Мотор молчит. Лишь плеск воды на перекате нарушает раннюю тишину. За мелкой ивовой порослью, где так любят бродить лоси, показывается чистый берег: песок, галька, камни. Вдруг один из камней зашевелился, ожил. Сердце мое забилося: глухарь! Ожил второй, третий камень. По каменистому откосу важно шествовали три лесных петуха-великана.

Хватаю ружье. Целюсь. Спыхватываюсь, вспоминаю уговор: не стрелять по глухарям. Михаил Никитич смотрит на меня изучающе. В его спокойном взгляде нет ни осуждения, ни насмешки над моей суетливостью. Только молча кивнул в сторону берега, где в молочной дымке купалась ивовая поросль.

Старая собака Нюкси смотрит настороженно тоже в сторону ивовой поросли, а не на берег, где глухари чернеют. Она жадно ловит воздух. Ноздри ее вздрагивают, морда играет: чувствует она лося...

А лодка все ближе к птицам. Один глухарь вдруг выпрямил шею, заворочал головой, насторожился. Другой то наклонялся вниз, собирая камушки, то спокойно чистил мохнатую ногу. Третий шел по песку с горделиво поднятой головой. Я уже вижу белый изогнутый клюв, красные брови над глазами. Он идет, точно позирует, похваляясь своей горделивой осанкой. Передо мной сама древняя таежная птица, крылатый исполин северных лесов, вечная мечта охотников — а я не стреляю! Разве это справедливо?! Из-за какого-то лося? Зачем он мне нужен?!

Михаил Никитич взглядом своим просит понять их, промысловиков.

...Горит костер. Разговорились люди. Я стараюсь допытаться наконец-то, зачем им нужен был большой зверь. Ведь столько сил потратили на него, столько дней!

— Ты был в нашем магазине? — тоном маленького начальника спрашивает Илья, взяв ложкой кусок печени. — Видели там мясо?

— Был, — отвечаю. — Товару там немало. Но мяса действительно нет.

— Вот то-то же! Это у вас в городе в магазине все можно купить. Нынче к нам не успели завезти даже боеприпасы, не то что... То ли вода быстро ушла, то ли промешкало торговое начальство. Кормилец наш — лось. Если бы его не было, и собаки подошли бы... Без собаки не возьмешь не только соболя, но и белку. А мех-то мы ведь государству сдаем.

— Лось для нас не только кормилец, — вступает в разговор Василий Николаевич Вадичупов, напарник Михаила по ондатровой охоте. — Ведь в сапогах на зимнюю охоту в тайгу не пойдешь. И в валенках тоже. Мороз их быстро скрутит. Из камусов лосиных лап шьем обувь, камусом подбиваем лыжи.

— А разве, — удивляюсь я, — у вас нет здесь оленьих стад?

— Конечно, нет! — отвечают мне охотники. — Их ликвидировало районное начальство вместе с колхозами. Говорят, убыточно.

— Из-за этого страдает и охотничье хозяйство, — снова берет слово мань-начальник. — На лыжах слишком далеко не пойдешь. На оленях раньше семь речек изъездишь. И добычи больше.

— Но я слышал, что вам дают много техники, — пытаюсь я повернуть разговор в другое русло. — Вот эти моторы лодочные, снегоход «Буран».

— Моторы хорошие. А «Буран» капризный. Ломается часто. Цена-то его большая: две тысячи рублей. А в амбаре валяется. Поломался сразу: морозы. Да и куда на нем в наших условиях поедешь? Таежные дебри, чащобы. К тому же в бригаде у нас пятнадцать человек. Каждому ведь не дашь такую дорогую машину! А с олешками все бы справились. Не всюду, может, нужна техника-то!

Техника, машины, моторы незаметно, но властно входят в жизнь и быт таежников. На обеих лодках, на которых мы плавали, по два мотора. Всего у трех братьев Алкадьевых более восьмидесяти лошадиных сил. Это же целый табун! И пасти не надо. Бензину хватает: зверопромхоз неплохо снабжает горючим. Может быть, и правда олени ни к чему? Только ведь зимой на лодках не покатаешься.

— Самолет — хорошо, а олени — лучше! — засмеялся Вадичупов, инвалид Отечественной войны, участвовавший в боях и в Подмосковье, и под Сталинградом, и на Курской дуге, и на Сандомирском плацдарме. — На вертолете на охоту не полетишь, а

на олешках бы и я на одной ножке поездил бы. И зачем они здесь ликвидировали стада? Раньше вот по этому бору проходила оленья дорога на Урал. Э-эх! А олени — лучше! — протянул со вздохом Василий Николаевич, нащупывая в траве костыль. — Сейчас мне, наверно, легче долететь до Вислы, где я потерял ногу, чем до зимних охотничьих угодий. А ведь очень хочется еще и покататься по тайге!

Городскому жителю кажется, что взять лося — пара пустяков. Конечно, рядом с большими городами, где давно уже нет его традиционных врагов — медведя, волка, росوماхи, — лесной красавец становится легкой добычей.

В тайге же лось еще в первозданной силе ходит. У него и чутье тоньше, и слух острее, и ноги не только высоки, но и мощны, и быстры. Иначе нельзя: притаившись в густых ветвях над тропой, стережет коварная росوماха, вырвет глаза — и потемнеет мир. А медведь еще страшнее. Не свернешь вовремя — быть смертельному поединку. И у волков зубы острые. Чуть ослабнут ноги — станешь их добычей. Им достаются больные и немощные. Благодаря волчьим санитарам по тайге гуляет не болезнь, а здоровье, краса и сила.

Так что охота на лося в тайге — честный поединок, состязание на равных!

— А на кого труднее охотиться? — спрашиваю Михаила Алкадьева.

— Не знаю, — говорит как-то невнятно опять онемевший Михаил Никитич, потягивая густо заваренный чай. Точно он уже не здесь, а снова в лесу бредет отшельником.

— Какая охота труднее? — переспрашивает бойко Илья, показывая своим видом, что здесь-то он специалист. В отличие от среднего брата он, как я заметил, говорун. В его довольно пестром лексиконе рядом с охотничье-таежной терминологией соседствуют чужие округлые выражения. Он часто говорит о политике, вынося категоричные суждения. В деревне своей как бригадир — полномостный хозяин,

голова. В доме его стоит рация. Только он может связаться с большим миром. Как грамотный человек, учившийся в школе механизации, выписывает газеты и журналы.— Соболиная охота самая трудная.

Потом охота на лося...

— За любым зверем ходить надо,— говорит певуче Вадичупов.— Я вот вынужден довольствоваться ондатрой. На лодочке еще можно охотиться. А белковать... Так хотелось бы, да вот фашисты ногу оторвали...

— Нынче все же должна быть белка. На елях вроде уродилась шишка,— подбрасывая в костер сушняку, говорит мань-начальник.

— Может, и соболь в нашу сторону пойдет.

— А кто у вас главный соболятник? — спрашиваю я.

— Алкадьев, конечно, Михаил! — кивает мань-начальник в сторону брата, который молча раскуривает козью ножку с махоркой.— В прошлом году семнадцать соболей сдал. А другие по одному-два.

— Михаил Никитич, а сколько ондатр нынче выловил? — обращаюсь я к нему, радуясь, что так хорошо разговорились у этого неяркого дневного костра.

— Пятьдесят — шестьдесят! — залихватски выпаливает он.

— За ночь, что ли? — переспрашиваю я, ошеломленный новой переменной.

— За всю осень! — смеется он, бросая недокуренную козью ножку в затухающий костер.

Чайник пуст. И разговор окончен. Охотникам некогда точить ляды. Впереди не одна сотня километров. Пороги, мели, ветер, дождь...

Михаил Никитич Алкадьев в тот сезон снова лидировал среди своих товарищей, сдав пушнины больше годового задания.

Мужчины Хулимсунта охотятся, а женщины заняты сбором грибов, орехов, ягод. Хватает работы и бригадиру Илье Никитичу Алкадьеву. Он не только организует охоту, но и принимает ягоды, грибы.

Нынче принято им и отправлено в Няксимвольское отделение коопзверопромхоза около трех тонн даров леса...

В доме Ивана Никитича всегда много народу. Старики и молодые, родные и гости. Здесь мансийская речь звучит в лад с русской. А встречают гостей по добрым мансийским обычаям. От этого Иван Никитич не кажется отсталым. Наоборот, он выглядит мудрее, человечнее. Профессия у него вполне современная: метеоролог. Она не мешает ему быть охотником. Дары природы он, так же как и все собратья, сдает государству.

В широком песенном застолье, где вдруг ожили полузабытые мной мелодии, он пел об охотничьей тропе. Пел о Михаиле Алкадьеве, призывая его с честью продолжать охотничьи традиции предков.

А в руках Омельки, охотника из этой же деревни, пел торыг, многострунная мансийская арфа, похожая на журавля с гордо вытянутой шеей.

Кэн-кэным, кэным, кэным!

Дзинь-дзон, стук-бряк!

Синий дым. Черный дым.

Начинаю песню так:

— Жилистый журавль мой, играй —

Комариком пици, пургой завывай,

Засвисти щеглиным свистом,

Закатись ребячьим визгом,

Медведем реви, росомахой рычи,

Громом греми, чайкой кричи,

Грустящей девушкой вздыхай,—

Думы века миру передай!

Кэн-кэным, кэным, кэным,

Дзинь-дзон, стук-бряк, ог-гой!

Пой, журавлик мой. Пой!

Журавль пел, плакал, вспоминал, размышлял, думал о будущем, звеня всеми струнами. В последнее время этот инструмент я видел только в музеях. И, казалось, больше никогда не услышу его мелодичный многозвучный голос. Говорили, что не осталось ни одного манси, кто мог бы играть на нем. И вот чудо: в глухой таежной деревушке поет журавль, вытянув высоко свою длинную шею, буд-

то стараясь заглянуть за пределы, недоступные обыкновенному взору. И оживил его не кто-нибудь, а Емельян Анямов, потомственный охотник, слушатель сказок моего дедушки, человек из моего детства. Для меня он просто Омелька. А коренные жители деревни зовут его Асхум, то есть «человек с реки Оби». И я родом оттуда же. Может, потому мы были так рады нашей встрече? Может, потому так вдохновенно пел журавль? Вспоминал, рассказывал о деревушке Квайк-я, где родился Омелька, где жили мои дедушка и бабушка, куда приводили меня мои родители, когда начинался рыбный промысел.

Квайк-я запряталась в лесу. Дома из-под деревьев бежали к реке. Река тихая, как задушевная песня. Она ласкала взгляд серебристой гладью и дышала спокойствием. На самом берегу ее стояла избушка дедушки. По почерневшим бревенчатым стенам висели рыболовные снасти, кремневое ружье. А были еще «священные» ружья. Их называли пищалями. Красные от ржавчины, неприятного вида, они хранились не дома, а в лабазе-амбарчике, что стоял на четырех ногах-столбах, недосыгаемый для мышей и прочего зверья.

Я любил играть с сестренкой Омельки, которая частенько приходила в дом дедушки. И тогда все, что висело на стене, превращалось в игрушки. Мы без всякой боязни брали в руки лук. Пытались натягивать на тугую тетиву стрелы. Они хранились в колчане из почерневшей кожи. Наконечники были железные, острые, самых разных размеров и форм. Одни напоминали вилки, другие — ножи, третьи были с зубцами. У каждой стрелы свое назначение. Стрелой с зубцами били рыбу во время икрометания, когда она любила поплескаться у берега в желтой прошлогодней траве. На зверя ходили с острыми, как ножи, стрелами. А деревянной стрелой с шаром глушили белку. Много стрел было у дедушки. Но ими уже не пользовались. Игрушками же они были интересными. Когда играли ими, казалось,

что мы сами уходили в сказку. А дедушка мой знал много сказок. И его зачарованно слушали не только мы, но и сам Омелька, которого уже считали почти настоящим рыбаком и охотником, так как он помогал взрослым на промысле.

Я любил забегать в Омелькин дом. Он стоял у самого леса, под сенью кудрявых ветвей, которые казались обиталищем духов. В доме духи не водились. Кроме родственников Омельки здесь всегда было много приезжих рыбаков, охотников. Они говорили о колхозе, о планах добычи, о других приметах окружающей жизни, которая уже не походила на дедушкину сказку. Это было тоже интересно. В чувале — полужостре, полупечи — потрескивали поленья, играл огонь. Тепло его расплывалось по большому дому без перегородок и комнат. Все согревались от одного огня, от одной большой беседы. Я с интересом вслушивался в слова, стараясь разгадать их потаенный, взрослый смысл. Иногда приставал к Омельке с вопросами. Он слушал меня почти как большой, потом степенно отвечал, как настоящий колхозник. Я был благодарен ему за «всамделишную» сказку.

И вот через тридцать лет снова вижу Омельку. Жаль только, что длилась встреча лишь один вечер. На следующий день я должен был уехать.

...По тайге летают сказки,
По тайге легенды бродят.
Этот древних лет обычай
Жив на Севере моем.

Журавль рассказывал о наших с Омелькой предках — о прадедушках и прабабушках. И я узнал любопытные вещи: будто у меня здесь, в верховьях Сосьвы, за тысячу километров от деревни моего детства, есть какие-то родственники. Омелька с жаром поэта рассказывал, кем приходятся мне люди из одного дома, из другого. Сопоставляя, приводил доводы.

Говорил, что в старину жители этих мест весной сразу же после ледохода спускались в низовья Сось-

вы к Оби, куда в это время уплывала рыба на нерест. Вслед за рыбой плыли и люди на больших каяках, крытых берестой. Не потому ли деревня моего дедушки называлась Квайк-я, то есть река, где останавливались каяки? На таких стоянках встречались молодые люди из разных родов, разных деревень, с верховьев различных таежных речек. Здесь ловили рыбу, а под осень играли свадьбы. И некоторые из молодых семей оставались тут, строили дома, основывали новый род. Но связи с предками не прекращались, потому что с каждой весной караваны каяков снова плыли вниз за вкусной белой рыбой.

Впрочем, этот обычай сохранялся до недавнего времени. И мы с Омелькой помним берестяные шалаши, которые появлялись каждое лето на зеленых окраинах деревни нашего детства. Там горели костры. Пахло вяленой рыбой.

А журавль пел об отрогах Северного Урала, откуда начинаются реки и приходят в мир люди рода манси. Омелька, оказывается, прекрасно знал про старое время, помнил былины, теперь уже почти забытые, умел мастерски передать в музыке своего журавля то, что видел. Я был бесконечно рад, что встретил близкого мне человека, избранника таежных муз, последнего, может быть, волшебника мансийского торыга.

Объясняю Омельке, что приехал сюда не ради древностей и старины, а для знакомства с передовиками-охотниками, с современниками.

А журавль в ответ мне поет, звеня всеми струнами:

Ты постой, постой, не злись...
 Утки стаей пронеслись.
 Закряхтела, загудела
 Под ногами мать-земля...
 Ты постой, постой, послушай —
 Пусть твою встревожат душу
 Жилы-стонь,
 Струны-звонь
 Журавля!

Многострунный торыг, не останавливая своего волшебного звона, меняет мелодию и поет о новых людях, которые добывают нефть и газ, стонет, рыдает о чем-то затаенном, только ему ведомом горе и счастье.

Несколько раз прозвучали в песне слова: Ленинград, дочка, русский зять, геолог, компрессорная станция, вертолет...

Когда на другой день в таежную деревушку прилетел вертолет, я понял, что это было неспроста.

К нему устремились и стар и мал. Туда же принеслась и свора собак. Белые, черные, пестрые, серые вогульские лайки с задорно загнутыми на спину хвостами, с острыми мордочками, прямыми стоячими ушами замерли в ожидании, словно бы гадая, кто же прилетел на сей раз.

Из кабины вышли трое. К ним сразу подбежали собаки, осторожно обнюхивая каждого. Около высокого коренастого мужчины с аккуратно подправленными усиками на широком лице лайки завилы хвостами, сверкая веселыми черными глазами. Сразу видно: признали знакомого. К двум другим отнеслись весьма сдержанно.

Бригадир отделения зверопромхоза познакомил меня с прилетевшими людьми. Козлов Николай Матвеевич. Начальник отдела строительства управления Игримгаз. На Севере недавно. Приехал из Башкирии. Шалимов Валерий Васильевич. Главный инженер комсомольско-молодежного строительного управления. Родом с Украины. Веревкин Станислав Дмитриевич. Геолог. Работник Ленинградского института Гипроспецгаз. Душой сибиряк. Участвует в освоении Сибири более десяти лет.

Вертолет улетел в сторону Урала, у отрогов которого строится компрессорная станция. Такая же будет сооружаться и здесь. К месту строительства и спешат мои новые знакомые.

Мы идем по кедровому урману. Сквозь деревья виднеются серебристые плесы Сосьвы. Кедровники лишь издали кажутся непроходимой чащей. Но под

ветвистыми кронами просторно, свободно гуляет ветер и нет той сырости и удушливости кондовых смешанных лесов с их непроходимыми чащами и завалами.

— Красотища! — мечтательно тянет высокий блондинистый Шалимов.

— А вы, строители, не убьете эту красоту? Мы, как заказчики, хотели бы... — не договорив, замер на месте Козлов, среднего роста крепыш, глядя вслед пестрому рябчику, сорвавшемуся с сизо-зеленой ветки.

— Рябчиков не обещаю. Но кедры по возможности постараемся сохранить. Как у нас в Светлом.

После долгой беседы о том, как защитить первозданную красоту, после того, как разбередил мою душу плач журавля, казалось, сами собой возникли в душе строки:

Буровые мастера
И строители дорог!
Как земля моя щедра!
Нефть — ее горячий сок,
Газ — ее горючий дух.
Армия богатырей,
К вам моя молитва вслух:
Будьте ласковее с ней!
Пусть омоет душу вам
Тишина лесных озер.
С чутким лесом по краям.
Объ, ее речной простор,
Светлый плес и ветра взлет
Пусть вам в душу западет!
Сохраните в чистоте
Эти тропки, что вели
Поутру к речной воде
Девушек моей земли.
Вот звериный вьется след,
Еще свежий, не простыл.
Здесь охотился мой дед,
Когда юношей он был.
О земли, зверей жилью,
Запах свежий и сырой!
Развороченной ее
Не оставьте и пустой.
Через реки, вдоль болот,
Посреди страны лесной

Пусть пройдет газопровод
Аккуратной полосой.
Чтобы наш обильный сбор
Сладких ягод не скудел
Посреди стальных опор
И бетонных мощных стрел.
Газ становится огнем,
Все сметая на пути.
Если с ним шутить начнем —
Лес, прощай! Медведь, прости!
Если нефтью Обь залить —
Язь, прости! Осетр, прощай!
Можно ль Родину любить,
Не шадя родимый край?
Пусть же будут нефть и газ,
Лес и речка с серебром!
Чтобы внуки, вспомнив нас,
Помянули нас добром!

Песенная красота осени... Лес горит багрянцем, позолотой листвы. Вода — синью, небо — лазурью. Над лесом, над водой шум, гам. Гуси гогочут, чайки смеются, гагары стонут... Все живое занято чем-то важным, сокровенным.

Заканчивается воспитание нового племени зверей и птиц. Они о чем-то кричат, толкуют. Может, о дальней дороге? А может, просто поют от счастья, что их много?

Песенная красота осени... Как мне выразить эту неуловимую мелодию? Найду ли я слова?

Вода большая ушла. Река стала узкой. Берега будто выросли, стали высокими, разноцветными. Куда ни кинешь взгляд — радуга играет. Багровым, золотистым, бурым, зеленым, голубым, белым, серебристым осенним светом светится земля. Она глядит глазами созревшей морошки, голубики, брусники. Косогоры манят разноцветьем сыроежек, волнушек, подберезовиков, маслят. Каждый листочек, каждая травинка наперебой хотят показать свою красоту.

Идет осень. Идет осень по реке.

Густым туманным утром не видно ни берегов, ни воды, ни неба. В молочной туманной пене летящие гуси кажутся крылатыми чудовищами. Шум, гвалт над водой.

Гуси поднимаются стаей, вытягиваются клином, собираются в полет.

По низким берегам вышагивают гусиные выводки. Молодых едва можно отличить от взрослых. Вот гусак и гусыня учат сына против ветра взлетать.

А вот на обрывистом берегу сидит птенец сапсана. Хоть и маленький, а глядит соколом. Расправил крылья, оттолкнулся лапами и устремился вниз. Полетел. Немножко неудачно приземлился. Кувырком через голову. Ничего! Научится! И соколу надо учиться...

Пришла осень. Закурил дедушка Север трубку. Потянуло хмарью. Дохнуло холодом. Пошли дожди. Занудил ветер.

Разыгрались волны на реке. Потускнели краски. Пожухла трава. Опала наземь листва. Засеребрились от изморози косогоры. Зазвенели на озерах корочки льда.

И огласилась земля прощальными криками гусей, лебедей, уток. Летит с облаками косяк за косяком.

Со свистом над водой проносятся гагары. Над песчаными берегами перепархивают стайки за стайкой пуночки, подорожники, снегири, рогатые жаворонки. Летят чайки, канюки, сапсаны. Лебеди-кликуны, журавли-стерхи машут белыми крыльями.

Белый лебяжий пух сыплется, покрывает землю.

Но зачем в этот устоявшийся мир вторгается человек, охотник?

И что же такое охота? Средство существования или спорт, страсть предков, недостойная современного человека, или способ регулирования численности животных? Охотник — главный враг наших «меньших братьев», хищник, ликующий при виде сраженной тетерки, или рачительный хозяин леса, кровно заинтересованный в обилии дичи, а следовательно, в умножении ее запасов?

С тех пор как наш пращур поднялся на ноги и соорудил первую ловушку, охота стала средством существования. А когда человек сотворил ружье, то

стал властелином всего летящего, бегущего, плывущего.

Разве звери и птицы существуют сами по себе? Они ведь заселяют уголья, где человек ведет свое лесное хозяйство, занимается животноводством, сбором даров леса, выращиванием урожая. Известно, что чрезмерно размножившиеся лоси или олени уничтожают тысячи гектаров лесных культур, в создание которых вложены огромные средства и труд. Кабаны гуляют по полям, уничтожая урожай, зайцы грызут яблони, сайгаки оголяют пастбища для выпаса овечьих отар.

Должен ли человек вмешиваться в жизнь «меньших братьев», регулировать их численность? Конечно, должен, и совсем не правы те сердобольные люди, которые предают охоту анафеме.

И если сегодня в лесу весело скачет соболь, белка на ветках кедра грызет орехи, лось, вскинув рога, несется по просторной гари, медведь бродит по берегам глухой речки, глухарь не сорвется с вершины лиственницы, даже услышав гул моторной лодки, — значит, у этого леса заботливые хозяева.

— Охота — промысел, охота — жизнь, — говорит Григорий Витальевич Савин, охотовед окружной госохотинспекции. — Для коренных жителей, конечно. Особенно в таежных районах. Там других источников жизни испокон веку не было. Нефть, газ, лесная промышленность, строительство городов, трубопроводов сокращают жизненное пространство соболя, белки, горностая, которыми когда-то славилась Югра. Скоро все будет в прошлом. Промысел глохнет. И не только из-за нефти. И лесники наступают, как хищники. У охотников вырубают последние уголья. Например, вокруг селенья Няксимволь оставлена была тридцатикилометровая зона. Так лесники, как браконьеры, и туда пытаются проникнуть. Хотя они с другого района. Много жалоб написали жители этого мансийского селения. Но лесные магнаты (видно, не слабее нефтяных!) продолжают рубку. Браконьер — что волк голодный...

Кто мы? Кто же мы такие?
Может быть, мы водяные?
Может, попросту бобры,
Волки дикие, лесные
Или рыси озорные?
В час охоты и игры
Среди хладных струй речных
Ловим рыбок золотых.
Бахромой висят хвосты.
Плавники у них колючи.
Может быть, повадки волчьи
От рожденья нам даны?
Наша страсть — над нами власть,
Озорства, азарта страсть.

Человек... Самое загадочное и таинственное создание природы.

Заячьи глаза бегут, собачьи — лают о преданности, волчьи — неистово рычат, медвежьи — окамене-ло глядят на живой и журчащий мир. Даже взгляд орла равнодушно скользит по высокому небу. Лишь в глазах человека играет разум, плывут века, горит мгновение. В них столько света! Будто вся энергия Вселенной притаилась в нежных, зорких, пытливых, страстных очах!

Все на земле зависит от человека. Чуткое отношение ко всему окружающему, честное, добросовестное использование богатств природы — не в этом ли начало человеческого достоинства?

Человек северного сияния подружился
с книгой. Благодаря ей он в сказочно
короткий срок освободил душу от
языческих поверий и стал
наполнять ее доброй культурой.
А принес книгу русский учитель.

Когда-то в долгую зимнюю ночь дедушка любил
мне загадывать загадки:

— Рядом с человеком идет, а его не видно. Что
это такое?

— Не знаю, — отвечал я.

— Время, — тихо подсказывала бабушка, выши-
вая узоры на шубе из оленьего меха.

— Все оглядываются на время, — продолжал де-
душка, — только время ни на кого не глядит. При-
дет время — и река оживет, и лед уйдет, эхо голо-
сами птиц заголосит. Каждый журавль свою под-
ругу кличет. У каждого плеса свое эхо. У каждого
времени своя песня, свой шаг...

Особо остро ощущаешь шаги времени на Ханты-
Мансийском Севере. Они почти фантастические.

Сравнительно недавно получил из Сибири письмо, взволновавшее меня:

«Ваня, это письмо тебе пишет Мария Михайловна Тищенко, первая учительница школы взрослых. Когда-то, в 1939—1940 годах, я работала в юртах Камрадки. Это значит, где ты родился. У тебя осталось в памяти что-нибудь о годах детства? Я уже сама точно не помню, сколько тебе было лет. То ли три, то ли четыре года. Твоя мама старалась одевать тебя по-русски. Брючки шила из зеленого материала, как галифе. А няры (сапожки мансийские) шила очень красивые, бисером разукрашивала. Все время ходил ты с букварем. Один карандаш за одним ухом, другой — за другим. Так делал твой отец Николай Тимофеевич...

У меня до сих пор хранится маленькое фото с Николаем Тимофеевичем. Твою маму научила я печь булочки. И сама пекла в вашей русской печке. Она одна была на всю деревню... Да, уже сорок лет, как я уехала оттуда, но все до сих пор остается в памяти...»

И первая школа. И первый колхоз. Это было уже на моих глазах. Помню первый новый дом не с мансийским очагом-чувалом, а с русской печью, первую борозду колхозного огорода, первую мотолодку, на корме которой важно стоял мой отец, гордясь мощностью мотора. Помню, в осеннюю ночь 1953 года — тогда я учился в 10-м классе — наше Березово заговорило газовым фонтаном.

Путь к сокровищам недр был сложным и трудным. Потребовались огромные усилия большого коллектива геологов, сейсморазведчиков, нефтяников, строителей, чтобы преодолеть сплошное бездорожье, болота, топи, буреломы и открыть новую страницу в истории Севера.

Леонид Васильевич Аксарин, бывший первый секретарь Нижневартовского райкома КПСС, вспоминал о том времени:

— Мы работали здесь тогда, когда никаких открытий еще не было. Но мы верили в нефть. И всю

партийную работу вели так, чтобы оказать максимальную помощь геологам. И нефть Самотлора вобрала в себя отвагу и мужество геологов, энергию и смекалку авиаторов, упорство речников, самоотверженность рыбаков, охотников, оленеводов, которые помогали первопроходцам всем, чем могли. Эти первые тонны нефти выковали характер первопроходца, в основе которого — готовность пожертвовать личным ради общего дела.

Высокие слова. Высокая вера. Можно обойтись без всего этого? Но это было, было... Стиль времени... Разве его перепишешь?

В 1928 году Аркадий Николаевич Лоскутов открыл на реке Сосьве первую мансийскую школу. Записываю слова первого нашего учителя.

— Мне хотелось сегодня дать одну небольшую справку, — начал Аркадий Николаевич неторопливо. — В конце прошлого века профессор Казанского университета Якоби и профессор Петербургского университета Поляков пришли к выводу, что на Обском Севере жизнь угасает, и написали письмо царю Александру III. Необходимо детям манси и ханты учиться, писали ученые, хотя бы в объеме первых двух классов. Тогда их, мол, не смогут обманывать купцы и чиновники. Обратились ученые к царю также с предложением о необходимости вывезти эти народности в края потеплее. Суров климат, население на Севере вымирает.

Александр III, прочитав письмо, написал на нем размашисто: «Ну и пусть!»

Выразительнейший по своей циничности документ! Если бы не Великий Октябрь — то так бы и было! Ведь те ученые утверждали: пройдет пятьдесят, восемьдесят лет — и этих народностей не станет.

Русский ученый и путешественник К. Д. Носилов, побывавший в краю манси в конце прошлого века, писал в своей книге «У вогулов»:

«Мне очень жаль было тогда вогулов. Бедные, в жалких одеждах, сквозь которые так и проглядыв-

вало на свет темное, смуглое тело, с всклокоченными волосами, растрепанными косами, полуслепые от вечного дыма, истощенные от вечного голода и житья под открытым небом, с испугом, заботой на добром, открытом лице...

Эти дикари наших лесов поражали меня. Я каждый день, поднимаясь все выше по их лесной и многоводной реке, словно нарочно встречал что-нибудь новое, поражающе действующее на мои нервы, и хотя бы что-нибудь отрадное, кроме видов природы, хотя бы что-нибудь веселое в этой бедной жизни дикаря. Даже музыка их, песни и те нагоняли на меня тоску, пробуждали только одно участие к бедной участи дикого человека...»

Но, как видите, не вымерли. Климат таким же суровым и остался. Хапты, правда, шутят, что с юга и центра в тайгу приехало много народа и тепло привезли с собой.

Много теплых слов сказал еще Аркадий Николаевич. Обращаясь к современным преобразователям Севера, отмечал, что хотел бы видеть людей с теми же чертами характера, с той же целеустремленностью, что были у первых посланцев ленинской партии.

Но вот что примечательно. Рассказывал ли он о встречах с Н. К. Крупской или вскользь говорил о своей работе, в его речи то и дело проскальзывало слово «будущее». Оно превзошло, по словам старого большевика, все ожидания.

Разве можно было в том далеком 1928 году мечтать об этом, если, открыв школу в таежной деревушке Сортырье, учитель собрал лишь восемь мансийских мальчишек. Других не захотели отдавать родители, кивая на шамапа.

— Учить надо оленя, учить надо собаку, — говорили они. — Зачем учить человека? У человека глаза. Глаза — великие учителя. Они научат его, как зверя промыслять, как рыбу добывать, как пасти оленей.

Но Аркадий Николаевич мечтал о светлом бу-

дуцем. А через год Надежда Константиновна в своей долгой беседе с северным учителем назвала его достижения «победой, большой победой!». Напутствуя молодого педагога, она заметила:

— Человек, осмысливший свою роль на земле, — счастливый человек. Помогите северянам понять себя, почувствовать себя людьми, строителями нового мира.

Всю свою полувековую творческую жизнь Аркадий Николаевич с честью выполнил этот завет.

Появление новых школ... Моя тетьа, Акулина Тимофеевна, помнит то время очень хорошо. Молодые русские люди, учителя и учительницы, ездили по мансийским и хантыйским стойбищам и деревням, собирая детей в школы-интернаты. Она помнит, как эти ласковые, внимательные люди настойчиво беседовали с родителями. С неохотой согласились отдать ее в интернат. Там Акулине очень понравилось. Она и по палочкам считала, и узнала несколько букв. Чуть не разгадала тайну, как эти узорчатые крючки складываются в слова. Но родители тайком забрали ее из школы. Учителя снова приезжали в глухую таежную деревню, снова что-то доказывали, родители наконец согласились и отдали дочку. Однако через неделю опять втихомолку увезли ее.

— Тяжелых шаманских слов боялись, — говорит Акулина Тимофеевна. — А шаман большой человек тайги. Он с духами общается. Опасно с ним связываться — так тогда думали люди... Да и надо было качать, нянчить тебя, плаксивого, — кивая на меня, с нежной грустью укоряла тетьа. — Если бы не ты, я, наверно, была бы тоже другой. И не разговаривала бы только с одними кедрами да рыбами, с тобой умела бы спорить и других по книгам, может быть, учила, и не смотрели бы теперь грамотные на меня, как лоси, свысока, когда я не могу читать письмо, написанное тобой...

А вот еще один рассказ. Его ведет Нина Василь-

евна Попова, учительница моих младших братишек и сестреноч, одна из тысячи комсомолок революции, которые несли в заснеженные чумы слово Ленина. Семнадцатилетней девушкой появилась она в деревушке, затерявшейся среди дремучих лесов. Вековые кедры, молчаливый снег, река, закованная льдом. Точно все в этом краю оледенело, оцепенело.

Но нет! Глаза ребяташек так пытливы! Они, точно полноводные озера, искрятся, плещутся. В них столько удивления, вопросов! Но как донести до них знания? Ведь по-русски плохо понимают. «Надо постичь их материнское слово!» — решает она. И, взяв тетрадку, идет по избам, записывает звучные таежные слова. И находит общий язык не только с шустрыми ребяташками, словоохотливыми женщинами, но и даже с язвительным и едким старичком, которого в деревушке называют шаманом.

...Однажды ночью интернат опустел. Точно вьюга белая, разыгравшаяся в ту ночь, подняла детей с теплых постелей и увела их в белизну снегов, заметая за собой следы. Но как ни резвилась вьюга, а следы остались. Следы быстроногих оленей и легких нарт. На них и укатили дети. Родители, послушавшись шаманов, стоворились и увезли детей в свои кочевья. А шаманы распространяли вздорные слухи: «Неспроста русские построили культбазы. Вдумайтесь, люди, в это название. Слово «куль» по-мансийски «черт», злой дух подземелья. «Чертовой грамоте» научат детей северян, злая сила вселится в них. И они навечно потеряют облик манси, облик настоящего лесного человека... Не теряйте, люди, человеческий облик, не отдавайте детей в чертову базу!»

Одна метельная ночь — и школа пуста. Плодотворная и большая работа, проведенная еще первыми энтузиастами, казалось бы, начисто зачеркнута. Кто виноват? Какая вьюга разбушевалась в душах простых охотников, рыбаков, оленеводов? Может, надо бы поосторожнее с верованиями лесных людей? И что противопоставить шаману?

На каждом шагу — вопросы. Каждый человек — загадка.

Нина Васильевна решила с шаманом не ссориться. Выбрала дружбу, добрую беседу, слово. Много ли достигнешь огульным охаиванием шаманских игрищ? Почуяв дружелюбие, таежники стали даже приглашать ее на свои лесные игрища, полные тайн и загадок.

С удивлением она смотрит «медвежий праздник», стараясь понять его сущность. Что это — шаманское действо или народное искусство?

...Снег, снег, снег. Неужели разыгралась вьюга? Не может быть: ведь светит теплое весеннее солнышко. Снег, снег, снег. Малицы белые, щеки белые, ресницы белые. По щекам струями текут слезы. Нет, не слезы — это на лицах тает снег. Снежинки над домом, снежинки на поляне. Играют в снежки олени, собаки, люди. Играют в снежки седые, как ягель, старики и озорные вертлявые малыши. Снег, снег, снег. Смех, смех, смех. Начало «медвежьего праздника».

А вечером все соберутся в мир-коле — народном гостевом доме. Люди сидят на скамейках, расставленных вдоль стены, на' деревянной кровати, на шкурах и циновках, постеленных на пол. В дальнем углу «священный стол». На красной скатерти, среди дорогого сукна и шелка, «сидит» медвежья голова. В ушах у нее — серьги с «драгоценными» камнями, на груди — бисер, на лбу — разноцветные ленты. Перед «древним посланником неба» стоит рюмка. Старинная, позолоченная. И бутылка спирта.

С одной стороны стола сидит охотник, «приведший» «медведя», «лесного духа», на человеческий праздник. С другой — знакомый учительнице старичок. Он то играет на санквалтапе¹, то о чем-то поет, то говорит какие-то складные слова.

Ужаснулась вначале Нина Васильевна, что ее,

¹ Санквалтап — пятиструнный музыкальный инструмент, напоминающий легкую лодочку-долбленку.

учительницу, посадили рядом с шаманом. Потом, увидев приветливые глаза людей, успокоилась. «Не признание ли это? — подумала. — Ведь рядом с самим шаманом посадили!» Видно, не пропали даром ее беседы с женщинами на красных посиделках.

Красные посиделки... Было и такое. Соберутся вместе женщины. Сядут кружком. Каждая со своим делом. Кто мнет шкуру лосиных лап, кто выводит узоры по меху для легких и изящных кисов¹, кто бисером обшивает платье, кто плетет шерстяной пояс... Рукоделье у каждой свое, а беседа — общая. Зимний вечер-то длинный, слов много надо сказать. А в деревушке глухой какие новости! Вот и рады бывают женщины, когда синеглазка, учитель-най², среди них появляется.

Всегда она скажет что-то такое, над чем женщины потом долго думают. И про Советскую власть, и про Ленина, и про колхоз, и про новое солнце, которое будто бы горит от обыкновенного железного провода.

Часами говорили женщины-манси и русская учительница.

На красных посиделках она знакомила их с основами политграмоты, и с важнейшими навыками санитарии и гигиены, и с элементами нового быта...

А новый быт наступал. Строились для колхозников теплые рубленые дома, клубы, избы-читальни... Жители тайги и тундры видели, что жизнь меняется на их глазах. В школах-интернатах чисто и тепло. Детей хорошо кормят, одевают, обувают.

И теперь они сами приводили детей в школу. Разговоры пошли совсем другие:

— Возьмешь ли нашего ребенка в интернат, а то как же он в темноте останется? Учение — свет, да?!

С экзотических «медвежьих праздников» люди скоро потянулись в клуб, где учитель-най с моло-

¹ Кисы — зимняя меховая нарядная обувь.

² Най — богиня, героиня, женщина.

дым избачом, приемщиком рыбы и другими комсомольцами стала устраивать беседы, читки, вечера, на которых не меньше веселья, чем на привычном «медвежьем празднике». Даже шаман захаживал в клуб. Видно, за опытом. Люди от него уходили. Но учитель-най и виду не подавала, что победа на ее стороне. Вела себя по-прежнему скромно, приветливо, и это окончательно разоружило деревенского колдуна. На «медвежьем празднике» люди посадили их рядом.

Новое время — новые волшебники...

Много было их, наших чудо-волшебниц, отдавших тепло души и лучшие годы своей жизни суровому Северу, его будущим певцам и строителям.

— Они помогли нам, людям из народности ханты, стать строителями нового мира. Таковой я себя до сих пор чувствую! — говорит Антонина Алексеевна Пухленкина, первая хантыйская учительница на реке Тольке, потом первый секретарь райкома партии в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах. — Судьба моя и моих сестер не похожа на судьбу наших матерей из «рода белки» — Пухленкиных.

Пути Хионии Петровны Пухленкиной, школьной учительницы и партийного работника, доходили до самого Кремля: она трижды избиралась депутатом Верховного Совета СССР.

Самотлор, Мегион, Урай, Нефтеюганск, Сургут... По-новому звучат древние слова моего наречия. И ледяную землю Югры сегодня называют то кладовой голубого огня, то жемчужиной, то другими не совсем поэтичными словами. Но истинную и добрую славу и новое имя моей земле принес не первопроходец-нефтяник, а русский учитель.

Он зажег над Севером новый свет.

В 105-м номере тобольской газеты «Северянин» за 1924 год можно прочитать вот что:

«Этому никто не верил... Разве можно залить электрическим светом холодные тундры Дальнего Севера?»

— Нет.

— Керосин горел. Керосина не было, жир горел и гореть будет. Много рыбы в старой Оби. Жирная рыба. Хватит жечь. И все-таки любопытно было: как это может быть огонь в холодной проволоке. Верить нельзя. Даже в Березове и то не верили.

...Мелькнул выключатель. Ярким светом залило зал. Все ахнули, зажмурились, зашумели. Подходили к проводам, осторожно трогали руками.

Каждый вечер зыряне и остяки¹ собираются в избушку и говорят, говорят по-своему. Повернут выключатель — темно. Сильнее заговорят, опять зажгут свет — улыбаются, как дети. Потом на собрание пришли.

— Этот свет послал большой человек — Ленин, — сказали им.

— А, а! Ленин...»

«Лампочка Ильича» осветила полярную ночь, произвела волшебное действие на умы и сердца людей. Она прекрасно агитировала за Советскую власть.

Но если бы люди, пользуясь электричеством, не зажглись бы светом ленинских идей, то они остались бы в вечной темноте. Человек северного сияния подружился с книгой. Благодаря ей он в сказочно короткий срок освободил душу от языческих поверий каменного века и стал наполнять ее доброй культурой, накопленной человечеством.

А книгу в тайгу и тундру принес русский учитель.

Чудо, сотворенное им, навсегда останется главным, какими бы сказочными кладами ни поражала воображение не раскрытая до конца земля Севера.

¹ Зыряне и остяки — так до революции назывались коми и ханты.

ГОЛОС ХОРОШЕГО ЖУРАВЛЯ

Голос хорошего журавля
За семь рек слышать.
Что это такое?

— Это слово. Слово-песня.

Слово рождает слово.

Слово — плач. Слово — меч.

Слово — богатырь. Слово — герой.

Слово и в небо поднимет,

И на землю уронит.

Светлое слово

Станет мостом в завтра.

Евдокия Ивановна Ромбандеева шла по каменному городу. Опоясанный цепью гор, густыми лесами, цветущими пологими холмами, он будто улыбался ее легкой походке. Внизу катила волны большая голубая река с красивыми каменными берегами.

Она не походила на реку ее предков. Но и в ней сегодня было что-то улыбочное, одобрительное. Над голубой рекой — ажурные мосты. Они, как руки общительных людей, жаждущих тепла, света, тянутся к друг другу. И стеклянные глаза громадных каменных домов сверкали вечерней солнечной улыбкой.

Было видеть радостно глазам,
Как сады прекрасны и трава,
Было слышать радостно ушам
Близкие, знакомые слова.
Все, что здесь услышишь,
Ты поймешь,
А ответишь —
И тебя поймут...
Неба голубее не найдешь,
Сердце песни сочиняет тут!

Евдокия Ивановна шла по Будапешту. Она только что произнесла слово на Международном конгрессе финно-угроведов. Доклад ее был небольшой, но вызвал интерес ученых разных стран. Долго аплодировали. Многие удивлялись тому, что она говорила на венгерском языке. Не удивился только академик Бела Кальман, преподаватель мансийского языка университета города Дебрецен. Не удивился бы этому и Антал Регули, первый ученый-венгр, побывавший в середине прошлого века на Обском Севере. Он не только доказал родство языков манси и ханты венгерскому, но и удивился одухотворенности, поэтичности, светлому уму жителей тайги и тундры.

В руках Евдокии Ивановны газеты. В них — ее интервью. Какие только вопросы не задавали вездесущие корреспонденты! «Точно ли они напечатали мои ответы?» — волновалась она, всматриваясь то в одну газету, то в другую. Впрочем, все было нормально.

— Прежде всего, Евдокия Ивановна, несколько слов о вашей работе.

— Я работаю в Московском институте языкознания Академии наук СССР научным сотрудни-

ком в секторе финно-угорских языков. Занимаюсь своим мансийским языком, моя задача — ввести его в научный оборот.

— Какие свои наиболее значимые труды вы можете назвать?

— Наиболее объемный — «Мансийско-русский словарь» — 42 печатных листа. Недавно вышла в свет научная грамматика мансийского языка — фонетика и морфология, а также учебники для мансийских школ.

— А над чем вы собираетесь работать в ближайшее время?

— Хочу написать очерки синтаксиса мансийского языка. Кроме того, планируется выпуск коллективного сборника «Введение в финно-угроведение». Одним из авторов являюсь я. В поездках по родному краю всегда веду обычные этнографические наблюдения, а для этого сборника хочу собрать ряд статистических данных.

— Расскажите, пожалуйста, о самом значительном в вашей жизни за последнее время.

— Не только для меня, но и для моих коллег это Международный конгресс финно-угроведов. В Будапеште собрались ученые с мировыми именами. Доклад по мансийскому языку представила я. Волновалась сильно: ведь впервые на трибуне Международного конгресса...

Над синим Дунаем летели гуси. Евдокия Ивановна встрепенулась. Будто крылья у нее выросли. Потянуло ее в полет, как в детстве. И вспомнила она отца, мать и полет гусей над родной таежной рекой, когда ее, девочку, называли Котильяги, что значит средняя дочь. Имя дают потом. Его надо заработать. Имя растет вместе с человеком.

Стройными рядами стоят вокруг селения дремучие леса. В одну сторону — клюква, морошка, брусника. В другую сторону — шишек кедровых наберешь видимо-невидимо. А дальше пойдешь — там и белка, и соболь черный, и злая росомаха. Там и

лесного человека встретишь, хозяина тайги. Только нельзя произносить его имя вслух — услышит, тогда лучше не встречаться с ним в лесу.

Речка Ляпин тоже далеко в лес бежит. А потом соединяется с Сосьвой. А Сосьва куда бежит? Впадает в большую-пребольшую Обь. Она начинается далеко-далеко. Туда летят осенью гуси. Хорошо гусям. Они видят с высоты и реку Ляпин, и маленький мансийский паул (аул) Хошлог, и девочку Котильаги.

Выходит девочка на самый высокий обрыв у берега, встает на цыпочки. Ляпин-река широкая и глубокая. Возле Хошлога течет спокойно. Только ветер рябит воды, гонит к берегу волны. А над рекой гуси летят на юг. Они увидят много всего интересного, что не может увидеть Котильаги. Там, далеко, есть такие же девочки, и как было бы хорошо поиграть с ними и рассказать о маме, папе, о старом дедушке, об оленях, о зверях в лесу, обо всем, обо всем.

С грустью идет Котильаги назад к небольшому рубленому домику. Его окно смотрит на реку, на опрокинутые лодки, на оструганные шесты, на оленьи нарты, готовые к зиме. Домик маленький, но там тепло. Мама приготовит вкусную еду, а вечером за шитьем расскажет интересную сказку.

Тишина стоит. Медленно течет в Ляпине вода. Медленно ползут по серому небу темные облака. Ветер неслышно срывает листву с пожелтевших шапок берез. Заворожила тишина девочку. Села она на песок возле самой воды. Закрыла широким подолом колени и гладит веселого щенка — любимого своего друга.

— Какая большая, большая земля. А никого на ней не видно...

Щенок виляет хвостом, крутится возле ног, стараясь угодить хозяйке.

— Когда вырасту, всю землю посмотрю там, за темным лесом, — говорит она щенку.

А он взвизгивает весело, ластится мордочкой к

рукам Котильяги, зовет играть. Любят они бегать наперегонки вдоль песчаного берега. Но Котильяги сейчат не до игр. Грустно почему-то стало. Не первый раз уж вот так. Бегаёт, бегаёт она, веселится, смех ее как веселый ручеек журчит, и вдруг остановится, прислушается и загрустит.

Вот и сейчас сидит она, смотрит на острые верхушки елей. На них сидит холодное осеннее солнце. Сидит, будто думает... А тени уже подкрадываются к воде, и дождь моросит, оставляя под ногами лужицы. Щенок жметесь к ногам девочки и не зовет уже играть. Только где-то в лесу прокричит вечерняя птица — и снова тихо.

Но вот мама окликает ее. Котильяги бежит домой. Следом несется щенок с веселым лаем.

— Мама, а кто живет там, куда улетели гуси?

— Другие люди живут, дочка.

— А еще дальше?

— Там тоже живут люди.

— И везде, везде живут люди? — не верит Котильяги.

— Да, везде живут люди, только мы их не знаем и они нас не знают.

Вот и уха готова. Но она сегодня невкусная. Все невкусное сегодня, потому что грустно Котильяги. Даже любимый белый хлеб тоже почему-то сегодня невкусный. И чай Котильяги пить не хочет, хотя родители еще долго будут сидеть за чаем. Они говорят о припасах на зиму, о промысловой охоте, о том, что надо поправить крышу, пока не наступили холода...

Котильяги идет в свой угол и достает берестяную коробку с рукодельем, раскладывает свои игрушки. Здесь и разноцветные лоскутки сатина, и разные красивые пуговицы, и маленькие стеклянные капельки (бисер), нанизанные на веревочку, и пучочки высушенных жил оленя — самые прочные нитки для обуви, обрезки меха и кожи. После чая мама сядет к огню перед чувалом за питье. Она будет шить для Котильяги сахи — зимнюю шубку.

Ведь Котильяги выросла за лето. И еще мама будет рассказывать сказки, длинные, как ночь.

Опять Эквапыгрись помчится на быстроногом белом коне далеко-далеко, туда, где восходит солнце, потом вернется и победит злого Мэнква.

Опять женщина-богатырь будет сражаться с врагами людей и победит всех, а потом станет женой такого же сильного, как она сама, мансийского охотника.

И забудет девочка свою грусть. Помчится на быстром коне, как Эквапыгрись, в далекие края, увидит большой белый город. Встретит тех гусей, которых провожала сегодня на юг, и скажет им, что и она тоже много-много знает, потому что быстроногий конь может умчать ее в любой конец света. Так засыпает она и сквозь дрему слышит тягучий голос матери, которым она так хорошо умеет рассказывать сказки.

Проходит день за днем, дождь сменяется снегом. Вечерами Котильяги слушает маму, а днем помогает старшим. Она ловко и быстро разделявает рыбу. Носит ее в амбар на высоких сваях. Здесь хранятся припасы на всю зиму.

Котильяги умеет без порезов разделать шкуру белки и соболя. Она хорошо, как мать, щиплет птичий пух. Им набивают большие мягкие подушки. Мать не наглядится на свою трудолюбивую помощницу. Она, о, знаете, она может починить даже сеть и запрячь оленя в парты. Может управлять лодкой на реке. Может вырезать на бересте оленя. Даже плетет из ветвей тальника корзинки. Быстро и ладно идет у девочки любая работа.

А зимой они переедут в таежную деревню. Там можно будет отцу поохотиться. Котильяги тоже пойдет на охоту. У нее есть маленькие быстрые лыжи, подбитые камусом. Отец уже показывал ей, как нужно ставить петли на зайца и на белку.

Хорошо зимой в лесу. Каждое дерево рассказывает о себе и о тех, кто живет в тайге. Вот на сучках аккуратная белка повесила сушиться шляпки

грибов. Чуть подальше на снегу осыпалась шелуха еловых шишек: здесь где-то должно быть дупло. У опушки целые узоры следов. Внимательно замечает зоркий взгляд девочки замысловатые зигзаги петляющих прыжков косога. Вот будет хорошо сделать на коже ольховым отваром такой узор! Но это потом, когда женским делом заниматься станет Котильяги.

Дочь охотника по одним следам узнает все о зайце. Выскочил на опушку чуть свет, наострил уши, постоял с минутку, прислушался и побежал в кусты тальника. А вот здесь обгрызена кора. И там подальше тоже остались свежие зеленые надкушенные прутики. И кто-то спугнул трусливого, не успел докончить свой завтрак. А вот след белки. Она прыгнула с дерева на снег. Рядом с кучей пожухлых листьев под белой снежной шапкой. И здесь следы куропатки. А вот там прошлась росомаха. Она, наверно, и спугнула утром косога.

Так проходила у Котильяги зима.

И на время забывала она о гусях, которые летают высоко. И видят сверху далеко-далеко, много-много.

Но вот пришла весна. Опять прибежала девочка на крутой берег. Широко разливается вешняя вода по луговинам. Затопляет и дальний сосновый бор, где водится редкий и ценный бобр. По колено в воде стоят на том берегу редкие ножки березок. Стоят в белых чулочках с темными полосками, отражаясь в воде. Березки еще не завились в свои летние зеленые кудри. А на пригорках зеленеет уже травка, белая бабочка собирает нектар с желтеньких цветов мать-и-махечи. В лесу распустились ландыши. Там звенят весенние ручьи и несут талую воду в Ляпин.

В верховье идет рыба. Нет-нет да и всплывет на середине реки зеленый бугор спины тайменя. Много рыбы в Ляпине. Много птицы в лесу и на реке. Не надо далеко ходить от дома, чтобы услышать, как токует тетерев. Непуганые утки совсем близко

подплывают к крутому берегу и с любопытством рассматривают Котильаги.

Каждый день ходит девочка на реку. Она ждет, когда вернутся из дальних стран гуси. Очень хочется узнать ей, что они видели там.

Вот прилетели гуси, прокричали над лесом, покружились над крутым берегом и улетели дальше на север. Ничего не узнала от них Котильаги, хоть и умела читать следы на снегу. Хоть и много знала о жизни белок, соболей, зайцев, но не знала о гусях...

Однако запомнила Котильаги, как радостно кричали гуси над берегом, узнав ее. Как они рады были и голым березкам, и журчащим ручейкам, и широко разлившейся реке. Догадалась тогда девочка, что гуси в жарких странах думают о своей родине, о глухих лесах Севера, о реках, полных рыбой, о пустующих зимой гнездах, где они, прилетев, согревают своим теплом место для маленьких сереньких птенцов. Они думают о доме, об отчей земле.

Все лето слышен заливистый смех Котильаги. Как будто звенит в лесу серебряный колокольчик. За ней по пятам бегают любимая собака. Еще так недавно пес был совсем маленьким лупоглазым щенком, которого девочка носила на руках. Всего один раз земля надевала белую шубу, а щенок уже стал взрослой собакой, с крепкими, сильными лапами, с гладкой блестящей шерстью. Умная собака у Котильаги. Чует белку и соболя. Хорошо идет по следу зайца. Не боится девочка ходить далеко в лес со своим верным другом. Идут они через завалы за кедровыми шишками. Или идут к болоту, где много птичьей ягоды — княжевики. Весь день собирают ее в берестяной туесок. И только когда покраснеют верхушки елей перед заходом солнца да потянет сыростью с болота, идут назад в деревню. До самого дома летят за ними комары. Но за лето загорела и огрубела кожа на руках и ногах Котильаги, не страшен ей кровожадный гнус. Ломают она березовую ветку и гонит назойливых насекомых.

У дома ее уже встречает мать и ласково гладит светло-смолистые волосы, перевитые красной тесемкой.

Утром они всей деревней пойдут на лодках вверх по реке. Туда, где в сорах и речках стоят уже сделанные отцом запоры. Они достанут из ловушек вкусную рыбу. Повесят вялить ее на жердях там же у реки. Котильяги разведет костер, положит чагу в большой медный чайник — будет крепкий чай. Нацепит на колышки ехыл — сушеную рыбу. Она поджарится, прокоптится дымом смолистых сосновых полешков и будет очень вкусная.

Отец посадит Котильяги в легкую лодку — маньхап. На носу сядет верная собака, а Котильяги возьмет весло и вдоль берега, чтобы не сносило течением, поплывет позади отца.

Но вот опять пришла осень. Завыл над рекой мокрый ветер. Полетели в воду желтые листья берез и осин. Стали собираться в стаи перелетные птицы, показывая окрепшим птенцам, как надо лететь за вожаком стаи. Учиться и птицам надо, чтобы умело расходовать свои силы, чтобы долететь в далекие теплые страны. Опять девочка увидела гусей, опять загрустила.

Как-то в такую ветреную погоду причалила к берегу калданка. Пес вскочил и залаял на двух незнакомых людей. Котильяги никогда не видела чужих. Долго рассматривала их, когда они говорили с отцом и матерью. Потом перестала бояться, подошла, увидев добрые глаза. Человек со стеклянными глазами улыбнулся. Его приветливая улыбка сделала девочку опять смелой, как на охоте.

Человек заговорил на непонятном языке. А другой стал переводить слова на понятные — мансийские. Удивилась девочка: говорят они по-разному, а понимают друг друга.

— В школу пойдешь? — спросил добрый человек в очках. Котильяги не знала, что это такое. Удивлялась, почему слово звучит и по-русски, и по-мансийски одинаково, а она его не знает. Да и откуда,

когда никто в деревне никогда не слышал про школу.

Девочка посмотрела на маму, а та только погладила головку дочери и ничего не сказала. Тогда девочка еще раз посмотрела в глаза доброму человеку. Глаза его улыбались ласково-ласково за стеклышками очков.

— В школе я научу тебя читать и писать. А когда выучишься, то будешь все знать и будешь все видеть.

— Как птицы все видят, когда летят высоко над землей? — спросила удивленно Котильяги.

Другой человек перевел для Котильяги слова учителя, но девочка опять ничего не поняла. Она думала, что можно только читать следы зверей на снегу, а «писать» — это ставить тамгу на дереве в том месте, где охотник убьет оленя. Но подумала о птицах и вспомнила гусей, которые пролетают на юг высоко над крутым берегом Ляпина, и подошла ближе к учителю. Она хотела сказать ему про гусей, но не знала, что другой человек может и ее слова перевести на русский язык, и чуть не заплакала. Очень ей хотелось все сказать русскому учителю, но он и так понял, наклонился, положил руки ей на плечики и сказал:

— Не плачь, Котильяги. Скоро ты пойдешь в школу и будешь жить вместе с другими ребятами в интернате. В большом чуме будешь жить.

Она не стала дожидаться, когда переведут, и так поняла добрые слова. Кивнула ему, вырвалась и убежала к своему верному четвероногому другу. Она села на шкуру рядом с собакой и стала говорить, как поедет в школу, как научится чужому, непонятному языку и все-все увидит. Как птицы видят, когда летают высоко над землей. Пес почувствовал скорое расставание со своей доброй хозяйкой, положил морду ей на колени и печально смотрел в ее глаза.

Скоро все узнали, что Котильяги будет учиться грамоте. Старые охотники приходили узнать про

школу. Девочка отвечала, что когда человек умеет читать и писать, то становится таким умным и сильным, что может даже летать и видеть жизнь вокруг далеко-далеко. Но не все верили. Некоторые смеялись, говорили, что в школе учат плохой грамоте. Если охотник научится читать и писать, то потеряет ловкость и силу, говорили они. Тогда и медведь победит в лесу. И хитрая лиса обманет и уйдет от меткого выстрела. Котильяги слушала, думала. Ей казалось, что научится грамоте и сможет летать высоко в облаках, как быстрокрылые птицы, а им в небе не страшен никакой зверь. Даже россомаха. Ведь злая россомаха только маленьких птенцов таскает из гнезд, таких, как сейчас Котильяги.

Вскоре родители отвезли ее в интернат. Он был в деревне Щекурья, не так далеко от Хошлога. Ехали всего 44 километра. Только скучновато. Сначала девочка скучала по дому, по родителям, по любимой собаке. Но потом ее увлекли игры и учеба. Хорошо играть с ребятами, такими же, как она. Ребята-манси, ребята-коми, ребята русские.

Но потом она стала подолгу просиживать над книгами. Странными и интересными были буквы в книгах. Одни были похожи на чум в глухом лесу, другие на гусиную шею. А еще были буквы, похожие на жука, на ворота, на маленького человечка. Она заметила, что некоторые буквы похожи на следы зверей. И если посмотреть с разных сторон, то можно найти на страницах следы зайца и соболя, оленя и медведя. Ведь умеет же она читать следы, а тут прочитать не может, думала Котильяги. Потом, когда она догадалась, что «г» похожа на шею гуся и начинается с нее русское слово «гусь», а «ж» похожа на жука и начинается с нее слово «жук», стали складываться из букв слова. Как следы на снегу, медленно и кропотливо изучала она каждую букву и складывала слово, потом прибавляла другое. «Дуся», — читала она и узнала, что это написано про нее, потому что ее так называют в школе, «ходит» — и буква «х» как будто в самом деле умеет ходить,

также у нее широкие ножки, в «школу» — повторяла она громко и смеялась.

Радовался ее успехам и добрый учитель. Радовались ребята, потому что вслед за ней тоже начинали читать, а потом и писать.

Быстро пролетело время в начальной школе, и не заметила она, как настала пора расставаться с ребятами, с учителем. Ее направляли в семилетнюю школу, которая находилась уже за 95 километров от Хошлога, на реке Сосьве. Хотела спросить Котильяги перед расставанием учителя, когда же она сможет летать, как гуси, и увидеть землю с неба, да опять постеснялась.

В школе Сосьвинской культбазы она прочитала много книг о Ленине. Вот где пригодилась Дусе любовь к труду с ранних лет. Ведь она в деревне вставала чуть свет и работала, стараясь ни в чем не уступать взрослым. Все схватывала на лету — и зверя выследить, и рыбу поймать, а потом поджарить на костре, и ягоды заготавливать на зиму, и шубу сшивать нитками из оленьих жил — все умела. Была хорошей помощницей матери и отцу, которые не могли нарадоваться ее сноровке и только удивлялись. Удивлялись и учителя в Сосьвинской школе. Быстро и ладно все получалось у Дуси. Она и сама не заметила, как и школа осталась позади.

Теперь Дуся полетит далеко от родных мест, в Ленинград, поступать в университет. Грустно расставаться с землей, где прошло детство, где все знакомо. Но самолет уже оторвался от взлетной полосы. Первый раз летит Дуся на самолете. Тут она вспомнила, как провожала гусей осенью в дальние края, как грустила и завидовала им, умеющим летать.

Свет знаний помог ей взлететь над землей и увидеть сверху всю свою землю, но прежде всего помог маленькому народу манси научиться грамоте старший брат — русский народ.

Но это еще не все. За годы учебы в университете и аспирантуре Ленинградского педагогического

института имени Герцена она поймет, что можно летать выше птиц, выше самолетов и спутников и полет этот — полет мысли.

Она станет большим ученым, о ней узнают в других странах, осуществится ее мечта, она переложит мансийские слова на русский язык, и мансийские дети смогут рассказать всем народам о своей жизни то, чего не смогла сказать когда-то Котильаги своему первому учителю.

На моем письменном столе лежит книга. Обыкновенная книга в обыкновенном переплете. Мансийско-русский словарь. Но для меня она — как крылья для птицы. Открою страницу, и мысли летят в глубину веков, в седую древность, где зрела мудрость человека, рождалось слово, полное поэзии и зоркого взгляда.

Разве не поэт древний манси, который назвал луну звездным словом «этпос»? Эт — ночь. Пос — свет. Этпос — свет ночи.

А кто впервые увидел росу и нарек ее ночной водой — этвит. И назвал он каплю — глаз воды, а природу — земля-вода, юг — блаженная земля, куда улетают птицы.

Рыбаками были манси. Охотниками славными слыли манси. Главными средствами передвижения у них до сих пор являются лодки и сани. Названия их непременно присутствуют в неологизмах. Эта сторона ярко отражена в словаре. Так, самолет — товлынхап, то есть крылатая лодка. Пароход — напнхап, огненная лодка...

Моя загадка:

Тук-тук-тук... Тук-тук-тук...

Это что за дикий звук.

Век такого не бывало,

Чтобы так в тайге стучало:

Тук-тук-тук... Тук-тук-тук...

А копыта у него из железа.

А рога его блестят — из железа.

Грозен голос у него из железа.

А глаза огнем горят — из-за леса.

Что это?

Тук-тук-тук... Тук-тук-тук...
Утки стаей взмыли вдруг!
Дым клочками по тайге —
Мчится поезд вдалеке!

Да, это огненные сани — поезд!

А не утерjali ли манси образность, называя предметы культуры и быта, с которыми познакомились недавно? Оказывается, нет. Клещи — это керкат (железная рука), стекло — иснаскер (оконное железо), очки — самкер (глазное железо)...

И седая древность жила в мансийском языке: махар — слон. Слонов на Севере нет. Но кости их находят в земле. Махар — земляной бык, мамонт.

В словаре много таких названий, которые иносказательно именуют диких животных, особенно объекты охоты. Древние думали, что и зверь слышит. Чтобы не услышали, не убежали далеко, говорили о них иносказательно. Поэтому манси называют медведя вортолнут, то есть некто, в лесу живущий.

Слово «тэнкве» означает кушать, есть. Им пользуются в повседневной жизни. Но когда надо сказать «есть медвежье мясо», говорят: «ватункве» — собирать. Этим словом обозначают и сбор ягод.

Нравственная красота человека намного превышала физическую. Об этом говорит словарь мансийского языка. К примеру, слово «нетункве» выражает сразу два понятия: быть красивым и помогать. Пусть хоть внешне человек неказистый, но если он чуткий и отзывчивый, если всегда готов прийти на помощь другому, то он самый красивый.

Антонимом является слово «неттал». У него тоже два понятия: непомогающий и некрасивый. Народная мудрость, высоконравственный взгляд золотой жилой светятся в словарном составе древнего языка. А взгляд у таежного народа, не отделявшего себя от природы, был зорок. В словаре приведено семь разных слов или обозначений болота. У болота, где растет клюква, — одно имя, морошка — другое, голубика — третье... Степень заболоченности тоже имеет свои названия.

Думаю, что словарь будет настольной книгой для учителя школы, для историка и краеведа, для редактора газеты и книжного издательства «Просвещение», где издают красиво оформленные буквари, учебники, книги для чтения на языках малочисленных народностей Крайнего Севера. Хочется отметить, что в этом словаре впервые закреплён новый, усовершенствованный алфавит мансийского языка из 44 букв. Большую научную работу по его усовершенствованию провела Евдокия Ивановна Ромбандеева. Особыми знаками отмечена теперь, к примеру, долгота звуков, так же как в венгерском и других угро-финских языках. Работа проведена со знанием дела... Для меня, писателя, этот небольшой словарь, изданный «Просвещением», как энциклопедия моего древнего народа, как источник мудрости предков, познавших гармонию природы и человека.

С нетерпением жду, когда появится наиболее объёмный труд Ромбандеевой «Мансийско-русский словарь» в 42 печатных листах.

Хочется сказать благодарные слова Евдокии Ивановне Ромбандеевой, вся жизнь которой до капельки посвящена науке, родному слову, за честный, благородный, неистовый труд.

В народе сказано: «Слово и в небо поднимет, и на землю уронит», «Самое сладкое и горькое в мире — слово», «Знай, доброе слово и оленя на путь выводит».

Теперь я знаю: от большой работы Евдокии Ивановны Ромбандеевой, хранительницы жемчужного слова предков, их мудрости, будет светло не только манси.

«Кедру цена по орехам, человеку — по труду. Трудись на совесть — народ похвалит».

КАКОЙ ШАМАН СИЛЬНЕЕ?

Ночь в Березове белая. Пахнет цветущей черемухой и лиственницей, пылью немощеных улиц, ароматной прохладой дремлющей в дымке Сосьвы. В белую ночь березяне, кажется, не спят: где-то тарахтят моторы, видно, рыба пошла, на Лиственном мысу музыка — школьники окончили школу, студенты на каникулах, а на пристани веселые гудки теплоходов.

В белую ночь все Березово, кажется, на пристани. Мать ждет сына со службы, сестра — брата из института, муж — жену и детей, едущих к нему на новостройку.

А пристань здесь особенная, северная. Теплоход подходит не к набережной, одетой в гладкий

камень, а к барже с высокими бортами — дебаркадеру. Он стоит рядом с другим, вросшим, кажется, в воду, пахнущим гнилой тайгой. К нему с далекого крутого берега, где голубеет деревянное здание вокзала, тянется дощатый настил. Длинным «мостом» возвышается он над залитым водой пологим берегом. Всю белую ночь с «моста» свисают тонкие удилица, а на темной воде — поплавки. Всю белую ночь под ногами встречающих и провожающих скрипят протертые каблуками доски и, кажется, «мост» поет. Здесь можно встретить друзей детства, старых знакомых, познакомиться с интересными людьми...

Особенно дороги мне встречи с Павлом Сергеевичем Баушкиным, интереснейшим человеком, старожилем Березова, его живой историей.

Знаю его с того мгновения, когда в нашу таежную Камрадку впервые привезли «говорящего шамана» — кино. В тот памятный вечер оно заколдовало не только нас, мальчишек, но и самого Няр-Мишку, который до этого слыл самым большим шаманом в нашем крае. К удивлению жителей деревни, Няр-Мишка глазами филина смотрел на белое полотнище, где кипела сказочная жизнь... Мчались кони. Сверкали сабли. На звездном коне летел Чапаев. Нахмурится Чапаев — тучи плывут. Улыбнется Чапаев — солнце сверкает. Взглянет Чапаев вдаль — лица людей светлеют. Возьмет Чапаев картошку — слюнки потекут и кушать так захочется, будто картошка как самая вкусная рыба — стерлядь... И все же глаза замороженные не хотят слушать свой голодный желудок, а с жадностью смотрят кино...

Кино крутит Павел Баушкин. Все теперь смотрят на него, как на шамана. Ведь даже сам Няр-Мишка заколдован. А о других и говорить нечего. И сидим мы все как замороженные. И глядим на белое полотно, натянутое на задней стене избы-читальни. Она не смогла бы вместить всех желающих. Поэтому «кинокамлание» устроили на улице. Мы

сидели на мягкой траве. На небе сверкали звезды. А мы мчались на звездных конях Чапаева. Мне хотелось тогда стать Чапаевым. А многие наши мальчишки мечтали стать Павлом Баушкиным, механиком кинопередвижки...

И вот я в уютном домике Павла Сергеевича. Это своеобразный музей-квартира. В нем можно увидеть историю не только кино, но и духовной жизни Севера.

Мы сидим в квартире Баушкина и смотрим кино. В подвале своего дома Павел Сергеевич оборудовал маленький уютный кинозал. Ведем неторопливую беседу. С небольшого экрана встают картины Севера, история Березова...

Давно это было. Еще до революции. Когда над Березовом зажигались яркие звезды, в доме рыбопромышленника Гурьянова «крутили» кино: соорудил он необычный «электротئاتр» на полсотни мест. И маленький Павел Баушкин все время вертелся у него, мечтая попасть на сеанс хотя бы в роли крутильщика киноаппарата. Но первый кинофильм он увидел после революции. Названия не помнит. Вначале появился на экране бывший губернаторский дом в Тобольске. На балконе — семья свергнутого царя. Затем выплыла аллея, по которой шествовал сам Романов. Дошел до скамейки, опустил на нее тяжелое тело, стал вспоминать былое. Приемы, балы, роскошь...

Через несколько лет Павел Сергеевич сам начал «крутить» фильмы. Аппаратура в то время была не ахти какая. Да и электроэнергии не хватало. Когда шло кино, все Березово погружалось в темноту, электроосвещение выключалось. Это никого не возмущало: кино для жителей поселка было желанной новинкой.

В тридцатые годы Павла Сергеевича вызвали в райисполком, предложили поехать на учебу в Воронеж на курсы механиков звукового кино.

А когда началась Великая Отечественная война, ему вручили «бронь». Здесь, сказали, ты нуж-

нее. И вполне понятно: единственный киномеханик на весь район!

Отощавшая лошаденка еле-еле таскала киноаппаратуру по заметенным дорогам. Но к вечеру Баушкин обязательно успевал к огоньку таежного селения. И в тесных, неприспособленных помещениях он зажигал киноогонь. И на экране возникали кадры, отснятые на полях великой битвы.

Примерно в это время я впервые и увидел Павла Сергеевича. И мне захотелось быть Чапаевым...

А я ведь раньше видел другое «кино», не менее впечатляющее.

В лучах холодного зимнего солнца сверкало стальное лезвие ножа, кровь струилась, дымилось мясо, торжественны были лица людей... Принесли жертву духам оленя. Потом мы вошли в дом шамана Няр-Мишки. Все селение собралось туда. В священном углу затлела чага. Наполнился дом волшебным воздухом, которым дышат только боги в небе.

Няр-Мишка взял в руки топор и сел в переднем углу. Другой шаман, Потепка, потушил лампу. Стало в доме темно, так темно, точно не было никогда на небе луны, точно солнце само себя поглотило!

Было тихо, все боялись дышать. Знали: в эти минуты шаман собирался говорить с небом, подбирает слова, понятные только богам.

Вдруг услышал я дробные звуки: э-ке-ке-ке! Э-кэ-кэ-кэ! Кэ! А потом донесся до меня то ли голос Потепки, то ли Няр-Мишки:

— Слышите? Это злой дух бросает в меня стрелы. Сердится, что долго слов небесных не нахожу!

И опять наступила тишина, такая тишина, точно не было на земле ни людей, ни птиц, ни ветра, ни волн, ни шума лесов.

А потом тихо, почти неуловимо, точно робкое токование тетерева, поплыла песня. Ее пел Потепка. Он певец отменный. Медленно, подобно каплям

тающего снега, возникали непонятные слова. Постепенно они становились громче, вот уже наполнили весь дом — пронзительные, таинственные...

Неожиданно песня разом оборвалась, и Няр-Мишка сказал:

— Недоволен небесный дух, недоволен! Маленького оленя принесли ему в жертву... Надо еще одного оленя принести ему в жертву. Ждите! Сейчас прилетят духи. Вы не увидите их, но вы услышите их! И первым прилетит дух Ялпус-ойка! Он единственный, кто может подниматься к богам в небеса и опускаться в подземное царство нечистоты. Вот он! Он близко! Он летит! Всесильный Ялпус-ойка превратился в железную птицу Гагару. Замрите! Он летит!

И я услышал, все услышали, как железные крылья Гагары рассекают со свистом воздух. Свист приближался, становился сильнее, потом вздрогнули стены дома и кто-то ударился о священный стол в священном углу. Я услышал частое тяжелое дыхание. Так дышит человек после долгого бега с непосильной ношей на спине. То явился дух Ялпус-ойка.

Вслед за ним стали являться другие боги. По-разному: кто приезжал на оленях — мы слышали скрип полозьев на мерзлом снегу, кто на конях — мы слышали грузные шаги под окнами дома. И каждый раз из темноты раздавался то ли голос Потепки, то ли Няр-Мишки. Они выкрикивали имена богов:

— Ялпус-ойка! Отец всех духов!

— Ась-Котиль-яныг-ойка! Повелитель Оби!

— Тагт-талих-отыр! Повелитель верховья Сосьвы!

Называли они и других богов, но я уже не помню сегодня их длинных и трудных имен. С каждым из них шаманы здоровались:

— Здравствуй, из дальних земель пришедший бог-богатырь!

И все мужчины повторяли в темноте:

— О, здравствуй, здравствуй, из дальних земель пришедший дух!

Когда собрались все духи, шаманы начали шаманить. Снова затянули они песнь на небесном языке, и, не понимая его, мы все сидели в страхе. Но потом появились слова знакомые, и я разобрал, о чем пели шаманы.

— Мало, мало приносите вы жертв богу! Гневаются на вас духи — сыновья небес!

Вдруг оборвалась песня, и Няр-Мишка сказал:

— Поведали нам боги: душу мальчика унесла в могилу мама.

А незадолго до этого умерла моя мама. Я усыхал на глазах. Отец решил испытать последнее средство — обратиться к шаманам. Они устроили камлание, принеся в жертву оленя.

— Цепкими пальцами держит она душу парнишки и не хочет ее выпустить, — продолжал Няр-Мишка. — Но говорящий дух Ялпус-ойка внял нашим просьбам. Он полетел в горестный уголок Земли — на кладбище и поговорил с духами предков. Сказали мне боги: еще немного — и умер бы мальчишка. Потому что не может долго жить человек без души.

От этих слов пот начал струиться по моему лицу и волосы зашевелились на голове. Вдруг мама не выпустит моей души? Тогда я умру сейчас же здесь, в доме Няр-Мишки! В темноте мерещилось, как в гробу мамы извивалась голубовато-дымчатая душа моя.

Вещи, лица — все кружится
В зареве багряном...

Опять послышался где-то неясный далекий звон. Я понял, что Ялпус-ойка летит обратно. Снова железные крылья рассекли воздух, кто-то ударился о священный стол, и опять послышалось частое дыхание человека, бежавшего долго с тяжелой ношей на спине.

— Ему было нелегко! — воскликнул Потепка. — Ялпус-ойка долго бился за душу мальчика!

Я сидел, цепenea от страха, и мысли мои путались в голове.

Вдруг в священном углу едва слышный писк.

— Спасенная душа пищит в руках сына бога, — пояснил шаман. — Подведите мальчика к священному столу.

В темноте меня подвели к столу. Я знал, что за столом сидят все духи. Сердце мое, подобно трепещущей рыбке, готово было выскочить из груди, но каждая жилка во мне ликовала: «Я не умру, снова душа живет в моем теле! Всесильные Ня-Мишка и Потепка вернули мне душу!»

Опять услышал я в темноте голос шамана.

— Рано ликуешь, сынок! — словно уловив мои мысли, заговорил-запел один из шаманов. — Нелегко было вырвать душу из рук предков. Особенно упорствовала твоя мама. Не хотела она, чтобы ты остался один на этой студеной и тревожной земле. Даже под ярким солнцем царствует мороз, голод, холод души. Кто согреет тебя малого и еще слабого? Каждый будет норовить если не пнуть, то задеть колючим словом. И душа твоя будет плакать, мучиться всеми муками, отпущенными самым несчастным из несчастного человеческого рода. Уж лучше пусть ты пойдешь со мною в нижний мир! Уж лучше бы тебе не видеть, не переживать того, что так терзает душу человека на земле! Таково было желание твоей мамы, и бабушки, и дедушки. Но теперь все зависит от нас, людей. Если мы захотим, чтобы мальчик жил, мы все должны будем поклясться, что будем достойны имени человека по отношению к нему.

— Клянемся! — раздался голоса.

— Да продолжит сын достойно жизнь мамы. То, что мать не успела сделать, сделает сын. То, что не успела пропеть мать, пропоет сын. И невыплаканные слезы матери прольет сын. И неотведенное счастье матери да отведает сын. Да исполнит сын все мечты-думы матери, бабушки, дедушки! Да продолжит достойно сын жизнь своих

предков! Клянемся, люди, что мы ему поможем!

— Клянемся! — раздались голоса.

— Э-кэ-кэ-кэ-кэ! Э-кэ-кэ-кэ-кэ! — продолжал кам-
лать шаман.

О предки наши!
Давно ушедшие в мир иной
И вчера покинувшие нас предки!
Приветливые, верные,
Святые предки!
Вы слышали наше моление.
А теперь вкусите жертвенной крови!
Наслаждайтесь ею!
Будьте милостивы к нам!
Поймите наши живые души!
Даруйте сыну вашему,
Сыну нашему
Исцеление и неиссякаемые силы!
Да будет он жить за двоих!
За троих! Да исполнит он
Ваши самые заветные желания!

Еще три ночи мне снились боги. Еще три ночи меня трясло. Еще три ночи меня холодило. Еще три ночи меня бросало в жар. Потом перестало меня трясти. Холод ушел. Ко мне вернулось тепло, спокойствие.

Это было кино. Незримое, но яркое. Шаманское кино. Но когда я увидел живое, говорящее чудо-кино Баушкина, то шаманское кино, кажется, как-то потускнело.

Мне захотелось быть не только Чапаевым, но стать сильным, как Максим. И я запел: «Крутится, вертится шар голубой...»

А по шару голубому уже крутились колеса войны. И я увидел «Ленинград в борьбе». Я знал, что Ленинград — большой каменный чум — защищает мой родной дядя Сергей. Он в тайге был славным охотником. А теперь славный боец Красной Армии.

Он один простыми бутылками с горючей смесью подбил шесть танков. Еще в первое лето войны. И на груди у него сияет медаль «За отвагу».

Об этом говорилось в бумажном «кино», которое называется «газета». Ее все в нашей деревне просмотрели... И мне захотелось стать защитником Ленинграда...

Однажды Павел Сергеевич вновь показывал фильм «Ленинград в борьбе». Есть там момент, когда партизаны выходят из леса. Навстречу им регулярные части Красной Армии. Здравуются, обнимают друг друга. И в это время раздается в зале чей-то голос:

— Да это же Михаил!

Павел Сергеевич прокручивает ленту несколько раз. И люди узнают в одном из партизан Михаила Гавриловича Нечаева, инженера Березовской электростанции.

СЛОВО О МАЛОЙ ШКОЛЕ

В сохранившихся малых деревнях
надо открыть малые школы.
Тогда дети не будут оторваны
от родителей.
Кто лучше матери
может навеять самые добрые чувства,
одарить лаской, светом?

Что нужно для воспитания детей народностей Севера? Обычная школа? Школа-интернат? Семья? Эти вопросы сейчас волнуют многих. Я сам питомец школы-интерната, как и многие другие мои сверстники. Воспоминаний много — и радостных, и грустных. И открытие мира книги, и оторванность от родных, от большой воды, леса, и грусть даже по собаке...

Интернатская жизнь началась для меня с 5-го класса. Я учился в Березове, где в то время была единственная на весь район средняя школа. Много, конечно, дала она, была нам и домом, и семьей, и мастерской. Но, если бы не было в моей жизни малой четырехклассной школы в Камрадке (а

потом в Тегах), я бы наверняка не стал тем, кем являюсь сегодня.

Всех нас учила одна учительница — Мария Абрамовна. Она находила общий язык и с нами, первоклассниками, и с четвероклассниками, которые не только чисто и красиво писали, но и умели обращаться с ружьями. После уроков мы бежали в лес и учились читать на снегу следы зверей, ловить силками куропаток. Рыбу из-под льда добывали и угощали нашу Учитель-най.

Особенно было хорошо весной, когда прилетали утки. Они садились на берегу реки, почти у самого дома, и рыба плескалась, и глухарки токовали в бору на противоположной стороне. Еще до школы я взял свою первую утку. А окончив первый класс, уже считался охотником. Мама не хотела доверять мне ружье, но дедушка настоял. И учительница поддержала, сказав, что ружье моей учебе не мешает.

Единственное, что я не любил, так это мыть полы и убирать мусор. Но когда мне дали сеточку для ловли рыбы и пообещали ружье, то я с трудом, но стал соглашаться и на «черную» работу. С завистью смотрел на «белую» работу мамы, которая с бригадой рыбаков ловила большую рыбу: муксуна, сырка, сосвинскую селедку. Я скучал по ней, ждал, когда возвратится с промыслов. И она всегда возвращалась с большой добычей. Тогда праздник был в нашем доме.

И школа для меня была праздником. Мария Абрамовна открывала мне те сказки, которые я не услышал бы дома в букваре и книге для чтения. Волшебному умению изобразить волшебные мысли на бумаге завидовал даже дедушка. И бабушка тоже. Они не отговаривали от учебы. Наоборот, учили слушаться и учительницу, и всех старших. Но просили слушать и дыхание леса, реки, воды. Хорошо было ходить в нашу маленькую школу.

Попад в большую школу-интернат, я скучал не только по маме, по бабушке и дедушке, которых

не было уже в живых, но и по лодке, веслу, ружью. И снились мне вместе с лицом мамы токующие глухари и полет уток, слышались плеск рыбы, храп нашего старого коня, которого я любил водить на водопой, и жалобный визг лайки.

С успехом окончил я Березовскую среднюю школу и получил подарок — путевку на учебу в Ленинград. Но на всю жизнь осталась горечь оттого, что в годы учебы в большой школе не было у меня ни лодки, ни сети, ни коня, ни ружья, ни даже собаки, не было возможности сбегать на охоту. Отводил душу я на каникулах — ездил в оленье стадо, где каслала моя тетья Акулина. Там я научился управлять оленями. Как завидовали мне ребята, у которых не было ни такой тети, ни оленей!..

И теперь, когда я задумываюсь о реформе школы, хочется сказать свое слово и о малой школе. С ликвидацией малых деревень ушло многое из быта, культуры современных северян. С горечью мы видим сегодня, что не один северянин утратил не только язык матери, но и отличавшие его навыки и черты. Что было свойственно детям Севера? Умение слушать природу, подмечать и знать повадки зверей и птиц, самостоятельность на рыбалке, на охоте, дома.

Пребывание в интернате с первого класса, оторванность от родителей, бабушек и дедушек порождают не только иждивенческие настроения. Эти ребята хилы, несамостоятельны. Помнят ли они сказки своих предков? Конечно, нет. Встрепенется ли их душа при виде коня, оленя? Смогут ли они рассказать с вдохновением о «медвежьих игрищах»? Конечно же, нет. Не споют они мансийскую песню. А если и пустятся в пляс, то под ритмы брейка и рока.

Что могут такие дети рассказать в будущем о Севере? Не больше того, что они увидят на телеэкране. В лучшем случае станут книголюбями. Книжность, серость, заурядность — болезнь, опасная для северян. А Север нуждается в личностях.

Он может давать им закалку, понимание жизни. Этому способствуют и суровые климатические условия, и вековой уклад бытия. Нарушение законов Севера будет жестоко мстить и новым поколениям, и сегодняшним равнодушным пришельцам. Для здорового развития Севера необходимо познать неписанные законы природы, строить жизнь, соблюдая нехитрые заветы коренных жителей.

Недавно в Ханты-Мансийске зашла ко мне женщина, познакомились: Неудачина Тамара Васильевна. Учительница. Вернее, заведующая национальным интернатом. Живет и работает в Саранпауле, далеком таежном селении у Приполярного Урала. Просит помощи в строительстве интерната. Но как я могу ей помочь? Посоветовал обратиться к депутатам. Она махнула рукой: обращалась, бесполезно. Потом показала на мой письменный стол. Мол, сила и правда теперь у печати.

Вручила мне записку как наказ. И вот что она пишет: «Саранпаульский национальный интернат размещен в двух зданиях, которые рассчитаны на 80 человек, а живет в них 105 детей. Столовая находится далеко от спальных корпусов, и ходить туда надо через дорогу. Здания не отвечают санитарно-гигиеническим требованиям: тесно, койки стоят вплотную друг к другу, так что негде поставить тумбочку. Не созданы и не оборудованы игровые комнаты. Комнаты для проведения кружковой работы отсутствуют. Нет комнаты, где можно было бы разместить кружок национального творчества, родного языка. А интернат национальный. Главная беда в том, что дети забывают национальный язык».

Наверное, довольно цитировать. Достаточно ясно, в каких условиях приходится расти детям «светлого будущего». Язык они забудут. Это точно. Поднимутся ли они до вершин знаний, станут ли с веком наравне? Будут ли они хорошими рыбаками, оленеводами, как лучшие люди Саранпауля? Или превратятся в иждивенцев, как некоторые их старшие братья и сестры? От оленей, от рыбы уйдут,

а к новому веку, веку техники и просвещения, так и не найдут дороги... Да и вырастут ли здоровыми? А о самостоятельности и говорить нечего.

Насколько самостоятельнее, боевитее домашние дети. И за себя постоят, и рыбу поймают, и на охоту сбегают. Родителям добрые помощники в уходе за домом, за хозяйством...

Рядом с Саранпаулем небольшая мансийская деревня — Щекурья. Лет двадцать назад там была школа. Закрыли из-за «неперспективности». И вот результат: письма, жалобы и сломанные жизни.

Прибежала птица. Шумная, расфуфыренная. Крутится. Вертится. Хвостом виляет. Сразу и не разглядишь среди масок с берестяными лицами. (На «медвежьем игрище» люди в берестяных масках перед головой медведя говорят правду, только правду.)

— Ку-ку! Ку-ку! — наконец заголосила экзотическая птица. — Я мать-героиня! Стольких родила, а на меня — ноль внимания. Дайте квартиру!

— А! Известная птица! — воскликнули маски, кружащиеся в медвежьей пляске. — Квартиру, кричишь, тебе? А разве дети не в интернате? Да и дом есть у тебя.

— Интернат есть интернат, а дом мой деревянный, как чум, — парировала шумная птица. — Я современная! И мне нужна квартира в каменном доме!

— Что же, желание тоже современное! — воскликнул кто-то из масок. — Да только, кажется, до матери-героини тебе еще количества не хватает.

— Не хватает, не хватает! Подходи, кто первый! Еще рожу!

— Ха-ха-ха! — захохотали звери. — По годам-то молодая, да вся уже измызганная.

— Ку-ку! Не понимаете вы меня. Дойду до самой Москвы, а своего добьюсь!

— Вот наступили времена, — каркнул черный ворон. — Женщины только и требуют: дай, дай, дай! При Сталине такого не позволили бы!

— Если бы так голосили только женщины, — фыркнул филин. — Немадо иждивенцев появилось и среди мужчин Севера.

Не повинны ли в этом школы-интернаты, да и вся система образования на Севере?

Думаю, чтобы сохранить лучшие черты коренных северян, необходимо с самого детства воспитывать их по законам Севера.

Возможно ли это? Трудно, конечно, но, чтобы сохранить лучшие черты человека, надо что-то делать. И первое — как можно дольше не отрывать детей от дома, матери. Обучение с шести лет кажется мне совершенно неприемлемым и даже вредным. И, думаю, рано или поздно придется вернуть-

ся к классическим формам воспитания, выработанным всем человечеством. Второе: в малых, так называемых неперспективных деревнях, устоявших каким-то чудом в вихрях нефтяного ускорения, надо снова открывать школы. Пусть даже самые малые.

Их противники утверждают, что «карликовые» школы обходятся государству дорого, расход угля и электричества на три десятка учеников такой же, как если бы обучалось 300 детей. И будто громадные затраты, что несет государство на обучение нескольких человек, необоснованны, а главное — не приносят желаемого результата. Какого? И все ли можно считать в рублях? Да, в малых деревнях меньше возможности обеспечить специалистами клубы, открыть музыкальные школы, создать спортивные комплексы, организовать сферу бытового и медицинского обслуживания. Но надо иметь в виду и другое: лес, река и поле — тоже воспитатели. Великие воспитатели.

Сторонники больших школ утверждают, что с раннего возраста дети должны находиться под пристальным педагогическим и медицинским наблюдением. Надо своевременно выявлять особенности их психического и физического развития и с учетом этого строить обучение. Кто с этим спорит? Да, уже поизучали, выявили психические и физические особенности развития детей Севера, поэкспериментировали. Не одну диссертацию написали ученые. Но где результаты? Снова говорим о реформе школы. На высоком уровне говорим.

Не лучше ли свои педагогические эксперименты померить да доверить воспитание детей их бабушкам и дедушкам, их родным мамам?

В сохранившихся малых деревнях (таких, как Ломбовож, Новое, Щекурья Березовского района) надо открыть малые школы. Тогда дети не будут оторваны от родителей. Кто лучше матери может навеять самые добрые чувства человеку, одарить лаской, светом, солнцем человечности? Кто лучше

дедушки и бабушки может рассказывать сказки? Разве сравнятся с ними сказки книжные или телевизионные? В них нет запаха хвои, зеленого леса и свежести большой воды.

Сельский учитель на Севере раньше считался если не волшебником, то самым уважаемым человеком. А какой авторитет у него сегодня? Не очень высокий... Надо его поднять делом, материальной обеспеченностью, социальной защищенностью. Это великий труженик, и если ему помощью будет не схоластическая методика, а бабушка или дедушка и родной очаг, то и результатов он добьется впечатляющих.

БУДЕТ ЛИ У СЕВЕРА ХОЗЯИН?

Зима. Снег. Ночь... Яркие капли звезд во мгле. В этой темноте брызнул луч и заколебался. Второй, третий вспыхнул рядом... Четвертый... Вздогнул, изогнулся, наливаясь ярким светом. Нежно-зеленый, синий, желтый, красный луч, серебристый иней...

Лучи разгорелись лучиной... Заколебалось, задрожало пламя... Над синими снегами загорелся костер. Большой, радужный. Выше леса, гор выше...

Горит небесный костер, но не греет.

Мертвые волны снега. Холодный свет неба. Тихо. Тяжкий вздох осевшего сугроба. И снова тихо. Хрустальный воздух, звенящая тишина. Кажется, еще мгновение — и я навеки оглохну, онемею, замру...

Кажется, до самого сердца мы пронизаны мраком, и мысли людей сумеречны.

И лишь северное сияние — как озарение...

Но, вслушиваясь в себя, вглядываясь в лица друзей, вижу: сквозь мрак холода пробивается волшебное свечение человеческого дыхания.

Ночью каждый трусит, только один признается в этом, другой скрывает. Но человека и ночью не согнешь. Ночь не вечна, вечны дела. Доброе дело равняет человека с северным сиянием, несущим в мир озарение.

— Слушай, Юван, чехарда какая-то получается,— говорит мой собеседник Тыманов, лукаво поблескивая прищуренными маленькими глазами.

Эти глаза я видел давно, в детстве, когда он вернулся победителем с большой войны. Тогда он все время проводил в беседах с моим дядей Сергеем. Пристроившись у рыбацкой лодки после хорошего улова, они долго и хорошо говорили. Я слушал затаив дыхание, смотрел во все глаза и на хромовые сапоги, начищенные до блеска, и на черный костюм, и на красный галстук.

Я долго думал, почему Тыманов надел галстук. Вроде он не пионер, а школьный учитель. «Разве Большие люди тоже носят часть красного знамени?» — думал я, с восхищением глядя на Тыманова, Большого манси. И вот Большой манси идет со мной рядом. Снег хрустит, кедры-великаны стоят. Внизу под горой виднеется Ханты-Мансийск. А вдали — волшебное слияние Оби и Иртыша.

— Не нравится мне чехарда с кадрами,— вздыхал Тыманов.— Чехарда с председателями колхозов, управляющими отделениями совхозов. Что же получается? — И он заговорил, словно в школе, стараясь объяснить.— Понимаешь? Когда в хозяйстве часто меняют руководителя, люди теряют веру в руководителя, в себя, в возможности земли и реки. Тогда не помогут слова, лозунги, призывы. Да впервые ли? Мы уже привыкшие к подобным шту-

кам. Непонятно только одно: почему в наши начальники рекомендуют залетных, приезжих? Своих, что ли, нет у нас? Или не доверяют? Эта людская потрава страшнее тифа, который гулял когда-то на Севере. А нам, северянам, нужен свой хозяин, руководитель кровный, местный нужен. И жить нам лучше, может быть, колхозом. А почему, скажи, колхозы ликвидировали?

— Где ты работаешь? — спросил я Большого манси, который теперь показался маленьким, сторбленным.

— Пенсионер я. А работа у меня есть: думаю о хозяине реки, тайги, всей земли нашей. Вот моя работа! Только будет ли у Севера хозяин?! Не знаю.

Идет по тайге Мирсуснэхум, герой мансийской сказки, в одном месте видит листочек. Красивый листочек на ветке дерева трепещет, светится, переливается на солнце. Не сорвать ли мне его, не подарить ли жене? Женщины млеют от красивого...

И вдруг слышит слабый, писклявый голос: «Ты такой большой, сильный, вырастил такие могучие руки... Зачем ловким рукам своим даешь волю, зачем сорвал листок, на котором я сижу?»

Смотрит Мирсуснэхум — на золотисто-зеленом листке сидит букашка и поучает его, сильного:

— Для тебя этот листок ничего не стоит, для меня жизни стоит, здесь я ползаю, радуюсь солнцу, сплю, живу...

— Я тебе еще лучше листок найду, на другой посажу, — молвил Мирсуснэхум.

— Другого мне не надо. На другом будет другая жизнь. Мою не надо было нарушать.

Стыдно стало Мирсуснэхуму. Опустилась его могучая голова от тяжелых дум. Что еще можно сделать для букашки?!

Ледяная земля проснулась от вековой спячки. Она разгоряченно дышала, снимая с себя шубу из дремучей тайги, опоясываясь стальными нитями

трубопроводов. Она гудела под железными копытами нового кочевья. С радостью наряжалась в ожерелья городов, сияя счастливыми глазами нефтяных огней.

А герои шли, шли, шли. И я был вместе с ними. И мои уши глохли от железного рокота: не все я мог слышать. И мои глаза слепли от яркого сияния огней: не все я мог увидеть.

Но однажды я услышал плач, который вы могли не слышать:

Я — государь в подводном царстве,
 Я — рыбий царь.
 В глубины вод у крутояров
 Течет угар.
 И плавники уже, как весла,
 Черны, черны.
 Нам яд чернильный, видно, послан
 От сатаны.
 Ловили все рыбешек слабых
 Тут подо льдом.
 Но так никто еще не грабил
 Хрустальный дом.
 О человек! Уйми пожары!
 Ты сжег царя!
 Я мирный царь в подводном царстве.
 Спаси меня!

«С последней рыбой, — говорят у нас в народе, — умрет и последний манси». Только половина из 8000 манси владеет родным языком. Может, скоро и правда конец? Легко найти в этом мире даящих золото, золотой мех, золотую рыбу — трудно найти человека, исполненного понимания ко всему живому. И сможет ли кто услышать букашку с сорванного листа?

Когда-то, проснувшись, я бежал к реке. В ее струях плескалось солнце. Теперь, проснувшись, я тоже бежал. По каменной лестнице, к почтовому ящику. Вынимал оттуда, конечно, не солнце. И в моих руках трепетала не рыба золотистая. «Северные просторы», журнал, который мы, северяне, ждем с нетерпением. На этот раз в нем были такие строки: «До сих пор ученые больше обеспокоены

судьбой «краснокнижных» стерха или казарки, чем человека. Подумали ли о нас, жителях этих мест? Разве мы заслужили лишения прав пользоваться реками и лесами, которые и без того испокон почитались заповедными? Прошлогодний запрет Тюменского облисполкома на весеннюю охоту — решение волевое, необдуманное, антидемократическое. Куда только мы не писали! Но получал одни отписки».

Федора Елескина, автора этих строк, знаю не понаслышке, а со студенческих лет по институту им. Герцена. Для жителей Шурышкарского района, где он живет, охота и рыболовство остаются основными видами хозяйственной деятельности. А на них, как снежный ком, растут запреты.

И вообще на всем Советском Севере слово «запрет» стало каким-то магическим.

Запрет на весеннюю охоту, на лов муксуна, осетра, на ружье, на сети, на невод. Запрет на «медвежье игрище».

В «медвежьем игрище» — своеобразном театре манси и ханты — участники, поедая медвежье мясо, подражали крику ворона, пытаясь так ввести в заблуждение хозяина тайги и снять с себя вину за нарушение табу на медведя и его мясо:

Корх! Корх! Корх!
 Прилетели вороны.
 Корх! Корх! Корх!
 Медвежатиная вкусная!
 Корх! Корх! Корх!
 Едят медвежатину вороны,
 А не мы.
 Мы песни поем, сказки сказываем.

— Если старые манси, люди честные, открытые, искренние, сваливали на других свои грешки, то мы уж давно, — смеется Ефим Алексеевич, кочегар школьной кочегарки поселка Ванзетур. — Нам без рыбы, без дичи никак нельзя. В магазине консервов и то теперь нет. Чем питаться? — восклицает он, человек из рода Солвал. — В речной магазин идем, в лесной магазин идем. Правда, втихаря, воровским путем. Солвалы никогда не воро-

вали. И теперь не ворует. Мы просто, как на «медвежьем игрище», одели маски и кричим:

— Кто ест осетра?

Корх! Корх! Корх!

— А что вы едите?

Корх! Корх! Корх!

— Нам достается серебристый хек!

Ой, не сладко!

Корх! Корх! Корх!

— Наши уголья заняли вороны.

Корх! Корх! Корх!

— А все же осетрина и муксун вкусные!

Корх! Корх! Корх!

Но кому они достаются?

Вкусен муксун! Но кому?

Корх! Корх! Корх!

А мы втихаря рыбачим!

Неоправданные запреты не способствуют приобщению людей к «цивилизованной» культуре, а порождают всякого рода уловки, хитрости, а порою и злобное отношение к закону. Вынужденную добычу рыбы и дичи здесь именуют браконьерством. В Большой Советской Энциклопедии сказано: «Браконьерство — по добуржуазному и буржуазному праву — самовольная охота на земле помещика». Если ныне нет помещиков, то кто хозяин земли? Почему любительскую охоту или рыболовство у нас считают браконьерскими, хищническими?

Чем кормиться северянам, чем жить? Потребность в свежей рыбе, дичи — биологическая необходимость северян. Иначе распространятся болезни: рахит, туберкулез.

Туберкулезом в Ханты-Мансийском округе коренное население болеет в пять раз больше, детская смертность среди него в два раза выше, чем среди приезжих. И вместо того чтобы думать, как обеспечить северян рыбой, мясом, да и работой, местные власти (да и не только местные!) с помощью различных инспекций, вооруженных до зубов, налагают штрафы, творят суд. Не потому ли средняя продолжительность жизни мужчин за последние годы дошла до 43 лет, у женщин — до 45. И не

потому ли каждый второй умирает не своей смертью?

По данным Всесоюзной переписи, в 1959 году в традиционных отраслях было занято 70 % (а сейчас лишь 43 %) северян коренных национальностей. Может, остальные ушли в добычу нефти, газа, в новые отрасли промышленности?

Нет, невелика среди них доля рабочих. Зато у всех народов Севера растет и уже составляет более 30 % доля лиц, занятых неквалифицированным трудом. Неужели судьба северян быть уборщиками, грузчиками, подсобниками?

Например, одна из моих сестер, окончившая библиотечное отделение культпросветучилища, работает техничкой в школе, другая, хореограф, — кастеляншей в школе-интернате.

Не экономическими ли причинами вызвано ухудшение психического и нравственного здоровья малочисленных народностей Севера?

Вот Ломбовож, таежное селение, удаленное от райцентра на 500 километров, попало в «неперспективные». Но оно выстояло, хотя школу убрали и медпункт не стали строить. А население не убыло, даже прибавилось. Особенно много молодежи.

— Здесь хорошо: река, тайга, — говорят они, — выйдешь из дома — на кедре глухарь сидит, в речке рыба плещется. Сказка. Да вот работать негде. Учитель Албин, к примеру, после закрытия начальной школы вынужден был пойти продавцом в магазин, который хорошо хоть оставили.

В Ломбовоже есть бригада рыбаков Березовского рыбокомбината, но для выполнения плана добычи предприятию нужно не больше пятнадцати — двадцати человек.

А ведь когда-то здесь был колхоз. И приносил прибыль. Председателем правления колхоза работал Шесталов Николай Тимофеевич, мой отец. Приятно, что люди вспоминают то время добрым словом.

Прошло вот уже более четверти века, а с тех пор

построено лишь два дома. Начали было строить новый медпункт. И много лет стоит строение без крыши.

Вспоминаю встречи, беседы во время последней поездки по краю моих предков. В таежном селении многие женщины сидят без дела, и, как они выразились, «руки работы просят». Колхоз ликвидировали, оленей тоже. Пастбища вот уже более десятка лет пустуют. Стада передали в укрупненные совхозы.

Специализация — дело хорошее. Но может быть, не в оленеводстве. Многие селения остались не просто без оленей, но и без шкур для шитья одежды, обуви, без прикладного искусства.

Оленеводство на Севере — дело прибыльное. И там, где в свое время не поспешили, не оторвали людей от привычной им хозяйственной деятельности, там и сегодня молодежь не хочет уходить из отрасли.

Беседовал я с председателем Березовского райисполкома Асматескулумом и его заместителем Гортановским. Может, колхоз восстановить? Или организовать небольшие семейные кооперативы оленеводов? Тогда оживут и пустующие пастбища и женщины будут заняты. Можно организовать и кооператив по выделке шкур и шитью оригинальной меховой одежды.

Но кто возглавит экономическое возрождение традиционной отрасли? Березовский райисполком? Советы? Да на бумаге у них выработаны мероприятия аж до 2000 года. Но как далеки они от истинных нужд коренных жителей Севера!

Главное, что заметил, — сомнение собеседников. Мол, не захотят люди, почувствовавшие «свободу от колхозной жизни», возвращаться в колхоз или объединяться в кооператив. Живи как хочешь, глухарями да рыбой «воровски» питайся, заводи частное хозяйство. А в общем-то они ленивые, в спячку, как медведи, впадают. Для серьезной работы не годны.

Откуда это высокомерие?

С людьми надо работать, кадры искать, воспитывать и на месте, среди коренных людей! Я видел,

как мой отец создавал первые мансийские колхозы, выводил их в передовые, затем его переводили в отстающие. Почему сегодня коммунисты отстранились от подбора и подготовки национальных кадров?

«Будем поднимать колхоз», — говорил отец, убеждая семью оставить насиженное место. И поднимал. Ломбовож был одним из таких. Дважды он его поднимал. Сначала до войны. Отсюда ушел добровольцем на фронт. В середине пятидесятых годов ломбовожцы, доведенные до отчаяния частой сменой председателей, вспомнили о нем, позвали.

Умирая, отец мой говорил: «Сын мой, — тянул он, умоляюще глядя на меня. — Пошамань, пожалуйста, да так, чтобы я навсегда не умер. Не хочу умирать. Уж очень хорошее время настает. Вижу, слышу по радио, новый человек выступает. Говорит, как камлает, за душу берет. Как бывший председатель колхоза, чувствую в нем председателя. И говорит он не для красного словца, а по делу.

А дел у нас ой как много! Колхоз надо снова собирать! Кооперативам бы жить на всей земле. А умирать я не хочу... Нет, тело мое старое, и эта поглощающая тьма, и ослабшие руки, ноги пусть уйдут в землю. Тело мое надо похоронить. Это так. Необходимо. А вот дух мой, мое «я», надо, чтобы жило!

И чтобы я там, на том свете, встретился и с товарищем Сталиным, и с Никитой, и с Леней. Ох, и наломали мы дров! Ничего, подумаем. Может, и исправимся. Будем строить наш коммунизм. Коммунизм — большой колхоз. А вот как его строить — вопрос. По-ленински надо было!

Сделай так, сынок. Покамлай мудро. Да так, чтобы я сбросил все старое, дряхлое, умер и родился вновь

Молодым,
Сильным,
Задорным,
Деловым председателем колхоза!
Северу нужен Хозяин!»

Вспоминаю беседу с Никитой Степановичем Рябчиковым, бывшим бригадиром оленеводческой бригады колхоза. В моей повести «Синий ветер каслания» он изображен под именем Микуля — молодой добрый оленевод, мастер своего дела. А передо мной сидел еще не старый, но седеющий человек. Пенсионер. Немногословный, как прежде, он смеется: — А председатель, который из пришельцев, лучше наших. Пусть он будет украинец, татарин или чеченец. Нам, колхозникам, все равно!

— Почему?

— Да их легче обманывать!

— Как?

— Очень просто. Расскажу быль. Приключилась у нас, в Тегах. Был я пастухом, не оленьим, а коровьим. Оленей-то тогда в колхозе уже ликвидировали.

— Кто?

— Известно кто: начальники, районные горячие головы. О, сколько было оленей! До четырех тысяч доходило колхозное стадо. И мясо было, и одежда! Не то что нынешние фуфайки на рыбьем меху.

Так вот когда перерезали колхозных оленей, меня перевели в коровьи пастухи. Мне, потомственному оленеводу, это показалось оскорбительным. Но что делать? Не быть же безработным?

Но у той должности оказались и свои преимущества. Даже много: и поспать можно, и поотлынивать, не то что с оленями.

Однажды коровы потерялись. Нет их день, второй. Все колхозное стадо исчезло. Председатель забеспокоился. И не на шутку. За план-то по молоку не поглядят по голове!

— Куда девались коровы? — спрашивает он чуть не со слезами в голосе.

— На святую речку, наверное, забрели. Там идо-лы, капище, — говорим мы. — Туда без бутылки не пойдем.

Председатель тот был с Украины. Добрый малый, но наших обычаев не знал. Мы и воспользо-

лись этим. Не пойдём, мол, на святое место без «огненной воды» и жертвоприношений. А то духи накажут. Вон коров-то они заколдовали. Заколдуют и нас. Председатель с нами и так, и эдак, и ругается, и умоляет, крутится, вертится, выспрашивает про обычаи. А мы ему еще больше зубы заговариваем. И про самострелы, и про идолов, которые жаждут крови и «огненной воды». И хотя был сухой закон, председатель решил умиловить духов: достал заповедные бутылки. Напились мы, спать легли. А коровушки наши на третий день сами пожаловали. Хороший был председатель, но не хозяин. На ученика был больше похож. Все про традиции да обычаи выспрашивал, нравы изучал. А нам, колхозникам, не ученик, а хозяин нужен.

Прислали нам другого председателя. Татарин. Чернявый, как и мы. Горячо рекомендовал его райком. Да и он сам клялся, что приехал навсегда, до гроба. Обрадовались мы такому герою. Наконец-то у нас будет хозяин, а не летун. Заком по строительству взял человека с Кавказа. Чеченец — его имя. Мол, будет строить горячо, по-кавказски, а не так, как мы, медведи-увальни. Радовались мы такому интернационализму, обещавшему и новые дома, и фермы, и Дом культуры.

Прошло несколько лет. Покрутились, повертелись интернационалисты у нашей рыбной реки, муксунов, осетров отведали да и исчезли. Председателя пытались остановить. По партийной линии. Мол, обещания давал до гроба жить у нас и поднимать колхоз. Да где там: опять тот же райком защитил его. Теперь мы не хотим верить обещаниям ни приезжих, ни райкому! Пусть кого хотят, того и назначают. А нам, колхозникам, все равно.

— Неужели среди ханты нет таких, кто мог бы быть настоящим хозяином!

— Есть. Леонтий Михайлович Новьюхов. Раньше занимал скромную должность секретаря сельсовета. Потом заметили. Председателем избрали. Хозяйство было в гору пошло. Надои коров увеличи-

лись. К лошадям, как и к тракторам, стало больше внимания. Задумали завести оленей... Но к тому времени районное начальство в очередной раз поменялось. И нашего председателя тоже поменяли. Нашли просчеты, ошибки. Кто-то что-то наговорил. И по шапке. Помочь бы молодому специалисту. Где там! Сшибли, резанули, сняли! И все тут!

— А где он теперь?

— Да тут же. Работает. Радистом на почте. Хорошая у него работа: отсидел смену — и на рыбалку, на охоту. В председатели его не заманишь: гордый человек!

Нелегко было создавать первые колхозы. И теперь, наверное, не просто собирать распущенное. Но знаю: можно. И гораздо легче, чем пришлось нашим отцам. Так в чем же дело? Не хватает смелости, риска, просто хорошей работы? А может, местные руководители не доверяют людям, считая их способными быть лишь исполнителями?

Да и хватит, наверное, руководителям-пришельцам чувствовать себя чуть ли не обязанными навязывать свои представления о культуре, образе жизни, быте коренным северянам. Поучают, воспитывают, смеются. Стоит вспомнить хотя бы анекдоты о чукчах, ненцах...

Не пора ли повернуться лицом к Северу? Раньше в Ханты-Мансийске была школа подготовки кадров. Не пора ли ее снова открыть.

Об этом я долго беседовал с жителями Ломбовожа. Конечно, некоторым нравится свободная от колхоза жизнь. Можно ведь завести личное хозяйство: коров, лошадей, мелкий рогатый скот — бывшие колхозные пастбища пустуют. Правда, есть одна большая проблема у единоличников: некуда девать мясо — рыбком принимает ограниченное количество. Молока, ягод, дичи, рыбы можно производить в достатке. Но молодежь не хочет жить натуральным хозяйством.

— Законной работы у нас мало, — вздыхает Алексей Родионович Албин. — Когда уходил на пен-

сию, свое место в бригаде рыбаков уступил сыну. А вот был бы колхоз... Или хотя бы помогли организовать кооперативы, отделения госпромхоза или просто помогли бы с оленями. Саранпаульский совхоз мог бы дать в аренду оленей...

Может, в словах Албина, бывшего счетовода колхоза, есть своя правда? Знаю одно: будет кооператив — будут олени. Будут олени — будет шкура. Будут шкуры — руки женщин будут заняты. А руки женщин золотые. Каждая шьет свой узор, а в узоре душа, красота. Без красоты плохо жить.

Память детства...

На дворе воет ветер. Мороз ходит. Ночь стоит. Большая ночь. А мы не спим. В чувале весело горит огонь. Дедушка плетет гимгу. Бабушка подкладывает свежую травку в обувь.

А мама моя сегодня будет рукодельничать. Руки ее умеют со всем управляться: и с ружьем, и с тонкой иглой.

Из берестяной коробки с узорами мама вынимает связку высушенных сухожилий. Из них она будет делать нитки. Эти нитки особые. При разделке туши оленя с его спины и задних ног срезают связки, а затем обрабатывают.

Из связки мама берет небольшой пучок жил и кладет на порог дома. Тыльной стороной топора разбивает на более тонкие. Из них выбирает один и снова разбивает его еще на мелкие волокна.

В чувале огонь играет. Шипит пузатый чайник. Но я гляжу не на веселую игру пламени, а на мамины руки. Вот она берет не очень толстые волокна и начинает выравнивать их. Тонкой и ровной делает жилку, несколько раз пропуская ее под лезвием ножа, прижатого к доске, и смачивая водой. Шероховатую «оленью нитку» пропускает сквозь зубы и делает ее совсем ровной.

Красной лисицей пляшет огонь. Искры, как звезды, летят. Но я гляжу не на огонь. Я гляжу на маму, на ее белые-белые зубы. Очень тонкие волокна она скручивает руками в одно. Накладывая

один конец волокна на другой, скручивает короткие нити в одну длинную.

Я смотрю на руки мамы. Помню их тепло. Мне кажется, что они были всегда, вечно, как небо, вода, земля. Помню, как эти руки гладили меня по голове, как вытирали слезы, когда я плакал. Теперь вижу, как мамины пальцы ласкают оленьи жилы. И зачем она ласкает не меня?

— Ты большой стал, сынок, — говорит мама, — должен помочь мне. А то у мамы только две руки, десять пальцев. С тобой у нас будет четыре руки, двадцать пальцев. Пальчики-то твои проворные, знаю. Ну-ка, сможешь ли ты готовые нитки сплести в косичку?

— Могу! — радостно говорю я. И заплетаю готовые нитки в косички. Потом привязываю один конец к косточке птичьего крыла. Оно служит крепилкой. Хорошая крепилка, крепкая. Из глухаринного крыла она. Помню этого глухаря. Мясо было вкусное. Косточка его крепкая, гладкая. Сам ее обглаживал... А для чего — не знал. Оказывается, для ниток из оленьих жил.

— А почему ты, мама, плетешь разные нитки, одни — толстые, другие — тонкие?

— Для обуви толстые нужны, для одежды — потоньше, для вышивки бисером — совсем тонкие. Сухожильные нитки очень прочные. Они не боятся воды, не гниют. Как крепкие люди, долго живут, долго служат другим людям.

На Севере извечно шьют верхнюю одежду из оленьих шкур. Мастерицы искусно выделывают замшу-ровдугу. Подкрашенная ольховой корой, она приобретает благородный красновато-коричневый тон.

Самый дорогой материал для северных мастериц — оленьи камусы: шкурки с ног оленя. Аккуратно вырезанные полоски золотистого, серебристо-серого или белого цвета и на самом деле очень красивые. И очень прочны: из них шьют зимнюю обувь, рукавицы, сумки, отличающиеся необыкновенным богатством отделки.

Орнамент — не бессмысленный рисунок. В нем — окружающий мир, жизнь во всем ее движении и причудливом ритме. Взглянешь пристальнее на экзотические линии — окинешь взглядом тайгу, реку, извилисто плывущую в синюю даль. Рябь студеной воды, хлопающие крыльями утки, скачущие собаки, плывущий через реку лось, летящие олени, круглые, омытые водой и временем камни... Вот охотник выслеживает зверя. Вот рыбак держит осетра с зубчатой спиной. Вот оленевод ловит арканом оленя...

Орнамент — та же самая книга. Читай его — услышишь предания, похожие на эхо, на отзвук былого, преодолевший века... Предавать забвению традиции предков — преступление!

Сшитая из оленьих шкур, с причудливым орнаментом зимняя одежда северянина часто является подлинным произведением искусства. Природный вкус, чувство прекрасного женщины-северянки выражаются в искусном подборе мехов. Одежда, сшитая ими, поражает тонкостью, изяществом и подлинно ювелирным мастерством.

Блестящий и упругий белый олений подшейный волос применяется мастерицами для того, чтобы усилить основную гамму цветов на изделиях из ровдуги. Олений волос идет на довольно прочный, окаймляющий шов, на еще более плотный настил из широких полос.

Такая отделка выглядит очень красиво на подкрашенном фоне ровдуги, орнаментальные вставки кажутся вычерченными — настолько тонка работа мастериц-северянок. Меховые вещи бывают украшены костью, металлом, ровдужными кистями и кантами — вставками из красного, синего и желтого сукна. Особенно декоративно в сочетании с мехом шитье бисером.

К сожалению, подобной одежды даже у оленеводов становится все меньше и меньше. Не приведет ли это к исчезновению древней бесценной красоты?!

— Какая красота исчезнет, если мы не сохраним оленей! — утверждает Терентий Герасимович Харамзин, кандидат экономических наук, инструктор Ямало-Ненецкого окружка партии. Недавно он защитил диссертацию по проблемам оленеводства. Читая его многочисленные статьи, которые время от времени появляются в печати вот уже четверть века, я слышу не только стук копыт оленей, на которых нам с ним доводилось ездить, но и постигаю нечто глубинное, очень важное для жизни тайги и тундры.

«Тюменская область не только крупный индустриальный район, но и зона развитого сельского хозяйства, в частности животноводства. Только по поголовью оленей область занимает второе место в

стране после Магаданской области,— пишет он в одной из статей.— В 1953 году на территории Ханты-Мансийского автономного округа выпасалось 87 888 голов оленей, в начале семидесятых — 55 657, а сейчас только 45 тысяч. Землеустроительные работы, проведенные в 60-х годах, урезали пастбища округа в пользу Коми АССР. Настала необходимость изучить проблему кормов для оленеводства в районах Среднего Приобья, где добывается нефть.

На базе оленепоголовья в этих районах возможно создать специализированные совхозы для поставки дешевого мяса нефтяникам, строителям, энергетикам.

Есть необходимость расширить и совершенствовать научно-исследовательскую работу.

Решение этих вопросов даст возможность вести оленеводство на научной основе...»

Может, это глас одинокого в пустыне? А ведь диссертация, над которой Харамзин работал не один десяток лет, была вызвана думами о самом сокровенном.

Ради выполнения благородной задачи он, оставив в Ханты-Мансийске хорошую должность и квартиру, уехал в Салехард, «где оленей больше». И «просидел» многие годы на должности инструктора. Часто говорят, что у народностей Севера «нехватка квалифицированных кадров». Но вот первый среди ханты кандидат экономических наук Харамзин... Мы не раз ходатайствовали о возвращении Харамзина в Ханты-Мансийск, на землю своих предков. Но так и не получили вразумительного ответа. Так же, как и он, на вопрос о возвращении исконных земель мансийских пастбищ, урезанных в пользу Коми АССР.

Разве малочисленный народ может защитить свои права силой демонстраций, митингов, забастовок? Наверно, потому правительство РСФСР, которое могло бы решить проблему пастбищ Урала, благодушно молчит, несмотря на неоднократные обращения. А пастбища, угодья, промыслы, земля — это ведь жизнь народа.

Извечно для манси скупая, темная тайга была обиталищем разных злых божеств, а горы Урала — светлой высотой, открытым местом, населенным добрыми существами. Каждая скала — это окаменевший предок манси, добрый дух. Одна гора — покровитель охоты, другая — рыболовов, промышленяющих крылатую рыбу — хариуса и тайменя, третья — оленеводов, пасущих по ее склонам свои тучные стада.

Про гряды гор рассказывают манси легенды. Будто когда-то жили здесь божества и вели борьбу за обладание человеком. Они все полегли в битве и превратились в каменные изваяния, напоминающие издали гигантов.

Мансийские названия горных хребтов и вершин говорят о том, что Урал был колыбелью манси, что отсюда начинается родина таежных людей. Название горы Мань-пупыг-нер означает «Малая гора богов». Рядом возвышающаяся вершина носит название Яныг-пупыг-нер, то есть «Большая гора богов».

Часть Северного Урала — это мансийский Олимп, обиталище богов и богинь с их вечной борьбой и любовью. Здесь совершали свои подвиги и мансийские богатыри, живущие до сих пор в легендах. А сами манси невозбранно на Олимпе пасли оленей, созерцая с высоты звезды.

Неужели мансийская жизнь останется только в легендах? Неужели не продолжится нежная мансийская песня? Если не будет оленей, оленьих пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий, так и слушится...

И слышит однажды Мирсуснэхум, всеслышащий герой мансийской сказки, снизу:

— Ты — человек, вырастил такие сильные руки, такие сильные ноги и дал им волю. Топчи, дави, хватай, черпай... Почему ты вычерпал нашу реку?

Посмотрел Мирсуснэхум туда, откуда доносится голос, и увидел: меж кочек лягушка сидит, еле

видать меж засохших листьев, и поучает его, сильного:

— Здесь река текла, а теперь болото. Для тебя река ничего не стоила, а для меня — это дом родной, жизнь моя, кров и пища. Зачем ты, такой большой, не задумываясь не только выловил ее серебряную рыбу, но и воду вычерпал, загубил жизнь, и на веселом берегу заглохла лягушачья песня...

— Я ни при чем. Другие, наверно! — попытался защищаться Мирсуснэхум.

— Как же ни при чем! Если не ты, то тебе подобные черпали реку. Все вы в ответе!

Осмотрелся Мирсуснэхум, видит: высохшее русло, лог, высокий берег. Огорчился, задумался: «Когда-то здесь, похоже, было шумно, весело. И звучали, видно, не только лягушачьи песни. А и правда, неразумные дела одних другим существам горем оборачиваются...»

— Права сказка! — сказала, как отрезала, Ульяна Филипповна Оманова, ветеран культпросветработы на Севере.— Река-то наша еще живая. Черпает ее рыбкомбинат, как может. Щекура и сырка черпает, сосьвинскую селедку, а вот клуб не могут построить. То говорили: денег нет, а теперь ссылаются на отсутствие стройматериалов, рабочей силы, еще на какие-то объективные причины... Что это? Бездушие, волокита, бюрократизм?

Ульяну Филипповну знаю давно. Была она библиотекарем, пропагандистом новой социалистической культуры среди манси.

— А каким красивым был наш поселок! — глядя вдаль молодежьими глазами еще не старой бабушки, тянет слова, как песню, Ульяна Филипповна.— Культбазой называли. И все соответствовало названию: школа-интернат, и больница, и электростанция, и Дом народов Севера! Стропли-то в трудные годы. И вот я задумываюсь: откуда тогда страна брала деньги, стройматериалы, рабочую силу? Или отношение к народам Севера тогда было дру-

гое? Кто виноват, что культбаза превращена в «Куль-базу», в чертову избу, базу тьмы? Неужели шаманы, переименовавшие хорошее слово большевиков, были правы?

— Правы или не правы шаманы, а дела-то в нашем поселке и в самом деле неважные, — подтверждает Татьяна Егоровна Усольцева, исполняющая обязанности заведующей больницей. — И больница наша разваливается. Все началось с того, что ликвидировали культбазу, а судьбу поселка вручили на попечение Березовскому рыбокомбинату.

— Рыбокомбинат далеко, по воде почти 400 километров, — включается в разговор Вячеслав Селиверстович Садомин, начальник Сосьвинского рыбучастка. — Еще дальше Сибрыбпром, Министерство рыбного хозяйства... Министерство далеко, а рыбу просит. Особенно деликатесную. Вот заявки на нашу сосьвинскую селедку: Москва — 1,5 тонны, Сочи — 1 тонна...

— И вы выполняете?

— Как же иначе. Выполняем и перевыполняем планы. Знаем, любят министры и сосьвинскую селедку, и вяленого сырка, и малосольного щекура, — озорно прищурив мансийские глаза, смеется рыбак Садомин. — Почему начальники и министры нас не любят? Почему не могут построить Дом культуры? Или боятся, что на сцене зазвучат «медвежьи песни» с колким словом о нерадивых начальниках?

Знаю, у Вячеслава Садомина мать певунья, сочинительница песен. Был бы клуб, умение она могла бы передать молодым.

Я иду по поселку, знакомому с детства, и не узнаю его. Посреди страшным идолищем долго возвышались останки Дома народов Севера. В нем я не раз выступал еще молодым поэтом. Там был просторный зал, комнаты для репетиций художественной самодеятельности. В них готовились для выступлений на шумных олимпиадах, которые проходили в Сосьвинской культбазе, на оленьих гонках и играх по национальным видам спорта, и громко звучали

мансийские песни. А теперь вот уже столько лет, с тех пор как ликвидировали культбазу и колхоз, а хозяйство передали в рыбокомбинат, все замолкло...

И пришлось мне выступить со стихами, говорить с людьми о насущном в маленьком помещении, напоминающем больше курную избу, чем клуб. Где уж тут звучать многострунным журавлям и санктвалтапам, мансийским песням, когда «крутить кино» негде?

Не поэтому ли во всей округе никто уже не играет на этих инструментах, которые когда-то составляли славу своеобразного мансийского искусства?

Рыбаки и охотники манси, все труженики поселка не раз обращались в Сибрыбпром, даже в Верховный Совет писали с просьбами о строительстве нового Дома культуры.

Наконец выделили деньги. И немалые для национального поселка — 470 тысяч рублей. По планам в 1986 году должно было строительство начаться, а в 1989-м — закончиться.

В 1986 году израсходовано 1,5 тысячи рублей. Вырыты траншеи под фундамент. Они потом затекли. Значит, выброшены деньги. В 1987 году использовали 50 тысяч рублей. Материалов, кроме цемента, не было, не было и рабочей силы. Словом, очередной долгострой! И так будет, пока Сибрыбпром и Березовский рыбокомбинат не снизойдут к нуждам поселка. А ведь именно здесь наиболее компактно живут те манси, что знают родной язык. И нет у них минимальных условий не только для развития культуры, но и для поддержания достигнутого ранее.

Перестройке посвящают манси светлые песни. Неужели им негде будет звучать?!

И снова «медвежье игрище». Перед медвежьей головой говорят правду люди в масках медведя, росомахи, лягушки, филина, ворона, осетра, налима...

— На нашу землю будто нагрянули какие-то страшные существа. И режут так громко, что уши

режет, сердце сжимается,— плаксиво причитает лягушка.— Ква-ква!

— Каков их рев, такова и статья, такова и сила! — сказала будто сама себе росомаха.— Оу!

— Я хочу улететь отсюда! — каркнул ворон.— Худые времена настали. Кар-кар!

— Сын не должен оставлять лес, реку, землю, доставшуюся от предков в наследство! — спокойно сказал филин.— Я вот сижу на своем дереве, и меня никто не тревожит. Теперь есть закон охраны природы.

— А что будет с нашим законом тайги? — простонала лягушка.

— Ты знаешь, что такое закон тайги? — спросил лягушку ворон, глядя вдаль черными глазами.

— Ква-ква! Закон — тайга, медведь — хозяин, — говаривали раньше на Севере. Теперь Север стал другим. Не узнаешь не только тайгу, но и медведя.

— Объясните же, что означает теперь закон тайги? — встрял невесть откуда прилетевший Тюл-Тюл, куличок тонконогий и невзрачный.

— Слушайте мое слово-откровение простое. На небе нет бога. А медведь не сын неба. Медведь — зверь, зверюга. Дремучий, как тайга! — закамлала росомаха.

— А кто же в тайге хозяин?

— Хозяин в тайге — герой, покоритель.

— Какую высокую думу принес герой?

— Принес он неписанный закон покорителей природы.

— А покоритель слышал о законе тайги?

— Краем уха слышал. Да ведь он, ловкач, умелец, все переиначил:

Закон-тайга —

раззудись, плечо!

Бей, покоряй, хватай, черпай!

Черпай недра, тайгу, тундру,

Озера, реки!

Властвуй!

Властвуй властью силы,

Властью изворотливости умельца!

высокая нравственность, гостеприимство, верность в дружбе, неприятие лжи.

В последнее время произошли странные метаморфозы. Стойкость, высокая духовность, к которой нас приучала русская литература, на поверку оказались ненужными. Разлад с совестью, дисгармония стали нормой для некоторых северян. Развилось приспособленчество, умение «ладить». Пронырливость сделалась формой существования.

Появились среди молодых северян люди, которые не мечтают стать мастерами, а пытаются растолкать других, чтобы занять какой-то хорошо оплачиваемый, не требующий больших затрат труда пост. Тихий, подпевающий, поддакивающий — это и означает для иных «интеллигентный».

Со своими печальными думами обращаюсь к Валерию Андреевичу Чурилову, первому секретарю Ханты-Мансийского окружкома партии.

— Многие в жизни народностей Севера оказались подзапущенным, — говорит он. — Одна из причин незанятости населения — поспешная концентрация его в центральных усадьбах. Мы понимаем, что и пушной, и рыбный промысел, как и оленеводство, предполагают обширность территории и максимальную разряженность населения.

— А что будет завтра?

— О завтрашнем дне мы должны думать сегодня. Впрочем, еще в 1986 году пытались поправить дело. Но тогда нас не поддержали «сверху». Ведь до сих пор не снят лозунг о пресловутом переводе кочевого населения на оседлость, да и немало других подобных лозунгов.

— Да, в лозунгах мы преуспели. И все же в чем видите выход?

— В закреплении таежных урочищ, речек, озер, всех промысловых угодий за коренными жителями. Пусть они промышляют, охотятся, рыбачат. Пусть несут ответственность за них, пусть будут хозяевами.

— Так когда-то и было. Каждая речка, урочище

имели имя. Чаще всего того рода, семьи, кто промышляли на них. Да и сегодня мои братья придерживаются этого. Чаще всего они промышляют в тех местах, где и отец, и дед...

— Думаю, пора создать в местах проживания коренных жителей Севера обширные автономные территории вроде национальных парков, где будет разрешена хозяйственная деятельность только местному населению. Этим мы сохраним не только хрупкую северную природу, но и культуру, неповторимые национальные черты, традиционную, высокую нравственность, облик, язык и уклад жизни. Все хорошее, начиная от заповедей Севера до «медвежьих игрищ», надо сохранить, передать другим. Замечено, что недооценка законов Севера оборачивается порой непредвиденными последствиями...

— Кто должен взять на себя инициативу? Коммунисты? Мы с вами? Дерзнем?

Но дерзающий должен быть ответственным, ибо необходимо и предвидеть, и уметь отвечать за допущенные ошибки.

В Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище вот уже много лет не преподается мансийский язык. Почему? Говорят, нет кадров. А ведь у манси 7 кандидатов филологических наук. Почему они живут не в округе? Допустим, для Евдокии Ивановны Ромбандеевой, нашего крупнейшего ученого-филолога, нет в Ханты-Мансийске достойной ее возможностей работы. Института языкознания не построить. Но вот другой пример. В Горно-Алтайске уже многие годы работает кандидат философских наук Анастасия Ильинична Сайнахова. Занималась научной работой по фольклору, языку манси. И учебники для наших ребятишек пишет. И все это, разумеется, в нерабочее время. Почему такому специалисту не создать условия в Ханты-Мансийске? Не выходит у нас газета на мансийском языке (лишь переводные страницы), нет регулярных радиопередач. Анастасия Ильинична и там могла бы трудиться, и в окружном отделе народного образо-

вания. И желание у нее вернуться в родной округ есть.

Неоднократно мы, деятели национальной интеллигенции, ставили в окрисполкоме вопрос о возвращении ряда наших высококвалифицированных специалистов в округ. Слышим один ответ: нет квартир! Почему для коренных северян находят квартиры и Москва, и Ленинград, и Горно-Алтайск? Неудивительно, что взамен их выплывают так называемые «представители малого народа», которые, кроме крика о своем происхождении, ничего не могут дать ни стране, ни родному краю.

Со своими думами я опять обращаюсь к Чурилову.

— Квартир и на самом деле не хватает,— говорит он.— А нефтяные города растут как на дрожжах. Хорошо. Но разве справедливо, что нефтяникам созданы особые условия по сравнению с коренными северянами? И наша в том вина есть — не смогли убедить планирующие органы. Ханты-Мансийск — столица нефтяного края, центр национальной культуры ханты и манси — остался как бы в стороне. Выход один: надо начать строительство Ханты-Мансийска. По-современному. А не дедовскими методами, как сегодня. Но в городе нет строительных мощностей, да и средств тоже нет.

Сегодня здесь нет даже канализации, единого теплоснабжения. На честном слове электроснабжение. Кругом нефть, газ, а котельные топят углем. Даже проектируемые — на угле, который приходится возить из Кузбасса. Но нет денег на трубы. Советы бессильны. Для министерства Ханты-Мансийск — «сбоку». И уголек, доставленный из Кузбасса, обходится в копейку.

Все-таки нужно строить. И в первую очередь автомобильную дорогу с твердым покрытием. Всего 60 километров до магистрали. На это потребуется 60 миллионов. И газопровод нужен. А скважина тоже в 60 километров. Значит, опять миллионы. Но, построив газопровод, мы решим сразу две задачи:

обеспечим топливом Ханты-Мансийск и попутный газ не будет отравлять воздух.

Не в полную меру мы используем здешнюю уникальную минеральную воду. Столица края с ее живописными кедровыми холмами, чудесными видами на Обь и Иртыш могла бы стать курортным городом, местом отдыха и лечения тысяч нефтяников и строителей.

Думаю, рано или поздно планирующие органы повернутся лицом к Северу, выделяют средства и стройиндустрию. Ведь Ханты-Мансийский округ не в долгу: более 60 % нефти страны добывается здесь.

События в Азербайджане, Армении, в других регионах заставляют задуматься о многом. Нерешенные национальные вопросы могут перерасти в непредсказуемые события...

А Слово и в небо поднимет,
И на землю уронит...
Не бойся стрелы —
Бойся плохого слова.

Так говорили мои предки. А, да что манси! Для большого современного мира, живущего страстями атомного века, манси ведь ничтожное этнографическое понятие. Это подтверждает реальность каждого дня.

«Будет ли продолжаться процесс забвения языка, культуры манси? — пишет некто Урмас Берецкий в одном финском научном журнале. — Если да, то нетрудно догадаться, куда это приведет, несмотря на то что половина местного населения говорит в настоящее время на манси, что из этого народа вышел такой поэт, как Юван Шесталов. Каким образом народ манси, насчитывающий 7500 человек, оказался на грани вымирания? Можно ли еще что-то предпринять? И кто должен взять инициативу? Подобные вопросы можно продолжать до бесконечности и придумывать на них ответы.

В заключение хочу все же спросить: «Можно ли помочь народу, который сам этого не хочет?»

Так думают за рубежом... Это не случайно.

В ряде мест нетрудоустроен каждый десятый, а то и пятый человек. Причем молодые, до 30 лет. Немалую роль сыграла необоснованная миграция. В результате коренное население вытесняется из традиционных отраслей хозяйства, таких, как рыболовство, охота, даже из оленеводства. Не пора ли остановить ввоз рабочей силы из других регионов страны?

Запущено строительство жилья и объектов соцкультбыта. А вводимое жилье распределяется неравномерно. Частенько его получают не те, кому оно было предназначено.

В районах проживания народностей Севера на каждого жителя из числа коренного населения в среднем приходится в 2 раза меньше жилплощади, чем на жителя других национальностей. А если взять благоустройство, то картина будет еще контрастнее. По ориентировочным прогнозам и реальному положению, жилищную проблему коренных северян к 2000 году никак не решить.

А что же Ханты-Мансийский окрисполком?

Отдел Севера, созданный при нем, маломощен и безынициативен. Бюрократический стиль, показуха и стремление к «аппаратной работе» сводят на нет добрые инициативы окрисполкома, на словах повернувшегося лицом к проблемам народностей Севера.

Пора окрисполкому принимать не только хорошие постановления, но и хорошенько подумать о кадрах из коренного населения. А то, как и в застойные времена, в почете находятся тихие, управляемые, а то и просто хитрые люди. Они могут и документ составить, и пыль в глаза пустить, и промолчать, когда надо. Но от этого лучше не станет. А людей способных, образованных теперь и на Севере немало.

— Как бы лучше выполнить завет Владимира Ильича Ленина, который говорил, чтобы народности Севера сами были творцами своей судьбы,— продол-

жает размышлять В. А. Чурилов.— Сами бы организовывали свою хозяйственную деятельность, сами собой руководили. А то ведь превратили их в объект изучения. Диссертаций и анекдотов много, а дела мало! Это же живые люди, народы со своей древней культурой, со своими заповедями, законами, выработанными многовековым опытом выживания в экстремальных условиях.

И кто придумал для северян лицензии? Пусть охотятся, рыбачат. И для личных нужд, и для государства. Цены закупочные надо повесить и на рыбу, и на пушнину. Тогда многие будут сдавать добытое государству. А со скупщиками необходимо повести беспощадную борьбу. Мягковато мы еще к ним относимся. В некоторых поселках, например в Игриме и Светлом Березовского района, немало «лишних людей». Газ там выкачали, но люди имеют квартиры и не собираются уезжать. Вернее, у них квартиры есть и на Большой земле, и здесь, у большой реки, где рыба, а зимой зверь. И вооружены эти первопроходимцы «Буранами», мощными моторами, самой первоклассной техникой. С ними мы еще не боролись. А придется! Ограничить доступ «лишних людей» в виде шабашников, шашлычников и прочих лжекооператоров — наипервейшая задача.

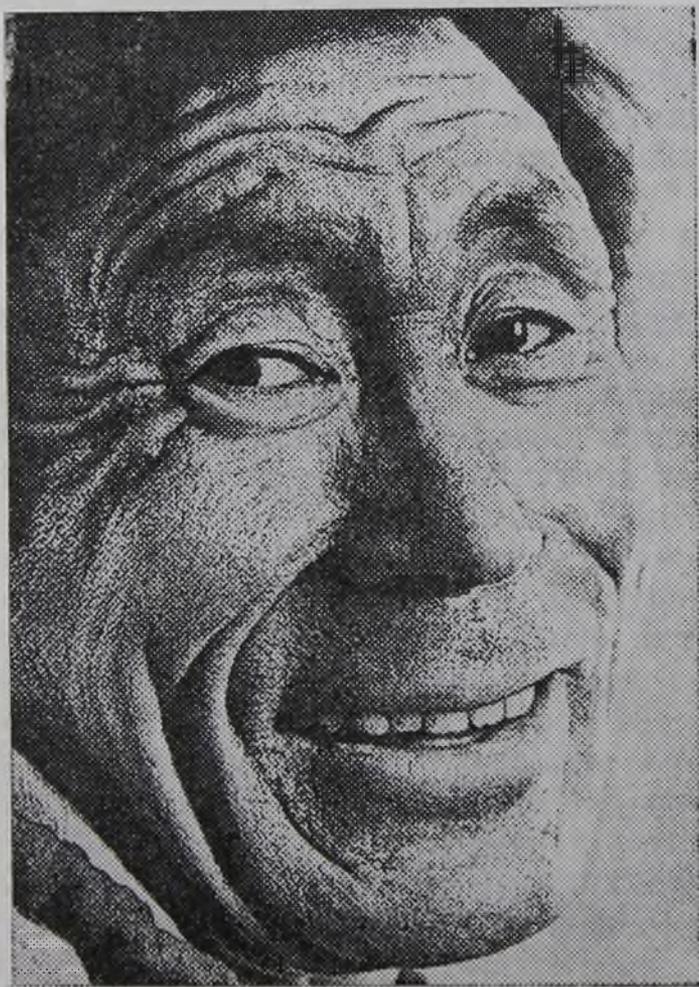
Надо в ближайшее же время в законодательном порядке определить право приоритетного землепользования. Без согласия большинства жителей (а не только председателя сельсовета, райсовета, как сейчас) не должен решаться ни один вопрос, связанный с отводом земель, вод, недр под строительство промышленных и транспортных предприятий. И главное, чтобы в Советах народными депутатами были настоящие избранники народа, духовные выразители северян. И о совете старейшин надо подумать. Необходимо изучать традиционное устройство югорского общества, дававшего возможность северянам не только жить, но и сохранять высокую культуру. Березовский район, бассейн реки Сосьвы, уникальные во всех отношениях, мы и сегодня готовы

объявить автономным районом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Что же мешает? — спрашиваю я.

— Отсутствие законодательства, положений об автономии малочисленных народностей Севера, — отвечает Валерий Андреевич. — Впрочем, после XIX партийной конференции мы уже приступили к реализации своих замыслов. Но здесь необходима помощь национальной интеллигенции, энтузиазм всего народа.

Да, настало время практических действий. Почему бы не просто принять закон об автономном округе, но и создать заповедные территории в местах проживания коренных народностей Севера?

Со своими законами, своими табу. И эти территории должны быть союзного или республиканского значения. Тогда ведомственный сиюминутный интерес, часто не совпадающий с интересами государства, будет подрублен на корню.

Необходимо охотничьи угодья, места рыбных промыслов закрепить за коренными северянами юридически, чтобы они были хозяевами, чтобы никто не имел права занять их земли.

И еще. Нужно подсчитать ту разницу, что северяне недополучают от природы там, где земли отошли под большую нефть, газ, под города, под промышленное строительство. Промышленные организации должны делать отчисления. И надо отдавать их не организациям, не госпромхозам и рыбокомбинатам, а охотникам и рыбакам. Ведь лишившись промысловых угодий, северяне потеряли все.

Руководители, ученые, подумайте о тех, кто тысячелетиями жил под выюгами полярного сияния! В их жизни настал критический момент: быть или не быть?

Быть же народам Севера только в том случае, если будет у охотника лес со зверями, у оленевода — олени с пастбищами, у рыбака — реки с живой, не мертвою водою, где плещется рыба.

В середине прошлого века в нашем краю побывал венгерский ученый-лингвист Антал Регули. Его путешествие продолжалось около полутора лет. Итогом стала книга «Вогульская страна и ее обитатели», вышедшая в Будапеште в 1864 году, а также материалы исследований, находящиеся в рукописном фонде венгерской Академии наук. Здесь есть удивительные высказывания о нашем Севере.

В письме к академику Бэру от 25 января 1844 года он писал: «Я уже довольно знаком с мансийским языком. Понимаю язык и кое-как начал говорить. Родство мансийского языка с венгерским настолько ясно, что у меня нет никаких сомнений в том, что манси — народ финно-угорского происхождения».

О манси: «Волосы у них черные, глаза карие, говорят, что все манси такие. Натура у них добрая, живая, они вообще более живые, общительные, чем другие финские народы. Сообразительность у них быстрая, они отвечают на мои вопросы охотно и с большой легкостью. Могу сказать, что я чувствовал себя так хорошо у них, как еще нигде в течение моего пути, хорошее настроение и веселость я нашел только у них».

Регули удивился необычайной одухотворенности, песенности народов, живущих в краю вечной мерзлоты.

«Северные манси и ханты, которые еще ведут свою простую жизнь в реальной свободе, на которых еще мало повлияла автократия или иной зажим, еще не ввела их в заблуждение, у них способности души развиваются в естественном порядке... Хотя это развитие не довело до блестящего богатства знаний, но зато обеспечивает им гармонию и равновесие духа», — писал Регули, удивляясь тому, что каждый охотник и рыбак манси чувствует себя личностью, считает обязанностью рассказать о своих чувствах в песне.

Регули сравнивал северян с венгерскими крестьянами и приходил к грустному выводу: у его соотечественников не было своей песни, они не чувствовали себя личностями, оставаясь крепостными. А стихи и песни сочиняли поэты — выходцы из высших сословий...

Крик одинокой цапли.
Голос замерзших рек.
Гул дождевой капли,
Переходящей в снег.
Говор глухой снега,
Льющегося в ручей.
Исходит звезда светом.
Крик в тишине ночей.
Мрак. Пустота. Полость.
Тени иных начал.
Боль обретает голос.
Мертвые не молчат.

Вот уже более десяти лет собираю материалы о выдающемся ученом-лингвисте, этнографе, путешественнике. Наверно, не только вопросы: «Кто такие венгры? Откуда и когда появились в центре Европы? Почему их язык не похож на соседние?» повели его на Север. Вечная жажда познать свои истоки, корни заложена, наверно, в человеческом духе. Глаза видят, уши слышат — дух прозревает.

Пред временем, пред ликом этих скал,
Пред вечностью несущейся волны
Я думаю: когда я увидал
Впервые эти камни, валуны?
Тысячелетья, может быть, прошли
С тех пор, когда народом кочевым
Сюда я шел, на дальний край земли,
И ел глаза
Костров походных дым...

О дух Мира! Куда он ведет его? На Восток, на Север? Где прародина венгров? И есть ли в мире родственный язык?

Пермь осталась позади. Дорога вьется вдоль реки. Отроги гор покрыты еловыми лесами. Местами поднимались прямые, как стены, стремнины. Далеко-далеко тянулись горы. Над ними возвышались гранитные скалы. Дивная картина Урала оживила душу Регули.

Впереди великая Сибирь. Созерцать красоты природы истинный отдых утомленному духу европейца! Поедет он по Северу в поисках ответов на вопросы, которые заронил Арвидсон, библиотекарь Стокгольмской королевской библиотеки. Финну по национальности, ему пришлось уехать из Финляндии из-за угрозы тюрьмы или сибирской ссылки при царе Николае.

Регули очень удивило сообщение Арвидсона о родстве финнов и венгров.

— Но самый близкий венграм народ живет на Урале! — сказал, как отрезал, Арвидсон. — Там с двух сторон гор живут коми, удмурты, мордвины, манси, ханты. И говорят они на родственных нам языках... По-венгерски кровь — вер, по-фински —

вери, по-коми и удмурдски — вир, по-хантыйски — вур... Ах, если бы был я помоложе!

Глаза Арвидсона засветились страстью путешественника.

«О, папа и дорогая, добрая мама! — писал Регули вечером в скромной стокгольмской гостинице.— Представьте, какое счастливое волнение охватило мою душу, когда я узнал вопрос, который указывает на происхождение нашего национального языка. Какое почетное назначение найти народы, которые говорят на языке наших более древних братьев. И может быть, тот древний язык, из которого вырос наш современный венгерский язык... Какой бы это был шаг вперед! На сколько вопросов о нашем языке мы могли бы получить ответы, которые еще находятся под сомнением в современной науке. И как важно было бы это сейчас, именно сейчас, когда наш язык наконец стал официальным национальным языком, когда круг его употребления так расширился и скоро станет мерилom нашей образованности!

Представьте, дорогие родители, как бы было почетно, если бы ваш сын оказал в этом деле некоторую службу делу нации, если бы он помог расколоть эту древнюю картину нашего языка, из которого в ходе столетий стало то, что сейчас. Видя такую цель перед собой, я не могу сомневаться, что поеду на Север в качестве искателя сокровищ...

Прошу благословения на мой ответственный путь, и пришлите помощь...»

Так писал Регули в далеком 1839 году с берегов Балтики.

И хотя он не получил благословения и помощи, все же пустился в дальний путь. Стокгольм, Хельсинки, Петербург, Москва, Казань, Пермь, Соликамск...

Бешено мчались кони. Скрипели полозья почтовых саней. Проехали холмы и горы, покрытые лесами. Ельник сменился березняком. Березы стали реже, горизонты — шире, и полной грудью вдыхал Регули воздух Сибири.

4 декабря 1843 года он прибыл в Верхотурье, в первый «вогульский город». Но жили здесь русские. Однако легенды говорили о древней мансийской крепости. Здесь начиналась юго-западная часть вогульской земли. Все названия гор, холмов, урочищ, речек свидетельствовали об этом. Река называлась Турой. И на родине его тоже есть река Тур. Что это? Случайное совпадение?

В Верхотурье, кроме названий, ничего вогульского не было. Если не считать бумагу, в которой сообщалось о том, сколько «ясака» пушниной собрано в мансийских поселениях. Регули скучал. Может, это европейское утомление и старые печали возродились в душе его? Сердечные печали, неразрешенные узлы жизни — все ехало с ним за Урал. В памяти стояли строки из письма матери, которое он получил еще в Хельсинки.

«Не думай, мой дорогой сын, что эта прекрасная цель, которая заполнила твою юную душу, могла бы вызвать особенно большой интерес в венгерском обществе. Трезвые знатоки говорят: для нас вредная такая мыслишка — бежать за родством северных народцев».

Он думал, что уйдет от себя. Но не тут-то было. Он думал, что странствие по земле, открытие родства языков спасут его от европейской суетности, от преждевременной смерти...

Зачем оставил он философию и юридические науки, ушел из Пештского университета? Мог бы ведь быть и прокурором, как отец, или просто юристом... Чем объяснить его любовь к первобытным народам, грязные рубашки которых «цивилизованные» нации собирают в музеи, а самих истребляют? Что привело его к языковедам, которые совершенно не интересовались тем, что он любил? Их же интересовала методология. Не жизнь дикарей Севера, а методы изучения остатков этой жизни.

Хорошо. Завтра Регули направится на Север, на поиски загадочных вогулов, которые сами себя называют манси. Манси, манци, мадьяры... Похоже?

После Верхотурья путь Регули лежал в Богословское. Здесь была резиденция известного геолога, хозяина шахт Протасова. Ученый-промышленник показал Регули подробные карты уральских рудников.

— Здесь жили вогулы. Но как открыли рудники — ушли отсюда, — сказал Протасов. — Вогулы презирают не золото, а работу в рудниках. У них есть гордая пословица: на свете два господина — царь и плательщик ясака вогул. Платит он мягким золотом, мехом соболя. Вогул — свободный охотник и рыбак. Он себя называет манси. Манси — великий охотник, рыцарь тайги, в песнях славит свой род, князем тайги и тундры себя величает...

Протасов посоветовал Регули ехать во Всеволодское, а на прощание подарил... два вогульских черепа. Удивился Регули этим подаркам.

Сенатор Боровков был главным представителем царской власти во Всеволодском, последнем русском поселении. Просвещенный человек, он принял Регули с радостью, пообещав сделать все, что может. Регули прибыл в сопровождении богословского протопопа, который присоединился к нему, предложив помощь переводчика. Ученый удивился, что не только местные священники, но и купцы знали язык вогулов.

Три дня Регули осматривал прекрасные места. Он углублялся в таежную чащу, дышал кедровым настоем, смотрел на каменные скалы, возвышавшиеся над лесами, как головы гигантских каменных идолов.

По светлому бору шел Регули. Пока он не видел ни охотничьих избушек, ни самих охотников, не слышал их вечерних сказок. Зато каждое дерево рассказывало о себе и о том, кто живет здесь. Вот на сучьях аккуратная белка повесила сушиться шляпки грибов. У опушки на снегу целые узоры следов. Но чьи они? Регули не знал.

В финском лесу он научился читать следы белки, а следы зайца — в лапландской тундре, у саа-

мов, истинных детей природы. Но где же здешние люди?

И вот он увидел манси. Их «отловил» Боровков где-то на берегах Лозьвы. На двух диких вогулов с удивлением глядел Регули. Один был приземистый, черноволосый, с открытым, дружелюбным взором. Другой — тощий, седовласый, немного выше первого. До бесцветности поседевшие волосы падали на плечи редкими прядями. И глаза его пронзительные глядели устало.

— Меня зовут Бахтияром, — сказал приземистый. — А его имя Юркин. Он восемьдесят раз видел замерзающую Лозьву. А Бахтияр на двадцать лет меньше Юркина жил.

Поздоровались, познакомились, сели за стол. Манси отказались от еды, которую принес слуга Иван. Но с удовольствием стали есть то, что приготовил сам Регули.

Регули спросил, знают ли они, зачем он прибыл.

— Знаем, знаем! Ты тот человек, которого богатые манси послали издалека, где небесный медведь располагается на отдых. Вы богатые, у вас много денег. И вы платите деньгами ясак своему царю. Но вы забыли настоящий мансийский язык. Мы же помним. И потому твой народ послал тебя к нам, бедным, но свободным манси, чтобы научиться старому слову, сохранившему в себе мудрость веков.

Вышли на улицу. Яркие капли звезд. Во мгле брызнул луч и заколебался. Второй, третий вспыхнул рядом.

Небо красноватое играет —
Может, эти огненные тучи —
Ставший на дыбы медведь могучий...
Пляшет золотистыми столбами,
Плещется искристыми цветами
Над землю радужное пламя.

В первый раз Регули увидел северное сияние в Финляндии. Там, кажется, впервые к нему снизо-

шло озарение. Но ощутил он там и холода, мрака вдоволь.

А теперь, вслушиваясь в себя, вглядываясь в лица загадочных манси, видел, как сквозь холод пробивается волшебное свечение человеческого дыхания.

На следующий день с рассвета они начали уроки языка. Первые три дня — втроем. Регули спрашивал и записывал ответы в длинные столбцы. Иван сначала подслушивал, даже иногда под каким-либо предлогом входил в комнату, делая вид, будто разговор его не интересовал.

Он видел, что Регули показывал на голову и спрашивал по-русски: фэй — голова?

Манси кивал и говорил: пенк, пенк; ухо: фюле — паль; зуб — фог — пунк...

Слова были схожи, только вместо звука «ф» всюду звучало «п».

Словесная игра продолжалась:

деревня — фалу — паул,

мальчик — фий — пыг,

глаз — сэм — сам,

язык — невл — нелм,

палец — уй — туля,

огонь — туз — тэйт...

Регули спросил, как думают манси, почему Иван так усердно ковыряется в комнате?

— Леши! — закричали с одинаковой интонацией старики. Регули сказал им, что точно так же звучит это на языке «западных манси». Они все рассмеялись.

Бахтияр сказал, что Юркину пора домой, так как его жена ест лишь ту рыбу, которую старик рубит ей на мелкие куски. А приехал он только потому, чтобы старыми глазами увидеть посланца родственного народа, оторвавшегося от колыбели.

— Но я останусь с тобой, пока ты не прогонишь меня, господин, — произнес учтиво Бахтияр, — вижу, что ты важным делом занимаешься.

Регули сказал, что он долго не будет отпускать

Бахтияра. Пока не выучится мансийскому, пока не обойдет всю землю, где живут «восточные манси».

На следующий день — перед отъездом Юркина — Иван стал свидетелем того, как Регули с гневом что-то объяснял старикам. Те внимательно слушали, а потом горячо возражали. Вдруг Регули попросил у Ивана две большие кастрюли или два горшка. В одном — воды.

Когда Иван вошел с ними в комнату, то выронил все из рук от изумления. Посреди комнаты на стуле сидел Юркин с простыней, завязанной на шее. А на столе, на бумагах, виднелся слой белого порошка. Иван выскочил из комнаты, за дверью трижды перекрестился и дал деру из этого дурацкого дома.

На морозе его снова охватило любопытство. Он подкрался к окну и увидел, как Регули невозмутимо колдовал. В одной кастрюле он размешал с водой белый порошок и обмазал голову бедного Юркина. А потом взял плоские деревянные пластинки и прижал их к намазанной голове от лба до горла.

Бедный Иван смотрел и от страха трясся.

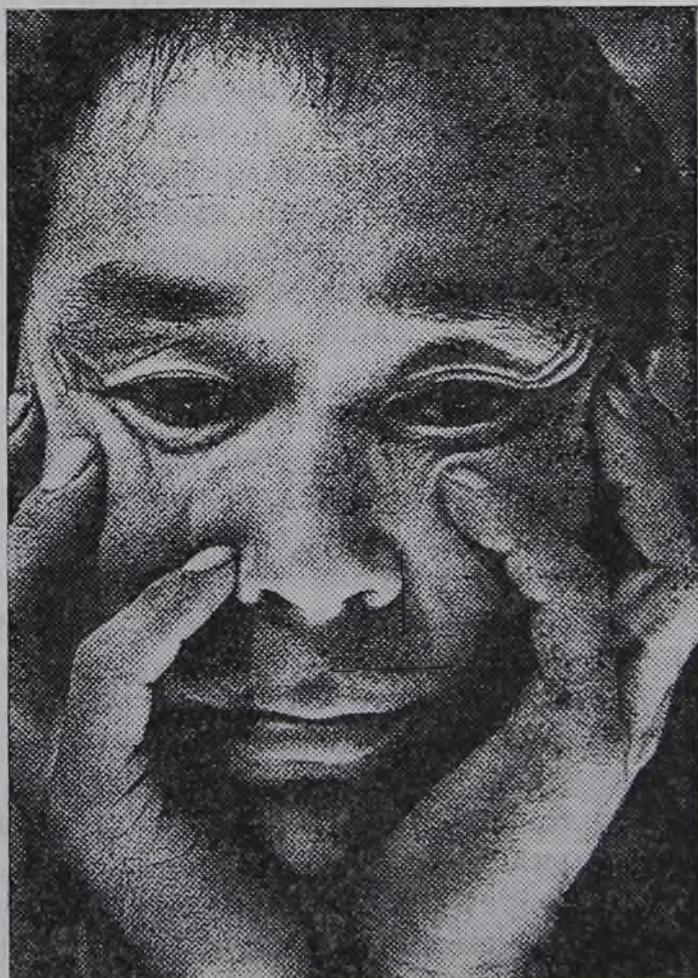
Стоя перед жертвой, Регули, смеясь, что-то объяснял. И Бахтияр, крутившийся рядом, чертовски гримасничал. Через десять минут Регули снял с головы бедного вогула маску и с триумфом показал им две половинки черепа.

Иван был вне себя. Он побежал в контору заявить об этом странном занятии: господин Регули заколдовал двух вогулов белой кашей, покрыв голову одного из них, чтобы вынуть из нее знание слов. Писари рассмеялись и стали объяснять Ивану, что ученый господин делает гипсовые маски с голов таежных охотников.

В таежниках Северного Урала он увидел не дикость, а одухотворенность и своеобразную культуру. Регули оставил нам бесценные сведения о манси, живших в верховьях Туры, Пелыма, Конды, запечатлел их фольклор, язык, которые теперь можно узнать только через книги, изданные в Венгрии. Ведь диалекты, самые близкие венгерскому, исчезли.

Ночь. Тишина. Темень.
Неслышимый крик.
Сын вымирающего племени —
Я знаю мертвых язык.
Темной цепи звенья.
Тени иных сил.
Яростный крик прозренья
В мертвых глазах застыл.
Так прорастает колосом
Семя былых времен.
Так обретают голос
Стоны былых племен.

Почему европеец прошлого века так высоко ценил культуру народностей Обского Севера? Почему теперь сюда едут в основном за длинным рублем? Почему народности Севера «первопроходцам, геро-

ям и покровителям» кажутся на одно лицо и одинаково «отсталыми и непрогрессивными»?

Где же вы, родные?
Не вижу я вас,
Рытвины да буераки!
Нагроможден на каркасе каркас —
Что за железяки?
Свалка какая-то! Металлолом!
Чудища! Монстры! Уроды!
Кто здесь прошелся железным жезлом
По телу природы?

А сами северяне? Что знают они о своей своеобразной культуре, уходящей корнями к цивилизации времен шумеров?

Предсмертное прозреньё
Сквозь даль времен скользит.
Поверженный в сраженьё
Воспрянет и — сразит.
Гниющий в тине сонной
Взлетит над суетой,
Восстанет угнетенный
И стан расправит свой.
Так человек проснется
И разожжет очаг.
Неугасимо солнце.
Мертвые не молчат...

Поможет ли Регули оглянуться на прошлое, дабы обрести голос сегодня и в будущем?

Хочется надеяться, что искусство народностей Севера не умрет, а найдет в своем развитии новые формы, имеющие историческую перспективу.

Дедушка сидел у огня и что-то мастерил. В руках у него играл узкий нож-сехри. Это шаманский нож, я знаю, нож-хирург. Если заболит живот, шаман им выгоняет боль. Так говорила бабушка. Это нож-художник. Ась-ойка неторопливо водит им по гладкому кедровому черенку, вырезая глубокие причудливые узоры. Каждый орнамент — целая история, отдельный рассказ об охоте, рыбалке, лосе, медведе, лягушке. Тамга — знак руки, родовой знак. Вырезал дедушка орнамент, растопил олово и причудливые узоры стал заливать горячим металлом. Когда олово остыло, Ась-ойка осторожно вырезал выпуклости. Протерев тряпкой черенок, он стал его чернить сырой сажей... Получилась красивая ручка.

Я удивился мастерству дедушки. Все считали Ась-ойку слепым. И правда, он плохо видит. Когда идет по лесу — я иду впереди, трость его держу. А вот когда он что-то мастерит, то будто все видит. Пальцы у него словно зрячие. Раньше дедушку считали шаманом-художником. Он вышивал священный ковер для жертвенной лошади. В эти дни дедушка не такой, как всегда. Ему нельзя ни пить вино, ни есть вкусное жирное мясо. Зато к нему сходило вдохновение. И он вышивал на ковре такие волшебные узоры, каких никто еще не видел, каким удивились бы даже сами боги... А теперь вот сделал обыкновенный нож. Но мне он кажется волшебным.

Человек рождается,
чтобы оставлять след.
Добрый его след
как звездный путь.

Древнюю югорскую землю часто называют землей первопроходцев. Это не совсем так. И у нашего Севера есть своя история. Всякая история жива памятью, которая запечатлена не только в учебниках, но и в песнях народа, его легендах, национальных промыслах, в музыкальных инструментах, в быте, в деревянных строениях — избах, лабазах, капищах, своеобразных избушках на курьих ножках.

Под морозными звездами, в ледяной стуже, в комарином звоне наши северные народы создали уникальные памятники культуры, возраст которых четыре-пять тысячелетий. Корни этого искусства живы и сегодня, живы и мастера. Этих мастеров мы знаем в лицо, работаем с ними, чтобы передать их искусство будущим поколениям.

Летом 1988 года в Москве состоялся первый Международный фольклорный фестиваль. Рыбаки и охотники, приехавшие из таежных селений Ханты-Мансийского округа, разыграли «медвежье игрище» в Измайловском парке столицы.

На поляне между лесом и озером поставили чум. В нем, как водится, и олени шкуры, и меховая одежда с причудливыми узорами, и охотничьи при-

надлежности, среди них выделяется пояс с костяной пороховницей и зубьями медведей, которых когда-то «низвел» охотник.

Перед чумом костер. Над ним большой чугунный котел, в котором варится мясо Медвежьей Головы. Посреди поляны стоит идол. Одно лико его повернуто к чуму, другое — к огню. Кажется, он рассматривает всех, кто пришел на игрище.

Рядом с идолом столик. На нем «сидит» Медвежья Голова. На глазах его — монеты, на ушах — серьги. Из-под груди шерстистой торчат лапы с когтищами. Матерый был, видно, хозяин тайги. Перед мужской «Головой» раньше плясали четыре ночи и четыре дня, перед женской — три дня и три ночи. И сегодня, как прежде, Медвежью Голову окуривали чагой, обрызгивали водой, омывали, целовали, кла-

нялись, извинялись, очищались перед ней пляской, песней, весельем...

Вот выходят трое в бухарских халатах, в остроконечных шапках. Взявшись за руки, поднимая и опуская их в такт музыке, поют «Песню, спущенную с неба». В ней говорится о том, что медведь не всегда был зверем. Предком Человека был. А по мифам, которые помнят только самые мудрые, он спустился на Землю с Неба. Хотел быть Творцом, Строителем.

На Земле много соблазнов, нетрудно совершить ошибки, за что он и был превращен в зверя. Но люди помнят, что он Человеком был, Братом был. Если его убивают, то чисто случайно.

Во всей этой игре раскрывается сложность натуры человека — его высокое и низкое начало, его способность перекладывать вину на других: «Не я тебя убил. Убило тебя ружье».

Песню-откровение пел Петр Иванович Юхлымов, рыбак и охотник из селения Полноват, кавалер ордена Трудовой Славы.

Не однажды приходилось ему «низводить» и хозяина тайги за то, что тот задирает не только оленей, но и лошадей, коров. Не однажды в его доме звенели звуки редкого теперь «медвежьего игрища». Еще в 1985 году, до нашего с ним дебюта на Центральном телевидении с «медвежьим игрищем» в «Клубе путешественников», это «непонятное» действо считалось «шаманским» и потому было под запретом. Кажется, успешно выступили мы тогда. И никто в шамана не превратился. Теперь же игрище можно было исполнять в открытую. Да мало кто уже его играет, подвырубили, но вытравить совсем не удалось. Кто-то что-то помнит, а кто-то даже может искусством предков заморозить.

Вот в огненном танце со стрелами кружится Семен Иванович Юхлымов, плотник из города Белоярска. Стрелы летают возле щек, носа, глаз, вьются вокруг тела, сверкают молниями. На лице его не только капельки пота, но и крови. Искусство

требует жертв. Но зато зрители ошеломлены древним танцем, который, к сожалению, может исполнить лишь один Юхлымов.

Музыка, красочные костюмы, танцы создают сказочную атмосферу.словно из глубины веков звучит хантыйский пятиструнный нарсьюх в мастерских руках Владимира Леонидовича Юдина.

Ольга Семеновна Тихонова со своими внуками Сережей и Мариной, исполнители на мансийском тумране, заставляют оленью косточку петь дрожащими, нежными голосами. Этот своеобразный женский губной инструмент совсем было забыли. Ольга Семеновна его возродила.

А вот мансийский журавль-арфа на фестивале не звучал. Исполнителей уже не нашли. Возможно, они есть в глубинке?

Как не вспомнить добрым словом сельского учителя Дмитрия Георгиевича Агеева, вдохновителя художественной самодеятельности в отдаленном хантыйском селении Шеркалы. Он не только возродил хореографию «медвежьего праздника», но и на основе написанной мною «Языческой поэмы» создал музыкальный спектакль высокого интернационального звучания. Не только сам научился играть на различных хантыйских и мансийских инструментах, но и других научил. А главное, привил любовь к искусству детям в школе, где он работает учителем музыки.

«Будущее народного искусства не в том, чтобы раствориться в чем-то среднем для всех краев и народов, а в том, чтобы сохранить эстетическую уникальность», — пишет доктор искусствоведения М. А. Некрасов.

Уникальность югорского искусства ни у кого не вызывает сомнения. Удастся ли ее сохранить? Прошедший фестиваль вызвал у многочисленных гостей грустные мысли о «красивом прощании» с высоким искусством, пришедшим из глубин тысячелетий (по замечанию известного критика Андрея Туркова).

Фестиваль показал, как глубоко запущена ра-

бота по развитию национального творчества северян. Фольклор был представлен только старшим поколением. Молодежь (за исключением единиц) не подхватила эстафету, нить преемственности вот-вот порвется. И возможно, навсегда. Очень медленно меняется репертуар, из года в год показываются одни и те же номера, да и исполнители одни и те же.

Руководители культуры на местах, не знающие языка северян, не разбирающиеся глубоко в обычаях, традициях, народных игрищах, просто брали первых попавшихся на глаза — «поющих, пляшущих звериные песни и танцы» — и на сцену. Это сплошь и рядом выдавалось за кропотливую работу. Хорошо, если те исполнители были истинно талантливы. А если нет? Значит, происходила подмена, совершалась приписка, иначе не назовешь. Не этим ли занимаются отделы культуры районов большой нефти — Сургутского, Нижневартовского? Проведут, к примеру, в городе какое-нибудь мероприятие вроде «Самотлорских ночей» и назовут его фестивалем. Хотя по положению фольклорные фестивали югорского искусства должны проводиться среди коренного населения. Почему ваховские и сургутские ханты остаются в стороне? Положение надо менять. И в корне.

Вот что пишет из таежного поселка Варьеган Василий Соболевич Айваседа, бывший руководитель самодеятельного ансамбля «Пяшитэ», ныне председатель кооператива «Рассвет»: «Мы не показали еще, на что способны. Но нас остановили... Все эти восемь лет одни слова да обещания. В конце концов ребятам надоело ждать изменений к лучшему и разошлись. А вслед за ними и у меня пропало настроение показывать фольклор аганских ненцев...»

Да, письмо Айваседы наводит на размышления. Многие годы широко рекламировались псевдофольклорные ансамбли «Хорам» и «Миснэ». Последний, например, исполняет песню «Миснэ», сочиненную мною на мансийском языке. Свидетельствую: поют на ненецкий лад, ничего не понять, на каком языке.

Выступать-то им приходится не перед мансийскими труженниками, а на столичных сценах, а то и зарубежных.

Кто там разберется? Опять-таки своеобразная приписка к культуре. Обман среди бела дня.

Совсем как в нашей сказке.

Шел Мирсуснэхум по лесу, который стонал от зычного крика: «Гу-у-гу! Гу-у-гу! Корха!»

— Кто это? — спросил удивленный Мирсуснэхум.

— Это я! — раздался голос с вершины высокого дерева. Сидевшая там черная птица пыталась петь голосом пестрого филина:

Я филин — звонкий голос,
Сижу на высоком дереве и пою.
Я звонче всякой птицы...

— Разве птица, сама себя расхваливающая, сильная птица?

— А почему бы и нет?

— Что ж ты поешь чужим голосом?

— Все сейчас кричат чужим голосом. Время такое.

Вгляделся Мирсуснэхум и видит: на вершине дерева сидит ворон и пытается гугукать как мудрый филин.

Недавно близ Сургута археологи открыли так называемого «сайгатинского богатыря». находка говорит о существовании в хантыйском обществе своеобразной культуры, по тонкости и художественности равной высоким образцам средневековых государств. Богатыря похоронили вместе с боевым снаряжением: лук, стрелы, меч, два ножа. На одежде — амулеты, украшения. На глазах в соответствии с древним ритуалом — серебряная фольга. Среди прочих вещей был накосник: хантыйские и мансийские легенды, рассказывая о богатырях, всегда подчеркивали, что они были «косатые», то есть с волосами, заплетенными в косы. И на нашем веку мы видели «косатых» манси и ханты.

В ногах богатыря лежал камень, привезенный издалека (поблизости таковых не было): уважаемым, именитым человеком, видно, был умерший.

«Сайгатинский богатырь» «подтверждает» мнение ученых, что на Ханты-Мансийском Севере жил народ не только высокой культуры, но и обладавший особенными знаниями, умевший обращаться с огнем. Здесь работали металлурги, ювелиры, истинные мастера «звериного стиля». У манси и ханты этот стиль живет и поныне в орнаментах одежды, утвари, не имеющих аналогов в прикладном искусстве современных высокоразвитых народов.

Раньше бытовало мнение, что традиционными у здешних людей были охота и рыболовство, а орудия из бронзы проникали к ним с юга. Но археологи при раскопках нашли не только предметы, но и чаши, тигли, в которых плавился металл, формы для отливки топоров, ножей, копий, украшений. Древние жители хорошо знали секреты плавильного мастерства. В украшениях, например, олова гораздо меньше, чем в орудиях труда. Украшения в основном сделаны из мягкой меди, а топоры — из твердой бронзы.

Откуда сырье? Археологи утверждают, что с Горного Алтая (это более двух тысяч километров), а кварцитовидный песчаник для наконечников стрел, дротиков — с верховьев Кети, а точильные бруски для обработки древков стрел и ножей — из района реки Анжерки. Так что у ханты и манси были широчайшие экономические связи. Можно предположить, что сырье они выменивали на меха.

Найдены и мастерские для изготовления глиняной посуды со специальными круговыми очагами для обжига, что говорит о высоком уровне производства.

Древние люди разводили домашних животных. Они знали коневодство. В хозяйстве держали выносливых низкорослых лошадей.

Летом 1968 года археологи МГУ на территории округа нашли клад — 92 бронзовые отливки.

Загадочные звери с оскаленными пастьми, поджатыми лапами, вытянутыми туловищами... Собака или рысь, волк или бобер? Сразу не скажешь, кого изобразил древний мастер, не проявлявший никакого интереса к реальным формам.

Как считает Вадим Старков, руководитель раскопок, фигурки, пролежавшие в земле более двух тысяч лет,— не украшения, а произведения ритуального искусства. Поражающие нарочитым схематизмом, они изображают предка умершего, его тотем.

И, как утверждают исследователи, «эти находки показали, что археологи столкнулись в Приобье не с какой-то отдельной ветвью скифского искусства, не с изделиями мастеров, лишь копирующих случайно попавшие к ним образцы, но с высоким и самобытным искусством».

Своеобразное видение мира живет и в современных загадках, орнаменте, надписях на скалах, в пантографическом письме манси и ханты. Вот где истоки своеобразного искусства Константина Панкова, первого северного художника, получившего в 1937 году в Париже «Гран-при».

Не забыли ли современные художники Севера оригинальный опыт предков?

Недалеко от Саранпаула, где родился Панков, в таежной деревеньке, на берегу той же реки, еще недавно жил замечательный мансийский мастер Петр Шешкин. Под его охотничьим ножом дерево пело...

А какой одухотворенностью наполнено творчество нашего хантыйского художника Геннадия Райшева! Еще раз я убедился в этом, посмотрев его персональную выставку, прошедшую в 1988 году в Тюмени и Свердловске с очень большим успехом. Собранные под одной крышей его картины производили ошеломляющее впечатление. Будто ты попал в храм сказки, где языческая древность причудливо соприкасается с современностью.

Творчество Райшева, его экзотические картины не модное трюкачество, а естественное продолжение

художественного взгляда народа, идущего от «звериного стиля». Каждое его произведение как орнамент — многозвучно, многозначно. В краю морозов, темных зимних ночей откуда столько золота, тепла, солнца? Мечта? Надежда? Он сохранил свет души человека Севера.

Но почему этот замечательный художник не живет в Ханты-Мансийске? Почему он вынужден вот уже около тридцати лет ютиться в двух комнатных гда-то в Свердловской области? Почему, если о ком-то родится добрая слава, то сразу кричат — наш! Когда нужно помочь делом — отворачиваются, замолкают... А порой и просто называют беглецом...

А еще, как наши горы,
Я прошу любить узоры,
Те рогатые разводы,
Те крылатые мечты...
Нет красивей этой моды,
Этой древней красоты!

В начале весны на Крайнем Севере отмечают национальные праздники, связанные с окончанием зимнего охотничьего сезона, с перегоним оленей на летние пастбища. Люди приезжают целыми семьями. В красный, синий, зеленый и желтый цвета расписаны легкие скользящие нарты. Упряжь расшита бисером, украшена костяными гравированными пластинами, красными и синими шерстяными кисточками, металлическими бляхами, меховыми помпонами. В центре праздника всегда гонки на оленьих упряжках...

Красочности зрелища в значительной степени способствуют расшитые нарядные костюмы, кисы, пояса. К сожалению, подобной одежды даже у оленеводов становится все меньше и меньше. Не исчезнет ли эта красота?

Изготовление одежды, обуви, посуды было для народов Крайнего Севера не только практической, но и духовной потребностью. Развитие творческих возможностей каждой личности способствовало сохранению этической общности в экстремальных

климатических условиях, явилось основным механизмом приспособляемости и выживания.

Последние полвека это нарушалось. Духовное наследие народов Севера не просто оценивалось по устоявшимся европейским стандартам, но и искоренялось, как «отсталое и непрогрессивное». Отвергается исторический опыт жизни и творчества в суровых условиях, социально-психологические и культурно-экологические особенности развития северян.

Но разве пришлым шабашникам, временщикам, чиновникам от культуры понять это?! А надо бы! Думать, что искусство народностей Севера отжило свой век, не только противоестественно, но и античеловечно. Хочется надеяться, что оно не умрет, как жаждут «интернационалисты», а найдет в своем развитии новые формы, имеющие историческую перспективу.

Сегодня рук предивные творенья нынешних мастеров можно видеть в залах окружного Дома творчества народностей Севера. Здесь развернута новая экспозиция, состоящая из произведений прикладного искусства. Собрание существенно пополнено за последнее время в результате сотрудничества с Художественным фондом РСФСР, его представителем на Тюменском Севере искусствоведом Александром Видиновым. Здесь демонстрируются уникальные предметы национальной одежды и обуви, украшения из бисера, музыкальные инструменты — всего свыше 200 образцов.

Но, конечно, одна такая экспозиция не способна заменить научный центр по изучению и развитию национальной культуры. Сейчас для этого делаются только первые шаги. Совместно с Новосибирской консерваторией подготовлен сборник наигрышей на нарсьюхе (музыкальный инструмент с пятью струнами-жилами, напоминающий лодку), комплектуется серия пластинок «Музыкальное наследие ханты и манси, ненцев». В сотрудничестве с учеными Эстонской ССР готовится к изданию «Живая этнография

ханты и манси». Наш Дом творчества запланировал работу над сборниками хантыйского и мансийского фольклора в составе 60-томного собрания фольклора народов Сибири, осуществляемого Сибирским отделением АН СССР.

Следует учесть, что научных изданий, сказок, легенд, мифов, мудрого слова «медвежьих игрищ», представляющих из себя, в сущности, своеобразный народный театр, не было у нас с 30-х годов. Хотя этот фольклор давно известен за рубежом. С середины прошлого века на Обском Севере побывали крупные венгерские, финские, немецкие ученые. Они сделали уникальные записи, изданные в Венгрии и Финляндии на языке оригинала, а также на венгерском и немецком. Некоторые мансийские и хантыйские диалекты исчезли. И сегодня мы можем познакомиться с ними лишь благодаря этим источникам, не имеющим цены. Почему же богатейшее достояние не может стать доступным если не в доме каждого ханты-мансийца, то хотя бы школам, учебным заведениям, клубам? Не только может, но и должно! Необходимо что-то делать.

Но у нас нет ни научных учреждений, ни институтов. А скажем, у ханты сегодня нет ни одного кандидата филологических наук. Поэтому нелегкую работу можно сдвинуть только силами окружного Дома народного творчества, в котором есть настоящие энтузиасты. Мы намерены широко привлекать интеллигенцию, которой небезразлична судьба родного фольклора. Готовы сотрудничать с нами и физик-атомщик Михаил Соип, и учитель математики Леонид Костин, и филолог Николай Сайнахов. Все они уже как члены творческой мастерской «Крылья белого журавля» получили от автора этих строк тома «Вогульского фольклора», изданного в Хельсинки.

Все яснее понимаешь, что для подлинного развития национальной культуры необходимо иметь не просто общее хореографическое, музыкальное или иное образование, а дополнительно к нему глубоко

изучить искусство ханты и манси, быть его носителем. Сегодня дилетантизм со свойственной ему самоуверенностью, напористостью, апелляцией к массовому мнению подменяет подлинное искусство бескорневым эклектизмом. Поэтому на выставки привозились нелепые экспонаты. А участники фестивалей не раз жаловались, что истинные фольклорные песни забраковывались, как «длинные и нудные», танцевать их заставляли «в темпе» и все номера требовали «осовременить».

Самим северянам надо формировать общественное мнение, пропагандировать и разъяснять не всем понятное искусство Севера.

«Вопрос не в том, сохранить или нет самобытнейшую культуру северных народов, а в том, как это лучше сделать в условиях тенденции к интернационализации культур», — писал академик А. П. Окладников.

Наша задача первоочередная: сохранить эталон югорского искусства с его «звериным стилем», пришедшим из времен не только скифской, но и шумерской цивилизации.

...Я стою на семи холмах. Вернее, на одном из них. Рядом вековые кедры. Внизу Ханты-Мансийск.

У каждого холма, сказывают старики, был когда-то свой дух предка, свой покровитель. И гимн у каждого свой. Музыка, похожая на орнамент меховой одежды.

Посреди поляны, окаймленной кедами, избушка на курьих ножках, навес для копчения рыбы. У каждой таежной избушки свое предназначение. Одна для промысловых припасов, другая для одежды... В этой особенной, почерневшей от времени, по хантыйскому обычаю, хранились кости медвежьих голов, «низведенных», лишенных жизни охотниками. По поверьям древних, нельзя ничего выбрасывать. Каждая сбереженная косточка — начало новой жизни. Все в природе возрождается, если относиться ко всему с почтением, бережно. Опыт экологического воспитания народностей Севера ждет изучения.

Загадочно смотрят семь идолов на кострище перед капищем. Капище белое. И ножка его белая. И лесенка белая. Не успели еще почернеть от времени. Срубили капище вместе с идолами недавно. У всех у них разные головы, разные лица. Выше всех семиголовый. Так и кажется, что он будет больше всех орать и требовать жертв. А за капищем, в сторонке, стоит восьмой. Самсай — его имя. Стоит в тени, как притаившийся наблюдатель. Куда устремлены его глаза? На идолов? Или на тех, кто придет сюда? Кто они будут? Огнепоклонники, строители, разрушители, хранители духовных богатств прошлого, любопытные туристы или просто бездушные наблюдатели?

Сотворил скульптуры Геннадий Райшев с помощью Леонида Юдина, методиста Дома творчества народностей Севера. А капище возвел Владимир Волдин, молодой художник, стремящийся в своем творчестве развить мастерство предков. Это первые экспонаты музея-заповедника «Торум-маа» (Небесная земля) появились 12 сентября 1987 года. К его торжественному открытию, которое было приурочено к 70-летию Великого Октября, на холме возникло уже целое стойбище. Летняя изба, три избышки на курьих ножках, коптильня, хлебная печь. Глядя на избу — своеобразное сооружение с древним комельком-чувалом, с бревенчатой крышей, из-под которой выглядывает береста, можно увидеть и... новые свежееотесанные бревна. Так пришлось латать пробоины, оставленные геологами, которые, посещая избу, срывали бревна, чтобы растопить чувал. Если бы ее не перевезли сюда, на холм, то и всю бы сожгли. Сколько таких сожженных изб, деревень! Я помню не только их экзотические названия: Люликары, Резимово, Самотнел... Да, трудно представить, но хоть и нет войны, но дома горят и стойбища исчезают. С ними исчезает и древняя культура.

Когда было объявлено о «неперспективных» деревнях, то люди вынуждены были переселяться в

селения, где есть школа, магазин. Первое время брошенные экзотические юрты на живописных берегах Сосьвы служили как бы дачами. Летом, после окончания учебного года, переезжали сюда семьями. Рыбачили, жили жизнью предков, своей жизнью, стараясь как бы остановить время, найти согласие с природой, с самим собой. Но прежнее уже было не вернуть. Вслед за геологами пришли эксплуатационники, строители трубопроводов. Они и поэксплуатировали нашу землю. Да так, что не осталось этих экзотических деревень и взамен нового не построили.

Понимая, как важно сохранить наследие прошлого, окружной комитет КПСС и окрисполком приняли решение о создании архитектурно-этнографического парка-музея югорского искусства под открытым небом с филиалами на местах.

Многие века живописные ханты-мансийские холмы служили местом паломничества рыбаков, охотников, оленеводов. Сюда они шли со своими думами. Каждый из семи холмов имел своих покровителей, духов предков, гимн. Оживить эти холмы и призван музей-заповедник «Торум-маа».

За полтора месяца энтузиасты возвели старинный хантыйский дом с окружающей обстановкой. А потом стал расти и мансийский холм.

Но уже сейчас музею нужна помощь. Он вырос незаконнорожденным. И потому нет штатов не только для экскурсоводов, научных сотрудников, но и для сторожей. И никто не спешит решать эти вопросы. Утешает лишь то, что люди охотно приходят сюда. По триста, четыреста человек бывает за день.

Хочется надеяться, что время перестройки сломает привычные инструкции и этнографический музей «Торум-маа» получит и штаты, и все права для нормальной духовной жизни. И как можно быстрее!

Те, кому дорого уникальное искусство народностей Севера, могут внести свой вклад в фонд музея-заповедника (счет № 14215 в Промстройбанке Ханты-Мансийска).

Поддержали нас и руководители крупных предприятий нашего округа — руководитель Ханты-Мансийского геофизического треста Иса Султанович Муртаев, главный инженер треста Иртышгеологстрой Виктор Михайлович Ахметов, начальник окружного управления связи Сергей Матвеевич Каюков.

Не перевелись еще мастера по шитью изделий из меха, резчики по дереву и кости.

Надо только их выявить, поддержать, окружить вниманием, почетом (да, почетом!), создать им творческое настроение. Возглавить эту гуманную деятельность призваны культработники, учителя, вся национальная интеллигенция.

На весь окружной центр всего несколько человек, владеющих мансийским языком. И потому долгое время не говорило на нем радио, не выходила газета. (Сейчас выпускается небольшое приложение к окружной газете.)

Из 29 национальных школ округа (хантыйских и мансийских) родной язык преподается только в 21-й, причем после долгого перерыва. Говорят, некому преподавать. Но откуда взяться учителям, если на факультете народов Севера Ленинградского пединститута преподавательница мансийского практически им не владеет. Не раз и не два обращалась наша национальная интеллигенция в бывшее Министерство просвещения РСФСР и в газеты, но находились «добряки», защищавшие «мансийку»...

Часто ссылаются на нехватку учебников для северных школ. Это неправда! Ни в одной стране, как в нашей, не поставлено так хорошо издание учебников, букварей, книг для малочисленных народностей. Ленинградское отделение издательства «Просвещение» ежегодно выпускает десятки изданий для маленьких ханты, манси, чукчей, эвенков. Даже есть уже учебник для юкагиров, которых насчитывается немногим более 600 человек. И алфавит, и текст составил Гавриил Курилов, кандидат филологических наук и поэт.

Недавно на мансийском языке вышла моя книга для чтения «Песня природы». Как мне сообщили, во многих мансийских деревнях, где есть школы, ее нет. И в Ханты-Мансийске автору трудно было достать несколько штук. Куда делись две тысячи экземпляров? Знаю, 500 послано в поселок Саранпаул, где в основном живут... коми. А остальные где? И это не первый случай. Для чиновников-«североведов», видимо, без разницы, куда ее посылать — на Таймыр ли, на Чукотку...

Проблема в том, что и в министерствах, и в облоно, и в окроно, и в районо работают люди некомпетентные, путающие манси с ханты или с венцами. И часто мансийские книги посылают к ханты, и наоборот. А по истечении времени эти издания просто сжигаются. Поэтому необходимо, чтобы в органах народного образования, как и в окружках КПСС, окрисполкомах, работали люди со знанием языков коренных народностей Севера.

Но есть и надежда на хорошие перемены. В Ханты-Мансийском национальном педучилище благодаря усилиям директора Зинаиды Павловны Тюменцевой (сейчас она заведующая окроно) и педагогов налаживается подготовка национальных кадров. Но ей необходима помощь всей национальной интеллигенции, а главное — окрисполкома.

Не раз мне приходилось обращаться туда по вопросам нашей культуры, жизни, быта. И письменно, и устно. Однако многие обращения остались без ответа. А иногда оказывалось и просто противодействие, особенно строительству музея-заповедника «Торум-маа».

И увидел однажды Мирсуснэхум настоящего филина. Несказанно обрадовался. С высокой вершины филин вещал:

Я филин — мохнатые уши.

Я филин — честные глаза.

Я филин — ночная дума.

Сижу на высоком дереве и гугукаю.

Попробуй напади злой дух — заклюю.
Попробуй навались горячка — выгоню.
Я сильнее всякой птицы,
Летающей в поднебесье.
Я могучее всякого зверя,
Бегающего по земле...
Я мудрее всякого думающего.

— Разве птица, сама себя расхваливающая, сильная птица? — спросил Мирсуснэхум.

— Птице сверху виднее!

Многие руководители в Ханты-Мансийске «перестроились» лишь на словах. На реальную жизнь смотрят свысока. Например, на заседаниях окрисполкома много громких, душещипательных слов говорят о положении народностей Севера, оперируя цитатами Энгельса. А положение народностей мало меняется к лучшему. Все остается на бумаге. Решений много, дела мало. Таким философам опуститься бы на землю манси и ханты с ее таежными заповедями и законами. И у нас есть своя незаемная философия, опыт тысячелетнего бытия на суровой земле. Не зная этих немудреных заповедей, невозможно быть здесь не только руководителем, но и просто человеком. За их нарушение Север мстит.

Смотрит Мирсуснэхум на высокое дерево, где сидит птица, и думает: «Может, это ворон, а не филин говорит. Птицы, как и люди, имеют привычку рядиться в чужую одежду и говорить чужим голосом».

— А где филин? — рассердившись, спросил Мирсуснэхум. — Почему он прячется?

— Я не прячусь. Сажу вот на ветке, слушаю, думаю... Что хочу я вам сказать. Стремясь к возвышенному, нельзя путать крик птицы с думами мудреца. Не тот мудрец и герой, кто с высокого дерева складно и громко кричит. А тот, кто понял, что жить по совести и чести есть самое высокое, что дала ему Природа, а самое худшее — разлад Слова с Делом.

И еще сказал филин: не заговорить бы Перестройку. Разбудить бы Человека. Совесть его расшевелить бы!

— А осталась ли у человека совесть?

— Это спроси у людей.

— У манси и ханты?

— Нет, у новых людей, у пришельцев спрашивай.

И еще спросил Мирсуснэхум филина:

— Что дороже тебе: имя или крылья?

— И то и другое.

— Почему?

— Важно знать самому, чего ты хочешь: крылья или имя. Важно не быть пустым в душе, когда начинаешь трудовой день, важно знать, в чем ты был тверд, в чем отступился от своих заветов, для чего ты живешь и трудишься.

О сложности национальных процессов, происходящих на Обском Севере, по-моему, красноречиво говорят ответы на вопросы анкеты Института проблем освоения Севера Сибирского отделения АН СССР. На нее ответили свыше 2000 человек — от школьников до пенсионеров, представители почти всех национальностей, проживающих в округе. Выявился широкий спектр мнений, подчас прямо противоположных...¹

Это вызывается, конечно, и различиями в материальном положении, реально существующими между ханты, манси и другим населением округа. Различие настолько не в пользу народов Севера, что они готовы считать более благополучными для себя сталинские и даже дореволюционные времена. Об этом свидетельствуют такого рода высказывания: «Народы Севера гораздо лучше жили при романовской династии».

¹ Материалы подготовлены для публикации бывшим заместителем заведующего идеологическим отделом Ханты-Мансийского окружкома КПСС В. Анисимовым.

В подтверждение приводятся факты из книги А. Дунина-Горкавича «Север Тобольской губернии», изданной в Тобольске в 1897 году: «...лет 15 назад юганские остяки привозили в Сургут заячьи шкуры возами, а зайцы водились даже на окраинах города Сургута», «в хорошие годы ее (белку) добывают по Ваху около 250 тысяч штук и по Югану — около 100 тысяч штук».

Есть попытки доказать благополучие ханты и манси ссылками на дореволюционное законодательство: «Из законов о правах по имуществу кочевых инородцев видно, что каждому поколению, роду назначены во владения земли и воды и что поселение на этих землях обусловливается согласием инородцев, каково должно быть закреплено договором».

В таком же духе выдержаны высказывания о жизни в 30—50-х годах XX века: «Нам лучше жилось при сталинских временах», «все националы работали по своим местам: рыбачили, добывали пушнину, лес заготавливали. Везде (райком партии, райисполком, прокуратура, милиция, культура, здравоохранение, торговля) работали ханты и манси, с ними же были русские. Все было в согласии, вот это был интернационализм. Дома никто не закрывал. Сети, лодки на берегу никто не воровал. Совет устанавливал (посоветовавшись с народом) сроки: когда ягоды собирать, когда шишку бить, рыбу ловить, дичь стрелять... Что нам дала нефть? Миллион тонн добычи нефти в сутки и тут же миллион убытка».

В описаниях нынешнего положения ханты и манси преобладают негативные и мрачные оценки. В одном из писем была прислана фотография с комментариями: «На фотографии одна из семей ханты. В ней пятеро детей. Семья живет тем, что добудет: в озере есть рыба, которую нельзя ловить; прилетают гуси, утки, которых нельзя стрелять; вот и проживи ханты в свои 37 лет с пятью детьми на среднюю зарплату в 26 рублей».

Среди причин бедственного положения коренного

населения участники опроса на первое место поставили развитие нефтегазового комплекса: «...посмотрите, что делается вокруг! Найдите хоть одно озеро без следов нефти в воде или хоть одну чистую речку! Посмотрите, как ведется добыча нефти, сколько ее разлито на кустах, вдоль нефтеносных сетей, большинство которых лежит на поверхности», «...на ДНС (дожимные насосные станции) частые выбросы, буровики льют нефть куда попало, лопаются нефтегазопроводы, уничтожается все», «...и дело не только в коренном населении, ведь мы уничтожаем сами себя».

Попутно раскрываются профессиональные «секреты»: «Разлитую нефть по приказам некоторых

руководителей НГДУ (нефтегазодобывающие управления) сбрасывают в ближайший водоем или поджигают, если близко нет построек». И делается вполне закономерный вывод: «Вот и судите, какие блага местному населению несут наши министерства и ведомства». «Знакомый ханты рассказывал, что за два года он с двумя сыновьями срубил пять домов и везде его выжили нефтяники — потравили рыбу в озерах, сбрасывая в них нефть и химические продукты бурения. А мародерство людей, работающих на буровых! Они ломали орудия лова или просто воровали их, разбирали загородки, поставленные на ручьях, стреляли оленей, которые впоследствии разбежались».

Правда, представители некоторых отраслей пытаются принизить свою долю ответственности. Например, «только зря при перечислении виновников перечень начинают с геологов. Ущерб, наносимый геологами, капля в море по сравнению с тем, что творят нефтяники и строители нефте- и газопроводов. Геологи виноваты, может, в том, что они открыли нефтяные и газовые месторождения».

Однако факты с таким ведомственным патриотизмом не очень согласуются: «Что можно сказать о той земле, где стояла буровая, в радиусе 1,5—2 километра жизни нет».

Поэтому более честной выглядит другая позиция: «Мне очень стыдно перед коренными жителями за то, что мы здесь натворили».

И можно понять людей, которые не сдерживают эмоции: «Во что превратился наш регион? Смотришь на весь этот разгром родной природы, и сердце кровью обливается», «Больше писать не могу, сжалось от негодования сердце».

В письмах называются и другие причины того, что происходит с коренным населением: «Никто не отрицает, что их выживают со своих мест нефтяники и другие, но мне кажется, очень многие из ханты стали меньше заниматься традиционной работой», «Мне кажется, что вымирание местных народов

связано с их родословным происхождением (генетика), все остальное не в счет», «Я считаю, что зыряне, ханты и манси — очень ленивый народ. Насколько я знаю и видела много малых народностей, везде они сохраняют свой язык и культуру, одежду... Сколько живу здесь, видела ханты, большинство из них русские, они даже «здравствуйте» на своем языке не знают. Так что выход один — им самим избавиться от пьянства и лени, а не бить себя в грудь, глянь-ка, унизили их, растоптали», «Нужно всем честно работать, а спиться — много ума не надо. Разницы нет, какая национальность», «Не считаю, что коренное население кем-то обижено! Они привыкли жить легко, за чужой счет. Им всю жизнь со времен установления Советской власти все помогают. Не пора ли кончать заниматься тунеядством? Тот, кто не ленится, живет прекрасно. А лентяи только пьют да ждут, чтоб им помогали», «Поменьше им льгот. Им интернаты, им лекарство бесплатно, и рыбу они могут ловить отменную, а на каком основании, а кто на них должен работать, они в основном — 50 % — алкоголики и лодыри», «Наш совет: прекратить полемику на тему «помощи бедным, замученным». То их в «Красную книгу», то для них «заповедник». Скоро на Луну предложите их переселить. Пусть трудятся наравне со всеми и не сидят нахлебниками у государства. А государство — это мы. Кто им помог стать учеными, поэтами, писателями, журналистами, как не те же русские. И теперь вы своими анкетами разжигаете национализм и неприязнь».

Думается, что читатели сами оценят правильность таких высказываний, но привести их необходимо. Во-первых, потому, что достаточно распространены, во-вторых, они отражают поверхностное, даже пренебрежительное отношение к коренному населению. Некоторые авторы писем это отмечают: «Я всю свою сознательную жизнь прожил здесь и вижу, как на моих глазах уничтожаются рода ханты, ненцев. А все из-за того, что много стало приез-

жих, которые не считают аборигенов за людей».

И уж тем более это чувствуют сами ханты и манси: «Я, как коренная жительница, очень рада, что наконец-то стали замечать и уделять внимание коренным жителям Севера. Я еще молодая, мне всего лишь 25 лет, но я за это время пережила много душевных ран, и порой думается, что только потому, что я родилась по национальности ханты. Сколько раз я замечала, что если ханты, то у людей какое-то пренебрежение к этому человеку. Хотя в том, что случилось с этой нацией, я считаю, виноваты «пришельцы»... У нас, если ханты идет в национальной одежде, все на него смотрят как на музейную редкость, а рядом никто и не стоит, и не ходит, боятся, как прокаженного», «Я — коренной житель Севера и по национальности манси, и мне хочется сказать: очень уж мы себя чувствуем неуютно в своем краю. Ведь в основном ханты и манси в таких городах, как Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, стараются скрыть свою национальность, так как на нас смотрят как на неполноценных людей, и это наблюдается не только со стороны простых людей, но и со стороны председателей горрайисполкомов и секретарей горрайкомов партии», «Я часто наблюдаю такую картину: стоит появиться ханты в национальной одежде, как на лицах окружающих возникают ехидные улыбочки, смешочки — дескать, дикарь появился. Сами-то далеко ли ушли? Всю Сибирь разворовали... Зло берет от такого отношения к ханты. А ведь они доверчивы и легко ранимы, как дети».

Некоторые склонны видеть очень мрачной перспективу для народов Севера: «У наших ханты такая же участь, как у коренных жителей Австралии, Северной и Южной Америки. Там пришли колонисты, а у нас — коммунисты. У них официальные резервации, а у нас подпольные, чтоб на Западе не узнали», «Глубоко уверен, что только реальная автономия округа сможет решить наши проблемы! Но также глубоко уверен, что ее не будет, так как против

этого руководство области», «Чтобы помочь коренным народам Севера в их положении, нужно прекратить все промышленные разработки и добычу полезных ископаемых, но так как это нереально, то помочь им просто невозможно».

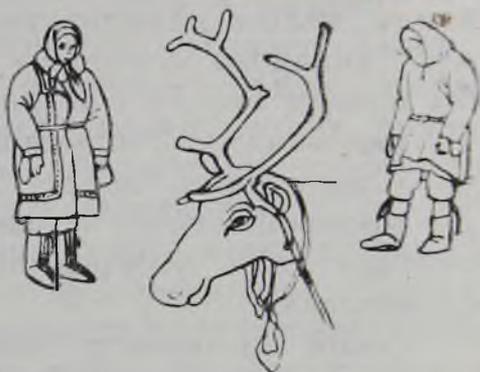
Но преобладают более взвешенные, конструктивные подходы: «Считаю, что в погоне за сиюминутной прибылью забыли о коренных жителях, об укладе жизни, их нравах. Поэтому пора остановиться, хоть немного оглянуться и подумать, что мы можем сделать для народов ханты и манси».

И очень много предложений: «Только Закон о социальной, правовой и территориальной защите коренного населения может спасти его от полной деградация и вымирания», «Нельзя ли ставить буровые как можно дальше от населенных пунктов?», «Нужно оговорить в Законе такую важную деталь: экология выше любого плана производства». «Привлекать к уголовной ответственности нарушителей экологии», «Нужны конкретные меры по очистке рек от нефтепродуктов», «Рыбинспекции, охотинспекции поставить на свое место, то есть не гоняться за рыбаками по рекам, за лишним пойманным чебаком, а закрепить их за нефтегазопромыслами, всевозможным строительством», «Должны начать создаваться фонды социальной реабилитации народов Севера», «Запретить любой ввоз спиртных напитков для местного населения», «Основой каких-либо принятых решений должно быть пожелание самих коренных народов», «Если по-серьезному решать проблемы наших коренных народов, то надо попытаться собрать их где-то вместе, хотя бы человек 300, заслушать всех желающих, сказать свои предложения и на этой основе принять жизненно важные решения», «Нужно идти в народ. Собственная национальная интеллигенция на данном этапе оторвалась от народа. Ее заботит только стремление к престижности», «Пока мы не будем иметь своих коренных специалистов по всем специальностям, мы будем только ущерб наносить и земле, и людям», «Я не

против того, чтобы к нам ехали люди, но пусть едут только те, в ком есть нужда», «Еще лучше было бы, если труд пастуха-оленевода, охотника-профессионала, рыбака оценивали одинаково с нефтегазодобытчиками», «Про Ханты-Мансийск говорят (по радио) только о температуре, и все, а это — столица округа», «Я ничего не знаю о культуре и языке манси и ханты», «Судьбу народов Севера должны решать они сами!!! А мы должны им в этом помочь», «Давайте все вместе не дадим исчезнуть с лица земли малым народностям с их талантами, жизненным укладом, историей», «Я бы очень хотела, чтобы начали борьбу с выражениями «большая земля», «малая земля». Это унижает, иссушает душу коренного населения, делает их людьми второго сорта. До промышленного освоения наших территорий мы считали себя неотъемлемой частью Советского государства».

Такой вот спектр мнений выявил опрос. Такие проблемы нам надо всем вместе обсуждать, чтобы найти верные пути к общему многонациональному будущему с гармонией между людьми и людей с природой.

СЛОВО К ЗЕМЛЯКАМ

Дорогие земляки, братья и сестры, ханты и манси, ненцы и русские, советские люди! Оставим на мгновение свои дела, оглядимся на воду, лес, небо и задумаемся: как сохранить природу вокруг и природу в себе? Ведь совсем недавно тайга наша славилась дичью, реки плескались рыбой, а небо звенело журавлиной песней.

Белых журавлей-стерхов остались единицы. Ханты и манси стало мало. Из 8 тысяч манси половина не говорит на родном языке.

Наш народ вместе с другими народами встал на тернистый путь перестройки. Большие дела и благие намерения пробудили в его душе надежду. Но содрогнется сердце при виде чайки, почерневшей от нефти, и реки, покрытой нефтяной пленкой.

содрогается душа, когда забвение покрывает обычаи и традиции, когда уничтожаются и оскверняются кладбища, капища, малые деревни, памятники югорской культуры...

Неужели мы утратим такие исконные черты северного характера, как искренность, прямота, высокая нравственность, гостеприимство, верность в дружбе, неприятие лжи, обмана?

Для человека любой национальности важно умение сохранить естество. Самобытность идет от природы. Она — ее часть. Поэтому сберечь природу — значит сберечь естественное начало в людях, которое нельзя заменить чем-то искусственным, фальшивым. Такая замена для любого человека, тем более северянина, по натуре открытого, щедрого, искреннего, гибель, конец духовного роста.

Задумаемся — и поймем причины духовного обнищания, упадка нравов, пьянства, наркомании, роста самоубийств и преступности...

Служит ли нефть югорской земле, ее коренным жителям? Почему богатейшая кладовая сокровищ не может обеспечить своих детей самыми необходимыми условиями существования — жильем, продовольствием, одеждой? Почему многие не могут защитить семью от распада? Как возвысить достоинство женщины-матери?

Не приведет ли дальнейшее увеличение добычи нефти, строительство нефтеперерабатывающих заводов к исчезновению не только осетра, нельмы, муксуна, но и обыкновенной щуки?

С последней рыбой исчезнет не только профессия рыбака, но и ханты, и манси, и певучий язык, и сказки, в которых запечатлена седая древность.

Наша бездуховность, наше безответственное долготерпение, утрата исторической памяти и исторического мышления, ненасытная жажда ведомственных магнатов черпать нефть любой ценой поставили нас всех перед угрозой экологической катастрофы.

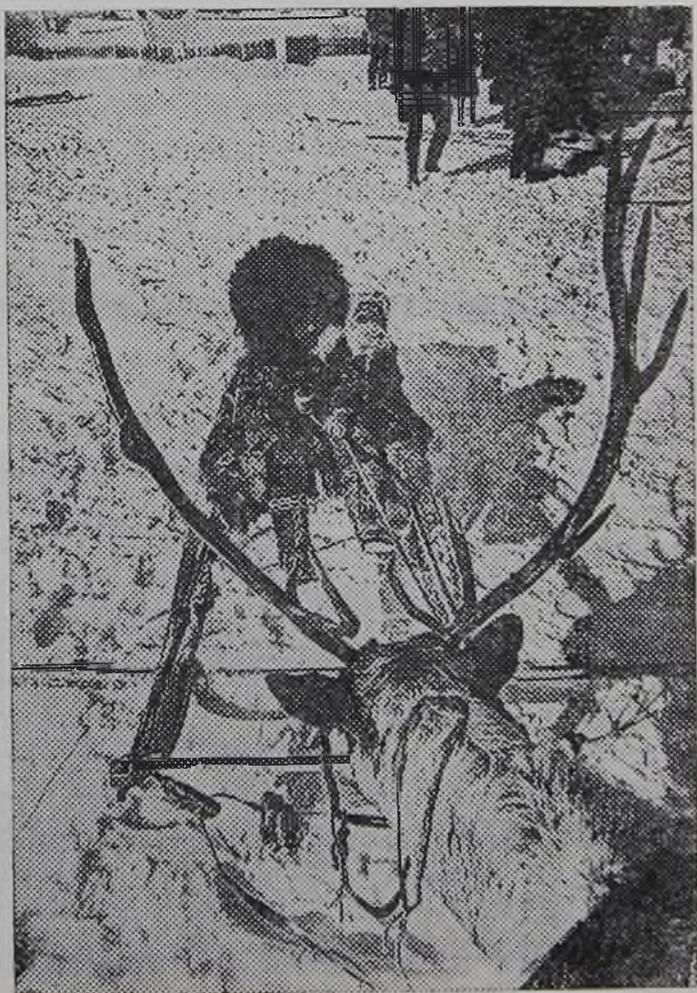
Но пусть душа наполнится не просто скорбью,

а Верой и Светом во имя жизни наших детей и внуков, во имя возрождения, сохранения и развития Природы и Человека.

Зажжем сердце огнем творчества и обратимся к добрым деяниям, к подлинной духовности и культуре, отринем стилизованную псевдокультуру, не имеющую корней.

Защитим и возвысим священные понятия чести, совести, имени северянина, его земли — Югры. И тогда не окажется места в нашей жизни для бездуховности, не оскудеет культура и память народная.

Превознося языческую вечность,
Ликуя у истоков своего,
О люди, сохраните человечность —
Последнее на свете божество.

Всякая человеческая деятельность должна оцениваться не кубометрами и тоннами, а улыбкой ребенка, счастьем матери, мудрым спокойствием бабушки и дедушки.

И это будет тогда, когда стол не пуст, магазин не пуст, когда есть во что одеться, а охотники и рыбаки могут не просто провести зорьку на природе, но и добавить к семейному столу что-то существенное.

В последнее время стало модным обвинение в «объедании» одного народа другим. Это не так. В долгу перед нами административно-командная система, которая «объедает» всех, некомпетентно планируя, неправильно используя землю, все-народные ресурсы.

За что же конкретно нам надо бороться?

В первую очередь за то, чтобы был узаконен и неукоснительно выполнялся порядок преимущественного выделения и поставок нам промышленных и продовольственных товаров из центральных фондов. За изъятие наших богатств страна должна расплачиваться снабжением всего населения, а не отдельно избранных групп.

Предлагаю бороться за:

— Установление независимо от ведомственной подчиненности единицы районного коэффициента к оплате труда — 1,7;

— введение районного коэффициента к пенсиям и пособиям;

— присвоение звания «Мать-героиня» женщинам, родившим и воспитавшим семерых и более детей;

— за истинную, а не мнимую (как нынче) автономию округа. Он должен напрямую подчиняться правительству РСФСР, а его бюджет формироваться за счет отчислений промышленности.

Пора пересмотреть экономические и социальные льготы народностей Севера, перейти на научно обоснованные закупочные цены для всех видов продукции оленеводства, охоты, рыболовства. (Почему соболь стоит 18 рублей, а белка 3 рубля?)

Найти эффективные меры возмещения экологического ущерба, наносимого всей природе нашей промышленным освоением.

Необходимо срочно добиться средств и ресурсов для строительства жилья, клубов, школ, детских садов как в крупных селах, так и в малых деревнях. В этом могли бы реально помочь нефтяники, газовики, геологи. Ведь это даже не шефская помощь, а необходимое (по закону) компенсационное строительство в национальных поселках, часть большого долга покорителей природы перед охотниками, рыбаками, оленеводами Севера. Рано или поздно его придется вернуть. Но почему медлят?

Пора добиться средств и ресурсов для строительства Ханты-Мансийска. Провести от него бетонную дорогу до магистральной. Проложить газопровод. (Хватит дымить углем!) Построить Дом югорского искусства с картинной галереей.

Превратим наш город в здравницу, а этнографический музей на семи кедровых холмах — в собрание уникальной культуры!

**ДОКУМЕНТЫ, ПРИНЯТЫЕ НА I СЪЕЗДЕ
КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО ОКРУГА
10—11 АВГУСТА 1989 ГОДА**

Программа «Возрождение»

Каждый народ независимо от своей численности имеет право на саморазвитие. Для коренных народов Тюменского Севера право на саморазвитие на нынешнем этапе неразрывно связано с обеспечением возможности этнического выживания. Утверждается приоритет самобытности народной жизни над интересами промышленного освоения.

Материальной основой развития народов является их суверенное право на землю и ее недра. Безусловной ценностью признается обеспечение условий возрождения традиционного образа жизни. При этом уважается свобода выбора образа жизни в соответствии с интересами как того или иного народа в целом, так и каждой этнической общности, личности.

Духовной основой саморазвития народа является возрождение его национальной культуры, для которой традиционно единение человека с природой.

Исходя из уникальности и самоценности любого народа, возрождение каждого народа не может быть достигнуто в ущерб другим народам региона. Гармонизация этнических интересов — условие возрождения и развития каждого из народов региона.

Преимущество исторического опыта органического взаимодействия народов Севера с природой является основой культуры освоения региона.

I Суверенитет народов

1. Высшим органом власти является окружной Совет народных депутатов. Он обладает всей полнотой власти на территории округа и принимает на основе всенародного обсуждения Закон о статусе автономного округа.

2. Предполагается двухпалатный орган власти территории расселения: Совет территории — на основе пропорционального представительства от всего населения и Совет народов — 50 % его составляют представители коренных народов и 50 % — на основе равных квот представители других народов, проживающих на территории округа.

Такая структура — условие консенсуса при решении этнических и межнациональных проблем.

3. Автономия округа предполагается в рамках Союза ССР: общесоюзные и республиканские законы вступают в силу на территории округа только после утверждения их высшим органом власти округа.

4. Коренные народы Севера имеют право на объединение в различные общественные организации, ассоциации, комитеты, конференции. Этим объединениям обеспечивается возможность участия в международных неправительственных организациях.

5. В рамках автономного округа предусматривается создание национальных поселков, районов. Вопросы, затрагивающие интересы первичных территориальных образований, решаются местными органами самоуправления.

6. Каждой национально-территориальной общности, каждому гражданину гарантируется право свободного выбора образа жизни в рамках существующего законодательства.

II Экономический суверенитет

1. Коренным народностям обеспечивается суверенное право на землю и ее недра.

2. В рамках округа могут вычленяться территории промышленного освоения. За Советом округа признается исключительное право на установление границ и режима промышленного освоения.

3. Обеспечивается полное самоопределение относительно норм собственности (родовая, частная, кооперативная, коммунальная и т. д.).

4. Обеспечивается полная собственность на все продукты, произведенные на территории округа. Должна быть преодолена государственная монополия на распоряжение этими продуктами.

5. Отношения с госбюджетами области, республики, страны строятся на принципах долговременных, стабильных и фиксированных отчислений.

6. Бюджеты Советов формируются за счет отчислений предприятий, действующих на подвластной соответствующему Совету территории, и из налогов населения.

7. Признать целесообразным создание общественного фонда и банка выживания и возрождения народов Севера.

8. Отчуждение земли возможно только с согласия Совета, принцип компенсации является обязательным. Округной Совет устанавливает размеры компенсации за использование территорий, отчуждаемых в целях промышленного освоения.

9. Считать приоритетной целью расширение зоны, вы-

водимой из-под промышленного освоения, с последующей рекультивацией за счет использовавших ее предприятий.

10. Признается, что самостоятельность и самоуправление как принципы жизнедеятельности общества возможны лишь при условии установления законом собственности каждого в общественной собственности.

11. Провести комплексную социально-экологическую и гуманитарную экспертизу практики промышленного освоения региона в целях ее изменения ради приоритета народной жизни.

III Духовное возрождение

Только на основании предлагаемых экономических и политических преобразований возможно возрождение и расцвет самобытной национальной культуры и национального самосознания коренных народов округа.

1. основополагающим предлагается принцип двуязычия (средства массовой информации, делопроизводство).

2. Вопросы формирования политики в области народного образования находятся в преимущественной компетенции округа.

3. Национальная культура коренных народов округа получает приоритетное развитие, при этом правом на культурную автономию обладают все народы, проживающие на территории округа.

4. Памятники культуры, культовые места, верования, обычаи, традиции коренных народов находятся под особой защитой органов власти территории.

5. Признается принцип свободы совести, уважения верований, обычаев, традиций коренных народов Севера.

6. Создать в округе культурно-научно-образовательный центр и в перспективе открыть национальный университет.

7. Создать окружное издательство.

8. Разработать и реализовать программу подготовки национальных кадров, национальной интеллигенции.

9. Обеспечить каждому представителю коренной национальности такой уровень образования и воспитания, который бы позволил реально выбирать образ жизни и род занятий.

10. Принять меры по укреплению семьи и созданию условий для нормального семейного воспитания. Предусмотреть открытие малокомплектных школ в малых деревнях.

IV Здоровье народа

1. Признается необходимым в качестве первого шага проведение крупными научными и практическими силами широкого, многопрофильного исследования медико-биологического и санитарно-эпидемиологического состояния регио-

на в целом и отдельных его территорий, состояния здоровья всех его жителей.

2. На основании этих исследований должна быть разработана комплексная программа, обеспечивающая рост продолжительности жизни народов, живущих в регионе, в том числе за счет снижения уровня детской смертности от инфекционных, наследственных и других заболеваний, улучшения качества питания, расширения наркологической службы как одного из факторов предотвращения случаев самоубийств.

3. Необходимо разработать и принять закон о поощрительных мерах в отношении коренных народов, воспитывающих трех и более детей (жилье, медицинское обслуживание, материальная помощь).

4. Одной из практических задач является обеспечение условий для ликвидации дискриминации между уровнями медицинского обслуживания «осевшего» и кочевого коренного населения.

Из Устава Ассоциации «Спасение Югры»

I Общие положения

...Основной целью Ассоциации является объединение всех здоровых общественных сил Ханты-Мансийского округа для решения политических, экономических и законодательных вопросов округа. Основными задачами являются выживание и развитие коренных народностей округа, рост их национального самосознания, объединение усилий по сохранению экологически чистой, социально справедливой, экономически развитой среды для каждого человека независимо от его национальной принадлежности, социального положения и вероисповедания.

II Основные направления деятельности

1. Ассоциация объединяет энтузиастов-подвижников и всех заинтересованных людей, обеспокоенных судьбой коренных народностей Севера...

2. Пробуждение национального самосознания коренных народностей Севера; возрождение исторических ценностей, языка, культуры. Широкая просветительная работа среди

коренных народов, всего населения. Формирование уважительного отношения к традиционному образу жизни.

3. Поиск и внедрение оптимальных путей развития оленеводства, пушного и рыболовного промыслов на основе современных достижений научно-технического прогресса. Сотрудничество с государственными органами в разработке программы рационального природопользования, снижения экологической напряженности в районах промышленного освоения.

4. Выявление потребностей лиц коренной национальности в выборе мест проживания, наиболее отвечающих их запросам. Участие в разработке и реализации проектов переустройства мест постоянного проживания и восстановления заброшенных деревень с учетом рациональной трудовой занятости, обеспечения современного уровня культурного и медицинского обеспечения.

5. Воспитание экологической культуры, участие в проведении независимой экологической экспертизы, проектов размещения промышленных объектов. Участие в разработке и реализации мер по оздоровлению Обь-Иртышского бассейна.

6. Приобщение детей и подростков к духовной культуре, художественным промыслам коренных народов. Участие в развитии училищ, специализированных школ, курсов по подготовке специалистов для села и традиционных отраслей хозяйства.

СОДЕРЖАНИЕ

ПТИЦА-ЛЕГЕНДА	5
ЕСТЬ ЛИ ИСТОРИЯ У НАШЕГО СЕВЕРА?	14
БЕЗ ВОДЫ НЕТ ЖИЗНИ	47
ПОКОРИТЕЛИ САМОТЛОРА	65
ПЛАЧ ЖУРАВЛЯ	79
ШАГИ ВРЕМЕНИ	104
ГОЛОС ХОРОШЕГО ЖУРАВЛЯ	114
КАКОЙ ШАМАН СИЛЬНЕЕ?	129
СЛОВО О МАЛОЙ ШКОЛЕ	138
БУДЕТ ЛИ У СЕВЕРА ХОЗЯИН?	146
САГА О РЕГУЛИ	177
«ТОРУМ-МАН» — БЫТЬ!	188
СЛОВО К ЗЕМЛЯКАМ	214
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Документы, принятые на I съезде коренных жителей Ханты-Мансийского округа 10—11 августа 1989 года	219

Юван Шесталов
(Иван Николаевич Шесталов)

КРИК ЖУРАВЛЯ

Редактор В. Мылов
Художник О. Аплеснина
Художественный редактор М. Кошелева
Технический редактор Т. Черепанова
Корректоры М. Казанцева, М. Худякова
Фото Н. Гынгазова
На форзацах — картины самодеятельного
художника В. Бахлыкова (нос. Угут)
«Рыбацкий поселок» и «Зимовье».

ИБ № 2078

Сдано в набор 14.02.90. Подписано в печать 13.07.90. НС 26419.
Формат 84×100¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная
новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,7. Усл. кр.-отт. 24,2. Уч.-изд. л. 11,3.
Тираж 7000. Заказ 60. Цена 85 коп. Средне-Уральское книжное изда-
тельство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва
«Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

Handwritten signature or mark in the bottom left corner.

266772004
Окружная библиотека

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

ЖУРДАВЛЯ КРИК

Голос хорошего журавля
За семь рек слышать.
— Это слово. Слово-песня.
Слово и в небо поднимет,
И на землю уронит.
Светлое слово уронит.
Станет мостом в завтра.